

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2002

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Докладные записки в ЦК ВКП(б) о состоянии идеологической работы в Казахстане (1945 г.) . . . 3

СТАТЬИ

К. А. Соловьев — Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI — начала XII века 14

А. В. Кива — Китайская модель реформ 34

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. П. Зайцев — Бертран Рассел 52

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СССР

А. А. Искендеров — Очерки новейшей истории советского общества 69

ПУБЛИКАЦИИ

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926 92

СООБЩЕНИЯ

О. Ю. Абакумов — У истоков заграничной политической провокации 127

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СООБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Н. А. Ефимов** — Каким был подлинный С. М. Киров 139
- Л. И. Гольденберг** — Альбертусталер 1753 года 145

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С. Н. Погодин** — Творческое наследие А. С. Лаппо-Данилевского 149
- В. С. Сафрончук, Л. Ф. Филатов** — История внешней политики России. Конец XV—XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны. (I); XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона. (II); Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). (III); Вторая половина XIX века. (IV); Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). (V). 160
- И. С. Рыбаченок** — Россия в XVIII—XX веках. Страницы истории 163
- А. В. Игнатьев** — Россия в Святой Земле. Документы и материалы 165
- М. Е. Ерин** — С. Г. Сидоров. Труд военнопленных в СССР 1939—1956 гг. 168
- А. И. Борозняк** — «Вершить суд над самими собой...» История и значение Франкфуртского процесса над палачами Освенцима 170
- О. Р. Айрапетов** — Д. Схиммелпенник ван дер Ойе. Навстречу Восходящему Солнцу. Русская имперская идеология на пути к войне с Японией 173

Докладные записки в ЦК ВКП(б) о состоянии идеологической работы в Казахстане (1945 г.)

Журнал «Вопросы истории» опубликовал материалы о совещании по проблемам исторической науки, созванном ЦК ВКП(б) летом 1944 г. ¹.

Во вступительной статье к публикации стенограммы совещания Ю. Н. Амиантов отметил, что руководство ЦК ВКП(б) дало согласие на его проведение с тем, чтобы позднее «разработать директивы ЦК по наиболее важным историческим и историографическим проблемам». Он считает, что решение было принято в рабочем порядке, и что «критический заряд против инакомыслящих историков было решено выпустить не в концентрированном виде официальных директив ЦК, а распределить по отдельным работам, оказавшимся в центре критического внимания совещания». На страницах журнала «Большевик» были опубликованы разгромные рецензии на работы Б. С. Сыромятникова, А. И. Яковлева, Е. В. Тарле и книгу «История Казахской ССР...» ².

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) — ф. 17 — Центральный Комитет ВКП(б), оп. 125 — Управление пропаганды и агитации (УПА), д. 311 — выявлены документы, свидетельствующие о том, что были приняты и другие решения.

Речь идет о представленной в ЦК ВКП(б) докладной записке «Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана», по итогам проверки, представленной группой ответработников УПА и Союза советских писателей. К ней прилагается записка Г. Александрова, направленная Г. М. Маленкову об итогах работы пропгруппы с предложением заслушать на Оргбюро ЦК ВКП(б) отчет руководства казахских коммунистов об идеологической работе республиканской парторганизации и персональный отчет секретаря ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде М. Абдыкалыкова.

В затребованном ЦК ВКП(б) Отчете ЦК КП(б) Казахстана о состоянии идеологической работы в республиканской партийной организации содержалась попытка оградить республиканскую партноменклатуру от критики центра.

Судя по документам, работа московской пропгруппы, направленной «для оказания практической помощи» коснулась практически всех сторон

«идеологического фронта» — истории, литературы, репертуара, издательского дела, самого отдела пропаганды ЦК Компартии Казахстана, включая секретаря — Абдыкалыкова и продолжалась более 3-х месяцев.

Значительное место в докладной записке группы работников УПА и Союза писателей занимает сюжет об изданной в 1943 г. книге «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней» (под ред. А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова). Данная работа в 1944—1945 годах была подвергнута критике, устами А. И. Яковлева и Г. Александрова за ней утвердился ярлык «антирусской книги». Авторы записки «Об ошибках и недостатках...» дополнили эту оценку выводами о несоответствии ее марксистской методологии, о приукрашивании феодально-патриархальных отношений и о неправильной антиисторической оценке факта присоединения Казахстана к России. Несоответствие книги теории «наименьшего зла» и национал-большевистским приоритетам идеологии стало одной из причин жесткого подхода к редакторам — Панкратовой и Абдыкалыкову, о котором отдельно говорится в публикуемых документах. Аналогичной критике, с обвинениями в «игнорировании классового подхода при оценке исторических событий и исторических деятелей», были подвергнуты казахские писатели.

Документы приводятся без сокращения. Публикация подготовлена Р. М. ЖУМАШЕВЫМ.

Примечания

1. См. «Письма к друзьям» А. М. Панкратовой. — Вопросы истории, 1988, № 11; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 года. — Вопросы истории, 1991, № 1; Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. «Вопросы истории», 1996, №№ 2—9.
2. Вопросы истории, 1996, № 2.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М.

Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана

По решению ЦК ВКП(б) в июле с. г. в Казахскую ССР была направлена группа работников Управления пропаганды и Союза Советских писателей СССР для оказания практической помощи ЦК КП(б) Казахстана в идеологической и пропагандистской работе.

В ходе работы группой были вскрыты серьезные ошибки и недостатки в идеологической работе Казахской партийной организации.

ЦК КП(б) Казахстана и его отдел пропаганды не сделали для себя всех необходимых выводов из решений ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партий-

Жумашев Рымбек Муратович — кандидат исторических наук, доцент Карагандинского университета (Казахстан).

ной организации» и «Об агитационно-пропагандистской работе в Башкирской парторганизации»¹ и не сумели улучшить постановку идеологической и пропагандистской работы в республике. Секретарь ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде т. Абдыкалыков² не принял соответствующих мер к исправлению серьезных идеологических ошибок, допущенных в работах ряда историков и литераторов Казахской ССР.

Научная работа в области истории в Казахстане находится в запущенном состоянии. За последние годы работники сектора истории института языка, литературы и истории (ныне института истории, этнографии и археологии), не издали ни одной крупной научной работы, а в подготовленных к печати рукописях по истории Казахстана и в изданной в 1943 г. «Истории Казахской ССР» допущены серьезные идеологические ошибки³.

Авторы «Истории Казахской ССР», вопреки марксистской методологии, положили в основу истории Казахстана не развитие производительных сил, производственных отношений, классов и классовой борьбы, а борьбу казахов за свою независимость.

Составители «Истории Казахской ССР» не только не показали глубоко реакционную роль монгольского ига, но ошибочно утверждают, что татаро-монгольское завоевание способствовало складыванию и развитию казахской народности, а одного из эмиров Золотой Орды Едыге прославляют, как народного героя и защитника трудящихся.

В «Истории Казахской ССР» приукрашиваются феодально-патриархальные отношения в Казахстане, не проводится разграничение между подлинными национально-освободительными движениями казахского народа и разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов, феодально-реакционные движения султанов Каратая и некоторых других безоговорочно отнесены к подлинным национально-освободительным движениям.

Авторы «Истории Казахской ССР» дали неправильную антиисторическую оценку факта присоединения Казахстана к России, не показав понастоящему положительное, прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав Российской империи. Историю казахского народа авторы дают в отрыве от истории великого русского и других народов Советского Союза. В книге совершенно недостаточно показываются культурные и экономические связи между казахским, русским и другими народами СССР, и совместная борьба против чужеземных захватчиков и помещичье-капиталистического гнета.

Некоторые казахские историки и литераторы явно идеализируют Золотую Орду и всячески восхваляют Едыге. В подготовленном в 1944 г. Казахским филиалом Академии Наук «Историческом сборнике» в статье тов. Маргулана «Ер — Едыге» говорится: «Едыге — один из гениальных людей эпохи Золотой Орды. В народе сохранилось выражение: «тонкий волос вдоль ровно рассекал», как утверждение его справедливости. Он был защитником народа, мудрым политиком, печальником масс. По сохранившимся в народе преданиям, Едыге всю свою жизнь посвятил народу, Родине, поэтому и имя его не забывается веками» (стр. 56).

Несмотря на указание ЦК ВКП(б) о ханско-феодальной сущности Эпоса об Едыге, данного в постановлении «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», — ряд литераторов и в 1945 году продолжали сочинять хвалебные стихотворения об Едыге (Сборник стихотворений «Ар» с. 27—28).

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Абдыкалыков, вопреки историческим фактам, утверждает, «что у нас, т. е. в Казахстане, был другой Едыге, чем у татарского народа».

В трудах некоторых казахских историков и литераторов игнорируется классовый подход при оценке исторических событий и исторических деятелей. Вопреки историческим фактам отдельные казахские историки пытаются доказать, что например, хан Аблай является подлинно народным ханом. В сборнике «Казахские батыры» (авторы — Кенжибаев, Маргулан и др.)⁴, подготовленном к печати в 1944 году, о хане Аблае⁵ сказано: «Аблай хорошо понимал чаяния народа. Его деятельность целиком была посвящена делу свободы народа, его объединению».

Действительно, хан Аблай, пытаясь объединить старший, средний и младший жузы в единое казахское ханство, совершал прогрессивное дело. Однако, действовал он, прежде всего, во имя укрепления господствующего класса феодалов, а не во имя свободы народа.

Другие казахские историки дошли до того, что поставили на одну доску деятельность подлинно народного героя, руководителя национально-освободительного восстания 1916 года Амангельды Иманова⁶ с деятельностью Едыге, Кенесары Касымова⁷ и некоторых других казахских ханов, стали рассматривать Амангельды, как продолжателя дела Едыге и других ханов «в борьбе за свободу, счастье и интересы народа».

В подготовленной к печати монографии «Амангельды Иманов» (авторы Маргулан, Нурканов, Сулейменов и др.) сказано: «Родина Амангельды — Тургайские равнины всем прежним казахским батырам представлялась вечным маяком и чем-то вроде путеводной звезды к свободе и независимости. В необъятных и безбрежных просторах Тургайской равнины, по представлению трудящегося народа, всегда четко и ясно отдавался в ушах топот копыт боевых коней таких прославленных батыров всех времен, как Едыге, Кобланды, Кенесары, Амангельды, мчавшихся по степи, отстаивая интересы народа и борясь за его свободу и счастье».

По мнению авторов, Амангельды Иманов сформировался, как вождь трудящихся казахов не в обстановке классовой борьбы внутри казахского общества и огромного влияния русского революционного движения, а благодаря особенностям Тургайской равнины, где родился Амангельды. Тургайские равнины, «начиная с самых отдаленных эпох, являлись бурлящим источником героизма, всегдашним источником отважной борьбы казахского народа за свободу и национальную независимость». Эти ошибочные и вредные утверждения не были подвергнуты критике, хотя рукопись была прочитана тов. Абдыкалыковым.

Одним из крупнейших недостатков казахских историков и института истории Казахского филиала Академии Наук является тот факт, что они совершенно не занимаются научной разработкой и исследованием советского периода истории Казахстана.

Идеологические ошибки, вскрытые в исторической литературе, характерны также и для казахской художественной литературы, литературоведения и литературной критики. Некоторые художественные произведения воспитывают у читателей-казахов чувство вражды и ненависти к русским. Примером может служить повесть Сабита Муканова⁸ «Балуан Шолак» (Алма-Ата, 1942 г.). Автор не делает различия между царскими чиновниками и русским народом. Рисуя страшные картины колонизации, автор

совсем не показывает средствами художественной литературы все то, что объединяло русский и казахский народы, не раскрывает их совместную борьбу против угнетателей.

В ряде произведений казахской художественной литературы идеализируются патриархально-феодалные отношения. В своем романе «Абай» писатель Ауэзов⁹ воспроизводит картину роскоши, изобилия, богатства феодально-родовой знати (стр. 426). Автор совершенно не показывает жизни трудового народа, противоречий между богатыми и бедными, классовой борьбы в казахском обществе. Казахский аул в прошлом изображается как место благоденствия, земной рай. Только в конце своего произведения автор вскользь говорит о тяжелом положении народа и то в связи со стихийным бедствием (джут), постигшем народ.

При изображении советской действительности некоторые казахские писатели допускают грубые ошибки, дают неверное, извращенное представление о колхозном строе.

В романе Габидена Мустафина¹⁰ «Чаганак Берсиев» утверждается, что колхозники так бедны, что даже лучшим из них нечем угостить дорогого гостя (с. 238). Когда мастер высокого урожая Чаганак¹¹ отправляется в соседний колхоз, то там он слышит от колхозника Кали следующие слова: «Вот это мне и не нравится в колхозе. Когда скот был в своем личном пользовании, все-таки оборачивались как-то и находили, что резать для гостя, а теперь все обобществлено. Даже вот просо, поставленное перед нами, взято со склада» (с. 85).

В этом же произведении автор преувеличивает и любуется религиозным настроением колхозников и даже сочиняет специальную молитву... «О господи, создатель, снизошли врагам погибель, правым своим великую милость. Сердца несчастных твоих рабов разрываются на части от горя и страданий, слезы их образовали реки, горе придавило мир. Дай воинам нашим смелость и отвагу благочестивого Али зятя пророка, обеспечь им помощь святого Кизыри и любимца своего праведного пророка нашего Магомеда. Аллах велик» (стр. 302).

Похороны Чаганака — передовика сельского хозяйства, заканчиваются словами: «Кто почтен народом, тот в почете и у бога. Твое место в раю. Мир праху твоему» (стр. 382).

В области драматургии казахские писатели чересчур увлекаются драматизацией легенд, уходя от советской действительности в далекое прошлое.

Ошибки в литературно-художественных произведениях не исправляются, критика очень слаба и не способна понять и разобрать их. Оценивая роман Ауэзова «Абай», критик Исмаилов¹², вопреки действительному содержанию романа, утверждал: «Писатель очень ярко и художественно показал жизнь трудового народа».

В литературоведческих работах: «Очерки по истории казахской литературы XVIII—XIX» Сабита Муканова, в учебнике для 8 класса Джумалиева, в учебнике по теории литературы Исмаилова, сборнике древних былин и легенд «Богатырский эпос» (т. 1, 1939 г., под ред. Сабита Муканова) также содержатся серьезные ошибки.

Односторонне и тенденциозно подбирается фольклорный материал.

В учебнике т. Джумалиева¹³ по казахской литературе для 8 класса утверждается, например, что эпическое произведение «Кобланды» отражает борьбу казахов против русских, тогда как в действительности эпос

«Кобланды» отражает борьбу казахов с калмыками до завоевания русскими Казани.

Борьбу русского народа с монголами, изгнание их из русских земель Джумалиев объявляет российской колонизацией. Джумалиев утверждает: «Какие бы легенды — песни этого периода мы не взяли, основная идея одна — освободить Казань, вернуть Волгу, защитить народ, землю... Завоевание царем Казани затронуло не только батыров, но и простых людей. Это событие задело честь не только мужчин, но и женщин и девушек... О Волге пели и акыны XIX века. Короче говоря захват Иваном Грозным Поволжья стал незабываемым событием, задевшим честь народа» (с. 4—5).

В учебнике цитируются антирусские тексты из ханско-феодалных эпических произведений: Я проучу тебя, гяур, Если вновь придешь в Казань, Волосатый гяур, Кару мою увидишь ты, Потеряешь ты покой. Не уймуь, пока не окровавлю города твои, Пока не заплачут дети твои (стр. 260).

В работах по истории казахской литературы художественные произведения подбираются и истолковываются так, что дается извращенное представление о борьбе за независимость Казахстана. При анализе произведений литературоведы не проводят различия между русским царизмом и русским народом, не различают действительное национально-освободительное движение от разбойничьих набегов ханов. Все ханы объявляются батырами, борцами за народ, за его счастье. В один ряд становятся Едыге и Амангельды. В книге С. Муканова «Очерки по истории казахской литературы XVIII — XIX в.» (изд. 1942 г.) сказано: «Борьба за независимость своего народа породила таких исторических батыров, как Едыге, Кобланды, Таргини, Комбар, батыров XVIII—XIX вв. Срыма, Есета, Жанхожы и другие, через народное восстание, возглавлявшееся Амангельды Имановым, примыкают к Великой Октябрьской революции».

Тов. Муканов прославляет историю Золотой Орды, утверждая, что «После смерти монгольского хана Чингиса, управлявшего Востоком и Средней Азией, его старший сын на берегу Едил (Волга) создал государство «Алтын Орда» (Золотая Орда). Это государство в течение 300 лет славно существовало. В управлении и его обороне принимали участие и славились казахские батыры: «Едыге, Кобланды, Шора, Срым, Мамай, Коз-Турган, Тальегиз — эти исторические личности известны в истории, как народные батыры, защищавшие земли от иноземных захватчиков... Россия, завоевав крымских, астраханских, казанских ханов, с XVIII века начинает захват Казахской степи» (стр. 152—153).

Заслуживает внимания и такой факт. Рукопись Малика Габдуллина ¹⁴ «Мои фронтовые друзья», задержанная в верстке зав. сектором печати отдела пропаганды ЦК КП(б) Казахстана т. Колесниковым, написана в антирусском духе. Описывая боевые действия батальона Панфиловской дивизии, автор показывает, что командир этого батальона Момыш Улы ¹⁵ (казак) укрепляет боеспособность батальона тем, что привлекает к ответственности нарушителей дисциплины, наказывает трусов, расстреливает предателей. Но все эти трусы, нарушители дисциплины, изменники Родины оказываются русскими. Рукопись Габдуллина дает заведомо извращенное описание роли русского солдата в войне. В рукописи Габдуллина события изображаются таким образом, что под Москвой героически сражались только одни казахи.

Показательно, что после того, как эта рукопись была задержана т. Колесниковым, то т. Абдыкалыков заявил ему: «Вы не самовольничайте и не забывайте, где вы живете и работаете».

Крупные ошибки и недостатки имеют место также в работе учреждений искусств, в частности казахских театров, для которых характерен отход от современной тематики и игнорирование передовой русской театральной культуры. За время войны на сценах казахских театров не ставились пьесы, отражающие героический облик советских людей, их борьбу за свободу своей социалистической Родины, дружбу народов СССР. В репертуаре казахских театров отсутствуют русские классические пьесы. За 20 лет своего существования республиканский казахский драматический театр поставил лишь 4 русские классические пьесы, а казахский драматический театр оперы и балета за 11 лет своего существования не поставил в исполнении казахского оперного коллектива ни одной русской классической оперы.

Следует также отметить, что в пропагандистской работе отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана допущена серьезная ошибка. В начале текущего года отдел пропаганды ЦК КП(б) Казахстана без всякой надобности разработал и разослал в обкомы и райкомы партии «Программу по истории ВКП(б) «для вечерних университетов марксизма-ленинизма и районных партийных школ. Уже само название говорит о порочности этой программы, ибо программа для вечерних университетов марксизма-ленинизма и райпартшкол далеко не одна и та же. Программа составлена небрежно, неграмотно, содержит много грубых ошибок.

В I главу Истории ВКП(б) почему-то включен вопрос «Роль Ленинской «Искры» в подготовке марксистской партии в России», в то время, как этот вопрос относится ко II главе. В IV главе пишется: «Блок большевиков во главе с Лениным и Плехановым против антипартийных группировок» «Принятие Пражской конференцией большевистской программы — минимум». Целые разделы «Краткого курса» совершенно вышущены в программе.

В «программу» произвольно включены и «новые» главы: девятой главой идет «Учение Ленина — Сталина по национальному вопросу», в которую включен и такой вопрос, как «Казахская ССР в Великой Отечественной войне», XV главой — «Диалектический и исторический материализм», а всего получилось XVI глав.

В связи с включением в программу «новых глав», нумерация после VIII главы по Краткому курсу нарушена.

Характерно, что до приезда группы никто в республике не обратил внимания на все эти ошибки составленной отделом пропаганды ЦК КП(б) Казахстана программы по истории ВКП(б). А на наш вопрос: «как могли составить такую программу?» — тов. Абдыкалыков заявил: «я ее даже не видел».

Крупные недостатки вскрыты и в работе Казахского издательства. Издательский план в 522 названия (объем 2536 листов) за время с 1 января по 1 августа 1945 года выполнен только на 14%.

Плохо обстоит дело с переводами и изданием произведений классиков марксизма-ленинизма. Отдельные произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина изданы 3—5 лет тому назад, причем изданы на латинском алфавите. В издательском плане 1945 г. предусмотрено издание перевода первого тома собр. соч. Ленина, «Вопросы ленинизма» Сталина, «Краткого

курса истории ВКП(б)», биографий Ленина, Сталина. Однако, ход подготовки указанных трудов не обеспечивает их издание в этом году.

Неудовлетворительно выполняется план издания художественной литературы. За 7 месяцев этого года план выполнен лишь на 5%. В республике мало переводится русских художественных произведений на казахский язык. По данным книжной палаты с 1937 г. по 1945 г. издано лишь 38 названий. Только недооценкой русской классической литературы можно объяснить тот факт, что в течение 4—5 лет не изданы готовые переводы Белинского. Количество произведений классиков русской и мировой литературы, предназначенных для перевода и издания в этом году, совершенно недостаточное.

Полиграфическое и художественное оформление книг крайне неудовлетворительно. Большим тормозом в работе Казахского издательства является неукомплектованность издательства квалифицированными кадрами. Из 28 редакторов, предусмотренных штатом, имеется лишь 5 редакторов.

В исключительно запущенном состоянии в Казахстане находится дело подготовки научных кадров в области общественных наук. Считается, что подготовка научных кадров по общественным наукам организована при филиале Академии наук СССР, при Казахском университете и педагогическом институте. Но в настоящее время в аспирантуре указанных учреждений обучается только 27 человек, из них по истории 5 человек, по экономике 3 человека, по казахскому языку 4 человека и т. д. Работа с аспирантами организована совершенно неудовлетворительно. Имеются недопустимые факты нарушения порядка сдачи кандидатского экзамена. У аспирантов часто меняются научные руководители. В результате такого положения мало кто из аспирантов, после трехлетнего пребывания в аспирантуре, защищает кандидатские диссертации. В Алма-Атинском пединституте с 1938 по 1945 гг. обучалось в аспирантуре по различным специальностям 29 человек, из них 22 человека выбыли по разным причинам, а из 7 человек, находящихся в аспирантуре три года, ни один аспирант кандидатской диссертации не защитил. Имеются отдельные случаи, когда аспиранты, находясь в аспирантуре с 1939 года, до сих пор кандидатскую диссертацию не защитили. За 6 лет с 1939 по 1945 гг. в Казахстане по общественным наукам защитили диссертацию только три аспиранта. Неудовлетворительное состояние подготовки научных кадров по общественным наукам объясняется тем, что Наркомпрос Казахской ССР по-настоящему не занимается этим делом. ЦК КП(б) Казахстана и его отдел пропаганды не уделяют этому важнейшему вопросу должного внимания. За последние 1,5—2 года ЦК КП(б) Казахстана ни разу не проверял состояния работы с аспирантами и не принял мер к решительному улучшению дела подготовки научных кадров. Лишь по предложению и при участии группы работников Управления пропаганды бюро ЦК КП(б) Казахстана 11 сентября с.г. обсудило и приняло решение «О состоянии подготовки научных кадров в области общественных наук в Казахской ССР». Все отмеченные недостатки в идеологической работе Казахской парторганизации объясняются тем, что ЦК КП(б) Казахстана и его отдел пропаганды недооценивали вопросы идеологической работы, не принимали мер к решительному исправлению серьезных идеологических ошибок, допущенных в области истории и литературы, и не организовали большевистского воспитания научных работников, литераторов, работников искусств. Секретарь ЦК КП(б) Казахстана

по пропаганде т. Абдыкалыков, по нашему мнению, и сейчас не желает и не способен принять сколько-нибудь серьезные меры к устранению идеологических ошибок, допущенных в освещении истории казахского народа, а также в художественной литературе.

Тов. Абдыкалыков занял неправильную позицию по отношению к опубликованной в журнале «Большевик» рецензии на книгу «История Казахской ССР», выпущенной под редакцией Абдыкалыкова и Панкратовой. Тов. Абдыкалыков всячески задерживал опубликование в республиканской печати рецензии на «Историю Казахской ССР». На предложение зав. сектором печати отдела пропаганды ЦК КП(б) Казахстана тов. Колесникова об ускорении опубликования рецензии, тов. Абдыкалыков заявил: «Что вы пристали с рецензией. Расклейте ее хоть по всем заборам». Не случайно рецензия на «Историю Казахской ССР» лишь спустя 3 месяца после опубликования в «Большевике», была напечатана в газете «Социалистический Казахстан», да и то по личному указанию первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Боркова.

Вместо того, чтобы широко разъяснить партийному активу и интеллигенции принципиальные ошибки, допущенные составителями «Истории Казахской ССР», т. Абдыкалыков пытался смазать и замолчать эти ошибки. На совещании работников отделов пропаганды и агитации обкомов, зав. сектором отдела пропаганды ЦК КП(б) Казахстана т. Оленин выступил с критикой ошибок, допущенных в «Истории Казахской ССР».

Однако тов. Абдыкалыков его остановил и не дал возможности ему говорить. До приезда работников Управления пропаганды ЦК ВКП(б) бюро ЦК КП(б) К не приняло постановления «О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР». Тов. Абдыкалыков не только затягивал, но по существу срывал принятие ЦК КП(б) Казахстана постановления по этому вопросу.

В процессе составления проекта постановления бюро ЦК КП(б) Казахстана «О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» т. Абдыкалыков пытался всячески смазать допущенные ошибки.

В докладе на бюро ЦК КП(б)К при обсуждении этого вопроса т. Абдыкалыков не дал большевистской критики ошибкам, допущенным в освещении важнейших проблем истории Казахстана.

Тов. Абдыкалыков обошел вопрос о прогрессивном характере присоединения Казахстана к России, о приукрашивании историками патриархально-феодальных отношений в Казахстане и отрыве истории казахского народа от истории великого русского и других народов Советского Союза.

Даже после принятия постановлений бюро ЦК КП(б) Казахстана «О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» (14 августа 1945 г.)¹⁶ и «О состоянии и перспективном плане творческой работы театров республики» (28 августа), а также после длительной работы в Казахской республике группы работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Союза советских писателей СССР, отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана и его руководитель тов. Абдыкалыков не сделали для себя необходимых выводов и по-прежнему продолжают смазывать допущенные в республике идеологические ошибки.

Тов. Абдыкалыков всячески старается, чтобы об этих ошибках и их исправлении меньше всего говорили. Об этом говорит следующий факт: 13 сентября по решению бюро ЦК КП(б) Казахстана было проведено

собрание научных работников и литераторов с докладом тов. Абдыкалыкова «О подготовке 2-го издания истории Казахской ССР». Когда к тов. Абдыкалыкову после доклада подошел ответственный секретарь газеты «Казахстанская правда» тов. Разумовский и просил у него текст доклада для использования его на страницах газеты, он в грубой форме заявил тов. Разумовскому: «Вы пишете об Едыге, ну и пишите, а я вам никакого доклада не дам». На второй день, на вопрос руководителя пропгруппы тов. Битиева: «Как вы решили осветить на страницах газет материалы собрания», — тов. Абдыкалыков заявил: «Пусть они сами (работники редакции) пишут, они же имеют свои головы». На предложение тов. Битиева о проведении собраний партийно-хозяйственного актива и интеллигенции с докладами «Об ошибках, допущенных в «Истории Казахской ССР» и задачах улучшения идеологической работы», тов. Абдыкалыков ответил, что в этом уже нет необходимости, а если кто захочет, пусть проводит, я выступать больше не буду, мне это уже надоело».

Для быстрейшего улучшения идеологической работы в Казахской партийной организации было бы целесообразно укрепить отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б) Казахстана, а секретаря по пропаганде т. Абдыкалыкова освободить от работы.

Считаем необходимым доложить ЦК ВКП(б), что второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана т. Шаяхметов в ходе обсуждения проекта постановления ЦК КП(б) Казахстана «О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР», занимал по некоторым вопросам неправильную позицию. Ссылаясь на то, что казахский Едыге имеет широкую популярность в казахском народе, что именем Едыге называют детей, именем Едыге старики благоговаяют своих сыновей и т. п.¹⁷, т. Шаяхметов предлагал исключить из проекта постановления все пункты, относящиеся к Едыге. Но это предложение т. Шаяхметова было отвергнуто бюро ЦК КП(б) Казахстана.

В связи с тем, что в ходе работы вскрыты серьезные недостатки и ошибки в идеологической работе Казахской парторганизации, которые трудно исправить без вмешательства ЦК ВКП(б), было бы целесообразно заслушать в ЦК ВКП(б) отчет ЦК КП(б) Казахстана о состоянии идеологической работы и принять соответствующее решение ЦК ВКП(б).

Подпись	А. Маслин
	Д. Поликарпов
Подпись	П. Климов
	М. Добрынин
Подпись	С. Битиев

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М.

По решению ЦК ВКП(б) группа работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Союза советских писателей была направлена в июле с. г. в Казахстан для оказания помощи в идеологической работе Казахской партийной организации.

В идеологической работе Казахской партийной организации были вскрыты серьезные недостатки и ошибки, о чем было доложено ЦК ВКП(б). ЦК ВКП(б) вынес постановление заслушать отчет ЦК КП(б) Казах-

стана о руководстве работой партийных организаций Казахстана и обязал ЦК КП(б) Казахстана представить в ЦК ВКП(б) письменный отчет по этому вопросу.

ЦК КП(б) Казахстана отчет о состоянии идеологической работы представил 10 декабря с. г.

Прошу вопрос о состоянии идеологической работы Казахской партийной организации включить в повестку одного из ближайших заседаний Оргбюро ЦК ВКП(б). Было бы целесообразно на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) с отчетом об идеологической работе Казахской партийной организации вызвать секретаря ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде тов. Абдыкалыкова¹⁸.

14.XII.1945 г.

Подпись

Г. Александров

Примечания

1. Постановления ЦК ВКП(б) были приняты в 1944 году.
2. М. Абдыкалыков в 1941—1947 гг. секретарь ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде.
3. «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», подготовлена коллективом из 33-х авторов и издана в Алма-Ате в 1943 году, под ред. А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова.
4. Кенжебаев Б. (1904—1987) — писатель, литературовед, исследователь фольклора.
5. Аблай (1711—1781) — хан Среднего жуза. В 1771 г. избран ханом Старшего, Среднего и Младшего жузов.
6. Амангельды Иманов (1873—1919) — член РКП(б) с 1918 г., руководитель восстания 1916 г. в Казахстане, участник установления советской власти в Казахстане.
7. Кенесары Касымов (1802—1847) — султан Среднего жуза, внук Аблая. В 1837—47 гг. — руководитель антиколониального восстания.
8. Сабит Муканов (1900—1973 г.) — писатель. В 1936—37, 1943—52 гг. — председатель Союза писателей Казахстана.
9. Мухтар Ауэзов — писатель, академик. Роман «Путь Абая» удостоен Ленинской премии (1959 г.).
10. Габиден Мустафин — писатель, общественный деятель, автор романов «Шиганак» (1945), «Караганда» (1952).
11. Шиганак Берсиев, рисовод-передовик, удостоен Сталинской премии (1943 г.).
12. Исмаилов Е. (1911—1966 гг.) — литературный критик, доктор филолог. наук, член ВКП(б) (1946 г.).
13. Джумалиев К. (1907—1968 гг.) — поэт, литературовед, доктор наук, член партии с 1941 г. Основные труды по теории литературы.
14. Габдулин Малик (1915—1973 г.) — писатель, педагог. Герой Советского Союза (1943 г.), доктор наук. 1946—1951 — директор Института языка и лит-ры АН КазССР.
15. Момыш Улы Бауржан — писатель, комбат Панфиловской дивизии. Герой Советского Союза (1991 г.).
16. 2-е издание «История Казахской ССР» под ред. А. М. Панкратовой и И. О. Омарова. Алма-Ата 1947 г. т. 1.
17. В годы Великой Отечественной войны мужчин, уходивших на фронт, благословляли старшие в роду, семье, согласно древнему обычаю — «бата беру». Предложение Шаяхметова основано на этом традиционном обычае. В исторической памяти казахов Едыге сохранился в образе защитника родины. Использование в первые годы войны национальных традиций защиты отечества возродило многие исторические имена. Призыв «За Родину, за Сталина» переплетался в сознании бойцов-казахов с древним боевым духом и отождествлялся с образом защитников родины — Едыге, Кенесары, Амангельды.
18. В конце 1945—1946 гг. в протоколах Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) вопрос об Абдыкалыкове не рассматривался. 12.04.1947 г. на 17 Пленуме ЦК КП(б) Казахстана он выступал как секретарь по пропаганде (РГАСПИ, ф. 17, оп. 88. д. 846, л. 4).

Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI — начала XII века

К. А. Соловьев

Тема становления государственности в Древней Руси имеет несколько граней, по-своему преломляющих сведения источников о взаимоотношениях народа и власти. Одна из этих граней — место культа первых русских святых в организации властных отношений. Сформировавшийся в первые десятилетия после утверждения христианства на Руси культ Бориса и Глеба не только, как писал С. М. Соловьев, выражал «нравственную борьбу нового, христианского общества с старым, языческим»¹, но и должен был помочь приспособить христианские представления к той системе ценностей, которая сложилась у славян в предшествующую эпоху.

В интересующей нас плоскости (отношения власти с населением, с одной стороны, и взаимоотношения внутри правящего слоя — с другой) культ святых-страстотерпцев, создаваемый и укрепляемый Рюриковичами, приобретал качества основного морального критерия праведности, правильности правителя. Такое значение этого культа влияло на способы обретения государственной власти, утверждавшиеся на Руси к концу X в.: приглашение князя городской общиной; передача власти от одного князя к другому (наследнику) по взаимному согласию с городом (воlostью) и утверждение на столе при устранении других претендентов на власть.

В литературе, посвященной культу святых-страстотерпцев, утвердилось четыре подхода к оценке его влияния на политические отношения в древнерусском государстве. Их можно было бы условно обозначить следующим образом: патриотическое звучание культа²; его значение в династических отношениях русских князей³; его роль в становлении и укреплении православия, усилении влияния церкви в обществе⁴; и, наконец, использование образов святых-страстотерпцев для укрепления государственной власти, повышения к ней доверия со стороны населения⁵. Ряд авторов рассматривает культ Бориса и Глеба как сочетание двух или более религиозно-политических тенденций⁶.

Соловьев Константин Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета.

Столь значительное количество трактовок вызвано в первую очередь стремлением показать общерусское звучание культа. При этом в большинстве работ вся история домонгольской Руси рассматривается как единый, цельный и непротиворечивый этап, что лишает возможности рассматривать культ в развитии и многообразии его «политических оттенков», на что обращал внимание Д. С. Лихачев ⁷.

Можно рассмотреть свидетельства источников, сгруппировав их, во-первых, хронологически (по поколениям русских князей ⁸), а во-вторых, тематически — по сюжетам. Это позволит проследить, как изменялись представления о культе Бориса и Глеба, свойственные каждой из трех «заинтересованных сторон»: княжеско-боярской, церковной и народной. В качестве основных источников используются Летописная повесть (ЛП) о событиях, развернувшихся после смерти Владимира Святославича; несторово «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» (Чтение); анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» (Сказание); один из вариантов Паремийного чтения Борису и Глебу (ПЧ), а также сообщения древнейших летописных сводов ⁹.

Известия об отношении великого князя Ярослава Владимировича к памяти убитых братьев содержатся в ЛП (в Повести временных лет, ПВЛ, под 1015 и 1019 гг.) и Сказании. Необходимо учитывать, что в этих произведениях на изложение событий, связанных с братской междоусобицей, и на их оценку повлияли представления трех эпох: той, когда эти события происходили (первая треть XI в.); той, когда составлялось их описание (последняя треть XI в.); той, когда это описание подвергалось переработке (начало XII века).

Вступая в борьбу за киевский стол, Ярослав обосновывал свою решимость сражаться тем, что убийство братьев Святополком нарушило божественный «закон»: «И пошел на Святополка, и, воззвав к Богу, сказал: „Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за братьев моих“». Перед решающей битвой на р. Альте Ярослав вторично использовал имя убитого брата для того, чтобы воодушевить своих воинов: «Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: „Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, обрек Каина на стенания и трепет“» ¹⁰.

Свою борьбу Ярослав объясняет в этих словах (в том виде, в каком они до нас дошли) стремлением не присвоить «стол отний и дедний», а справедливо наказать братоубийцу. Обретение же власти киевского князя (как это представлено в доброжелательных по отношению к Ярославу литературных произведениях конца XI — начала XII в.) выглядит уже как следствие «справедной» позиции, занятой им в противостоянии братьев ¹¹. Во второй его речи этот мотив праведности усилен ссылкой на библейскую историю убийства Авеля Каином. Наконец, истинность действий Ярослава с точки зрения христианской религии подтверждало «нападение беса» на Святополка — болезни, соотносимой со «стенанием и трясением» Каина.

Тема «оправдания мстостью» еще сильнее звучит в «особой редакции» ПЧ, которую публикатор считает первой и современной Ярославу ¹². В ней не только трижды говорится о справедливости кровной мести, но и сама месть Ярослава искусно сближается с одной из главных идей средневекового христианства — теорией «казней Господних». Оборвав рассказ об убийстве братьев Святополком, автор «особой редакции» ПЧ вставляет в него

рассуждение о природе власти: «А не видел окаянный, что Бог власть дает, кому сам хочет. Если будут в какой стране люди богопослушны, Бог даст им князя любящего Бога и правду. Если злы будут князи... то за грехи людей таких томителей дает Бог... тако сделано было и на Руси: Владимира взял Господь, а Святополк навел за грехи людские»¹³.

Использовал ли Ярослав образ убитых братьев для того, чтобы оправдать свои действия в самый момент борьбы со Святополком или уже *post factum*¹⁴ (в таком случае его «речи» были сконструированы при составлении текстов борисоглебского цикла), сказать затруднительно. Известно, что месть за убитого родственника была обычной практикой для правителей Северной и Восточной Европы того времени. Другое дело, что мотив «праведного гнева» не просто выдвинут на первый план, он заслоняет собой все остальные, что не соответствует сложившемуся позже образу Ярослава Мудрого. И отечественные и зарубежные источники рисуют Ярослава политиком крайне расчетливым, если не сказать циничным. Он готов выступить с оружием в руках против отца¹⁵, «обольсти и исече» недовольных его варяжской дружиной новгородцев и не мучается угрызениями совести. Согласно «Саге об Эймунде», он заранее готовится к военному столкновению с братьями, затрудняясь лишь тем, сколько надо платить наемной варяжской дружине. Когда же военное счастье оказывается не на его стороне, он предпочитает бегство сопротивлению¹⁶.

Но между русскими и зарубежными источниками существует одно различие. Согласно последним, Ярослав коварен и жесток на протяжении всей своей жизни. В русских источниках — только до победы на Альте, осененной образом св. Бориса¹⁷. Наиболее же отчетливо расхождение в трактовке образа Ярослава проявляется в том, как показана смерть его противника — Святополка Окаянного. Согласно «Саге об Эймунде» «конунга Бурислава» убили варяги из дружины Ярослава, а сам он лицемерно оценил их действия так: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам». В Сказании же Святополк умирает не по воле Ярослава, но наказуемый Богом, а в ЛП — «гоним Божьим гневом»¹⁸. Сам же Ярослав, согласно русским источникам, занимается делом праведным и богоугодным — утверждает память невинно убиенных братьев.

Итак, имена Бориса и Глеба, то ли в ходе борьбы между Ярославом и Святополком, то ли сразу после нее, были использованы для того, чтобы установить образец «правильной» (читай — справедливой) власти. Причем, если точка отсчета вполне архаична (месть за убитых без вины), то продолжение — новаторское: свершившаяся месть не только ведет к достижению земной власти, но и перерождает самого претендента (он избавляется от всех неправедных мыслей и поступков), приобщая его к святости власти небесной.

Второй сюжет, связанный с именем Ярослава Мудрого, строится вокруг постепенного утверждения культа князей-страстотерпцев: целителей-чудотворцев и покровителей русской земли. Наиболее отчетливо он проявляется в Чтении, написанном Нестором-летописцем в соответствии с «требованиями византийской агиографии»¹⁹. Одно из таких требований касается взаимоотношений власти и святости: власть не должна брать на себя инициативу в прославлении святого²⁰. Правитель выступает как сторона нейтральная и непредубежденная, а признание святости достигается давлением «снизу». Перед Нестором стояла очень трудная задача: сохранить

житийный канон и не порвать окончательно с реальностью, в которой роль Ярослава в прославлении братьев была чрезвычайно велика. Задачу эту он изящно решает с помощью приемов, дополняющих, но не разрывающих каноническое построение Чтения.

По тексту Чтения, поиски утраченного тела князя Глеба предпринимаются по приказу Ярослава, но они не дают результата²¹. Таким образом, с Ярослава снимается подозрение в политиканстве — использовании имен погибших братьев только с целью получения власти. При этом сохраняется каноническая чистота жития, поскольку мысль о святости персонажа зарождается в народе. Кроме того, поисками св. Глеба и прославлением обоих братьев заняты две власти. Одна представлена великим князем Ярославом, другая — «старейшинами» городов, в которых происходит то или иное действие исторической драмы. В соответствии с реалиями древней Руси, именно «старейшина» выступает перед князем от имени народа и сообщает властителю о чудесах, связанных с мощами святого.

Происходит это дважды. Первый раз, при обретении нетленного тела Глеба, «старейшина граду» (в соответствии с Сказанием — Смоленска) посылает посла «возвестить» о находке «христоробивому Ярославу»²². Второй раз — после того как сгорела церковь св. Василия в Вышгороде, возле которой находилось захоронение Бориса и Глеба. Получается, что важнейшие действия по утверждению культа святых-страстотерпцев (перенесение тела Глеба в могилу к Борису и постройку первого Борисоглебского храма) Ярослав предпринимал лишь после того, как получал своего рода «народную санкцию» в виде ходатайства городских властей.

Еще один прием, используемый Нестором — введение, наряду с народной, еще и церковной санкции на создание культа, после того как стало известно о первых чудесах. Представлено это в Чтении следующим образом: «Архиепископ же, то слышав... совет благой помыслив в уме, сказав к христоробцу: „Хорошо бы нам, благоверный царь, церковь во имя их построить и установить день, чтобы праздновать их имена“. То слышал, христоробивый князь от митрополита и сказал ему: „Благ совет твой отче, и как велишь, так и сотворим“»²³. В речи митрополита обращает на себя внимание хорошо известный литературный прием: в том случае, когда князь получает церковную санкцию, священник его именуется «царем»²⁴. Тем самым в тексте Чтения воплощается принцип «симфонии» царской и патриаршей власти, необходимый для канонизации святых, но воплощается риторически, предвосхищая подлинную канонизацию Бориса и Глеба византийским патриархом. Таким образом, Ярослав Мудрый в Чтении действует: а) в согласии с народом и даже отдавая инициативу представителям городских общин; б) в «симфонии» с церковью; в) симулируя «цесарскую» власть и тем самым опробуя (литературно — умозрительно) возможности царской легитимности.

Посмертные чудеса, совершившиеся на месте захоронения Бориса и Глеба, послужили главным аргументом в пользу их канонизации. Все они, за исключением самого первого («опаления» ноги варяга, случайно наступившего на могилу Бориса и Глеба), связаны с исцелением больных. Такова трактовка чудес в Чтении: «Много же чудес показал Бог на месте том со святыми своими страстотерпцами: слепые прозревали, хромы ходили, беснующиеся очищались, и иные же, различными недугами болящие, исцеление получали молитвами страстотерпцев Бориса и Глеба»²⁵. Такова же

трактовка чудес и в Сказании²⁶. Каждый случай исцеления здесь предстает знаком небесной благодати, распростертой над останками Бориса и Глеба. Д. Оболенский видел в этой стороне культа аналогию «широко распространенной в средние века во Франции и Англии вере в то, что король при жизни наделен определенным даром целителя»²⁷. В известном исследовании об исцелении золотухи наложением на больного рук короля М. Блок выделил в качестве начальных этапов формирования этого обычая во Франции правление Роберта II Благочестивого (996—1031 гг.), а в Англии — Эдуарда Исповедника (1042—1066 гг.)²⁸ — современников и родственников Ярослава Мудрого²⁹. Им обоим молва приписывала чудесную способность исцелять больных.

Политическая и культурно-историческая ситуация в странах Западной Европы (таких как Англия, Франция, Дания, Швеция, Норвегия) и на Руси в тот период имела сходство. Это все сравнительно молодые государства, без устоявшихся властных традиций. Недавно (по историческим меркам) принятое там христианство еще не вытеснило древних языческих обычаев. Кроме того, властителей западноевропейских стран и Ярослава Мудрого сближало критическое отношение (если не неприязнь) к Византии.

Первоначальным толчком к появлению обряда исцеления наложением рук Блок называет поиск отличной от византийской, но христианской по сути легитимности королей. В самом же обряде древние представления о сакральной роли языческих германских королей уживались с новой традицией «помазания» христианских королей папами. Причины, по которым Ярославу мог понадобиться культ Бориса и Глеба, близки тем, что побуждали правящие слои Англии и Франции заняться поиском путей утверждения особой сакральности королевской власти. Если короли романо-германского мира, по выражению Блока, «не сумели воспользоваться» культом божественного императора для укрепления собственной власти, то русские великие князья, полностью зависимые в делах церковных от константинопольского патриархата, *не имели возможности* использовать византийскую традицию обожествления императорской власти в своих целях вплоть до середины XV в., когда Византийская империя перестала существовать. Соответственно, Ярославу и его потомкам (так же как французским и английским королям), приходилось искать такие пути подкрепления собственного права на управление страной, которые, с одной стороны соответствовали бы христианской концепции власти, а с другой — не вели бы к установлению зависимости от признанных религиозно-политических центров христианского мира — Рима и Константинополя.

К тому же в славянском язычестве сакральность княжеской власти (одним из символов которой были княжеские имена типа «Svetoslav») ничуть не уступала той, какую Блок находил у германских королей и норманнских конунгов. По мнению В. Н. Топорова, «новая христианская святость утверждается не в стороне от языческой „святости“, но именно на ней в самой ее сердцевине»³⁰. Соответственно конфликт Святополка (Svetorъk'a) с Борисом и Глебом можно представить и как столкновение *двух типов святости* (языческой — подавляющей и христианской — жертвенной), и как конфликт *двух разных принципов утверждения во власти*: а) древнего и традиционного — через физическое устранение конкурентов и б) более нового — через формирование династии правителей, пользующейся божественным покровительством.

Условия, при которых потребность в небесном покровительстве становится чрезвычайно необходимой, на первый взгляд существенно разнятся. В Англии и Франции первым таким условием становится неполная легитимность находящихся у власти королей. Во Франции — это преобразование графского рода Робертинов в королевскую династию Капетингов, оттеснивших от трона Каролингов. В Англии о чудесном даре Эдуарда Исповедника вспомнил Генрих I — сын Вильгельма Завоевателя и третий король многим ненавистной Нормандской династии. Второе условие Блок характеризует так: «Обряд возложения рук... был в обоих случаях обязан своим появлением представителям тех династий, которые, вопреки древнему германскому обычаю, начали подчиняться праву первородства»³¹.

На Руси все складывалось иначе. С одной стороны, Рюриковичи правили в Киеве уже более века, и конкурентов в борьбе за власть у них практически не было. С другой — речи об утверждении права первородства при занятии киевского престола в данную эпоху не велось. Тем не менее, Ярослав Мудрый видел потребность изменить тот порядок утверждения на великокняжеском столе, который он сам застал. И сам Ярослав и его отец захватывали власть в борьбе с братьями. Но договор Ярослава с братом Мстиславом, а затем и его «Завещание» свидетельствуют о попытке создать иной порядок властных отношений — братское соправление. Этот порядок оставлял мало места внутридинастической борьбе. А отсутствие династической конкуренции позволяло великим князьям диктовать свою волю городским общинам, договор с которыми (ряд) лежал в основе всей системы власти в стране. В этих условиях создание ореола святости вокруг всей династии Рюриковичей, покровителями которой становились Борис и Глеб, по своим целям и возможностям можно приравнять к сакрализации королевской должности в странах Западной Европы путем введения обряда исцеления королями золотушных больных.

Таким образом, узкий и жестко ограниченный круг имеющих источник прочно связывает имена князей-страстотерпцев с именем великого князя Ярослава Мудрого. Он предстает в них как умный и прагматичный государственный деятель, умело воспользовавшийся сложившимися политическими обстоятельствами. Ему удалось придать борьбе за власть нравственную мотивацию, которой не было у его отца Владимира Святославича, в период его борьбы за киевский стол; тесным образом связать свои действия с волей городских общин (Новгорода в период борьбы со Святополком, Смоленска, Киева и Вышгорода — в период «прославления» братьев); утвердить единство великокняжеской власти с церковной иерархией. Характерно, что образ великого князя в русских источниках проходит в своем развитии две стадии: начальную — «неправедную» и последующую — «справедную», точно так же, как образы Ольги и Владимира. Только те совершают дурные поступки до принятия христианства, а Ярослав — до начала борьбы с убийцей первых русских святых. Тем самым Ярослав формировал отличную от византийской традицию освящения не власти как таковой, а харизматического носителя этой власти — князя, правого в своих действиях, признанного народом и церковью и освященного покровительством святых заступников — Бориса и Глеба.

Следующий этап в развитии культа Бориса и Глеба, видимо, следует соотносить с последними днями жизни Ярослава Мудрого. Под 1054 годом ПВЛ содержит наставление, данное Ярославом своим сыновьям перед

смертью. В нем сформулированы принципы «братского соправления» Ярославичей, действовавшего до 1068 г.: «Имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери... Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно»³². Речь Ярослава (в том виде, как ее сохранил или домыслил летописец) отсылает слушателей и читателей к печальному опыту братоубийственной распри самого Ярослава, а подчеркнутое «вы есте братья единого отца и матери» — к памяти «единоутробных» братьев Бориса и Глеба.

Хотя в самой речи святые мученики не упоминаются, в летописи имеется косвенное указание на то, что создаваемый Ярославом культ святых-страстотерпцев был использован им для создания новых властных отношений. События излагаются следующим образом: в предчувствии кончины Ярослав произносит речь, в которой формулирует принципы «братского соправления», и раздает столы. После этого он отправляется в Вышгород. Болезнь его усиливается, и он умирает на руках у сына Всеволода. Поездка Ярослава в предчувствии смерти в Вышгород, где покоились мощи Бориса и Глеба, уже должна навести на мысль о ее неслучайности. В материалах же, которыми пользовался В. Н. Татищев, логика изложения изменена: больной Ярослав сначала едет в Вышгород и там дает наставление сыновьям³³. В таком виде поездка Ярослава к месту захоронения Бориса и Глеба становится заранее обдуманым политическим актом, цель которого — не допустить после своей смерти борьбы наследников за передел столов. Речь его при этом приобретает дополнительное символическое значение, а Борис и Глеб — еще одну функцию: гарантов взаимного согласия Ярославичей.

В следующем поколении Рюриковичей значение культа Бориса и Глеба возросло. Первым знаком этого роста стало строительство, одного за другим, новых борисоглебских храмов в Вышгороде. Изяслав Ярославич объяснял необходимость такого строительства тем, что старая церковь, построенная Ярославом, стала ветхой. Святослав решил заменить деревянный храм на каменный, а Всеволод продолжил дело, начатое старшим братом³⁴. Исследователи, задумавшись над странным желанием Изяслава заменить церковь, простоявшую не более полувека, на новую, отвергли официальное объяснение и обратились к событиям, этому желанию предшествовавшим.

1068 г. — киевляне изгнали великого князя Изяслава Ярославича, потерпевшего сокрушительное поражение от половцев. Новым князем был объявлен злейший враг Ярославичей, полоцкий князь Всеслав Брючиславич освобожденный из «поруба» и «прославленный» населением Киева.

1069 г. — Изяслав с помощью своего тестя, польского короля Болеслава, вернул себе киевский стол, а затем захватил и Полоцк, изгнав оттуда Всеслава. В Полоцке он посадил своего сына Мстислава, а после его скорой кончины отдал город брату Святославу.

1070 г. — Всеслав выгнал из Полоцка Святослава, восстановив status quo времен Ярослава Мудрого и начала правления Изяслава.

1071 г. — под этим годом в ПВЛ помещен рассказ о волхвах и кудесниках и борьбе с ними.

1072 г. — состоялось перенесение мощей Бориса и Глеба в новую церковь.

Два предположения, объясняющее внезапное решение Изяслава о строительстве новой церкви выдвинуто в исторической литературе. Первое — великий князь руководствовался стремлением возвысить авторитет православной церкви параллельно тому, как создание «Правды Ярославичей» способствовало укреплению государственного строя. Второе — необходимость укрепить «пошатнувшийся» авторитет самого Изяслава³⁵. Оба эти объяснения имеют право на существование, однако некоторые детали в истории с заменой одной деревянной церкви на другую выходят за их рамки.

Начать с того, что Изяслав строит одноглавую церковь вместо старой пятиглавой, то есть заведомо более бедную. Объяснить это можно только одним: построить храм нужно было очень быстро. Подтверждение тому мы находим в Чтении, где говорится, что церковь была возведена «въмене дней». Далее, Изяслав в истории с изгнанием из Киева и возвращением на престол выглядел князем, повторявшим путь Святополка окаянного, тоже опиравшегося на силы правителя Польши в борьбе за Киев с братом Ярославом. Святослав же Ярославич выступал в качестве защитника киевлян от мести старшего брата. К тому же в борьбе за престол Изяслав использовал помощь поляков-католиков, и Святослав выглядит истинным защитником православия. Ведь именно в его владениях Ян Вышатич борется с кудесниками, в то время как волхв «прельщен бесом» в Киеве прямого отпора от княжеской власти не получил. Как знамение было воспринято следующее обстоятельство: при совершении обряда перенесения мощей митрополит благословил князей рукой одного из святых братьев (по Чтению — Бориса, по Сказанию — Глеба), и ноготь святого остался в волосах Святослава. Наконец, и летопись, и Чтение подчеркивают важность того, что по окончании обряда перенесения мощей святых в новую церковь «обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой», а Сказание еще и развивает этот мотив: «И праздновали празднество светло, и много милостыни убогим подали, и целовались, мирно разошлись восвояси»³⁶.

Но следующий (1073) год начинается в летописи с сообщения: «Возбудил дьявол распрю в братии этой — Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава»³⁷. Все это вместе складывается в одну картину: со времени роковой битвы с половцами на Альте между Изяславом и Святославом существовал серьезный конфликт (после поражения Изяслав и Всеволод бежали в Киев, Святослав же — отдельно от них — в Чернигов). Конфликт этот мог принять открытую форму уже в 1069 г., при возвращении Изяслава в Киев, однако Изяслав по требованию братьев резко сократил число поляков в своем войске. Завладев великокняжеским столом, Изяслав пытался погасить конфликт с младшим братом, отдав ему Полоцк, но вмешавшийся Всеслав только подлил масла в огонь³⁸. Можно предположить, что в этих условиях великий князь решил перехватить у младшего брата инициативу в использовании культа Бориса и Глеба. Для этого Изяслав отправился на поклонение святым-страстотерпцам³⁹ и велел срочно отстроить новый храм. Затем он собрал на церемонию перенесения мощей своих братьев, демонстрируя единство династии, и увенчал религиозную церемонию обедом — обрядом светским и христианским, символизирующим взаимное прощение обид.

И решение Святослава строить еще один, каменный храм (в совокупности с повествованием о ногте святого) может быть понято как часть

политики укрепления собственной власти. Ему требовалось обосновать правильность своих действий в конфликте с братом, тем более что официальные церковные круги этот конфликт не одобряли. Святослав, показывая, что почитает Бориса и Глеба более, чем старший брат, мог в оправдание своих поступков сослаться на пример отца. Ведь тот тоже боролся со старшим братом при покровительстве Бориса и Глеба. Другими словами, Святослав пытался доказать, что прав не тот, кто начал междоусобицу, а тот, кому помогли «высшие силы». Сюда добавляется стремление Святослава подчеркнуть собственную «богоизбранность», свое право встать в один ряд с дедом и отцом — Владимиром и Ярославом. Косвенным подтверждением тому можно считать «грандиозность масштабов» (по выражению М. К. Каргера) предпринятой Святославом постройки, «превосходящей все известные нам древнерусские храмы той эпохи»⁴⁰.

Возведение этого собора в Вышгороде приобрело в агиографической литературе многозначительный смысл и выявило новые возможности культа Бориса и Глеба: *служить для оценочной характеристики потестарного образа князя*. Князь Святослав, с точки зрения монахов Печерского монастыря (особо близких к Изяславу), был не вполне легитимен. Эта мысль прямо фиксируется — в летописи и опосредованно — в Сказании: одноглавая церковь Изяслава стоит, а претенциозный проект Святослава при жизни князя не закончен. Тем самым благословение Бориса (Глеба), данное князю Святославу в виде ногтя, в тот момент, когда тот находился в согласии со старшим братом, частично дезавуируется смертью князя при недостроенном соборе.

То же самое происходит и с князем Всеволодом, сменившим брата на Киевском столе. Известно, что к концу жизни он вступил в конфликт с городской общиной Киева, и это было затем отражено в его некрологе: «И стал он любить образ мыслей младших, советуясь с ними; они же стали научать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой». Неправота князя выразилась и в его отношениях со святыми-страстотерпцами. Он старался достроить каменный храм, начатый его братом, но «как только была завершена [церковь], и на ту ночь обвалился у нее верх и сокрушилась вся»⁴¹.

Однако строительством храмов в честь князей-страстотерпцев в тот период дело не исчерпывалось. А. Поппэ обратил внимание на тот факт, что во второй половине XI в. Рюриковичи начали давать своим сыновьям «княжеские» (династические, а не крестильные) имена Борис, Глеб, Роман и Давид. Первоначально эти имена появились в семействе Всеслава Брючиславича Полоцкого, а затем — Святослава Ярославича и «двух младших Ярославичей». Объяснения, которые дал Поппэ (а их два), логичны, взаимно дополняют друг друга и находят подтверждение в действиях следующих поколений. *Объяснение первое*: культ Бориса и Глеба нужен, в первую очередь, боковым ветвям династии, для того чтобы подчеркнуть их сопричастность к власти во всех русских землях. *Объяснение второе*: родоначальники этих боковых ветвей с помощью того же культа утверждают право на проведение самостоятельной политики и закрепление за своим потомством неотчуждаемых владений⁴².

Понятие «избранности», «отмеченности» той или иной ветви династии Рюриковичей восходит к двум государственно-политическим идеям, содержащимся в разных литературных произведениях борисоглебского цикла.

Первую из них отметил Каргер, обративший внимание на то, что политическая тенденция Сказания выражена в самом его начале, во фразе: «Род правых благословится, рече пророк, и семя их, в благословении будет»⁴³. Автор Сказания, таким образом, выступает сторонником преемственности власти по родовому принципу, то есть по старейшинству.

Вторая идея изложена в ПЧ и ЛП сразу после рассказа об убийстве Святополком еще одного брата — Святослава (в Сказании и Чтении этот рассказ отсутствует): «Святополк же окаянный... стал помышлять: „Перебью всех своих братьев и буду один владеть Русской землею“. Так думал он в гордости своей, не зная, что „Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать“»⁴⁴. Здесь, в противовес принципу наследования власти по старшинству, формулируется иной принцип: духовное преемство власти по божественному произволу, выраженному через посредников-покровителей святых Бориса и Глеба. И выбирая для своих сыновей имена Борис, Глеб, Давыд и Роман, князь тем самым опирался на одну из двух противоположных по направленности политических доктрин, прибегая при этом к покровительству одних и тех же знаковых фигур.

Еще одна деталь культа, появившаяся в то время, — кресты-складни (энколпионы), предназначенные для хранения частичек мощей, с изображениями Бориса и Глеба. Эти предметы регулярно попадают среди археологических находок XI—XII веков. Абсолютное большинство находок такого рода — в Киеве и вокруг него. Находят и змеевики с изображением святых страстотерпцев (правда, в меньшем количестве, чем энколпионы)⁴⁵.

При оценке этих находок напрашиваются три вывода. Во-первых, поскольку кресты, носимые поверх одежды, заняли в массовом сознании место языческих оберегов, а количество найденных крестов весьма значительно, культ Бориса и Глеба в указанный период не мог быть «прежде всего княжеским», как полагает Поппэ⁴⁶. Во-вторых, почитание святых братьев в народе связано с их ролью целителей, но не покровителей той или иной ветви княжеской династии. В-третьих, поскольку ареал находок ограничен киевским регионом, известность Бориса и Глеба в XI в. не была чрезвычайно широкой.

Как отмечает М. Х. Алешковский, в качестве целителя воспринимался только один из братьев — Глеб: на энколпионах его изображение размещается на лицевой стороне; а на змеевиках — в более значимой позе. Глеб, а не Борис, теснейшим образом связан с чудесами Чтения и Сказания⁴⁷. При этом святые составляли неравноценную пару. Глеб, почитаемый как святой целитель, соотносился с идеей жертвенности, непротивления судьбе, символизируя мысль о божественном предопределении в сфере власти. Борис олицетворял иную властную идею — братского соправительства и подчинения младших братьев старшим. Но Борис до 1072 г. не имел самостоятельного ореола святости: его мощи лежали в деревянной, а не каменной раке; на его «персональной» могиле не происходило чудес исцеления.

Св. Глеб, получивший от отца в правление Муром, впоследствии считался покровителем Святослава Ярославича и его потомков, правивших в Муроме по «завещанию» Ярослава Мудрого. Тем самым почитание Глеба в народе выделяло Святослава и Святославичей из числа всех Рюриковичей и отчасти подкрепляло их претензии на власть не только в Черниговских, Муромских и Рязанских землях, но и в Киеве. Снять

эти претензии или ослабить их могло наделение Бориса в глазах народа такой же мерой святости, какая была у Глеба. В этой связи события 1072 г. можно рассматривать как последовательное возвышение образа Бориса и выдвигание его на первое место в паре князей-страстотерпцев.

Рассмотрим их по эпизодам: а) деревянную раку с мощами Бориса переносят три *князя* Изяслав, Святослав и Всеволод, в сопровождении клира; б) раку с мощами Бориса вскрывают, причем воздух наполняется благоуханием; в) митрополит, «бо бе нетверд верою», убедившись в негнелности останков Бориса, падает ниц и просит прощения в том, что сомневался в святости (нигде не говорится, в чьей святости сомневался митрополит Георгий, и по традиции считается, что сомнение это относится к обоим святым, но по контексту ЛП и Сказания — но не Чтения — выходит, что сомнение это относится только к останкам Бориса); г) перевозится каменная рака с мощами Глеба, причем в дверях рака застряла, и лишь когда *народ* воззвал «Господи помилуй», она сдвигается с места. Соответственно, по окончании церемонии Борис встает в один ряд с Глебом. Более того, в почитании святых братьев князьями и боярством Борис несколько оттесняет Глеба, заслоняет его собой, что в народном сознании произошло не ранее середины следующего столетия ⁴⁸.

Перейдем теперь к третьему поколению князей — внукам Ярослава Мудрого. Здесь бросаются в глаза два эпизода, связанных тем, что имена Бориса и Глеба упоминаются в летописи по поводу междоусобной борьбы. В 1087 г. князь Ярополк Изяславич, то послушный, то враждебный своему дяде — великому князю Всеволоду Ярославичу, был убит «проклятым Нерадцем» и торжественно похоронен в Киеве самим Всеволодом с сыновьями. В летописном некрологе Ярополка, составленном, судя по торжественности похорон, не без ведома Всеволода Ярославича, Ярополк призывает смерть, «какую [бог] даровал и братьям моим Борису и Глебу», что, по мысли летописца, должно освободить его от грехов «суетного сего света и мятежа». Второй эпизод относится к 1101 году. Великий князь Святополк Изяславич, победив «заратившегося» на него князя Ярослава Ярополчича, заковал того в цепи. «И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него [Ярослава] клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы и отпустили его» ⁴⁹.

Очевидно сходство двух летописных фрагментов. Сначала сообщается о каком-либо «неправом» действии, связанном с княжеской междоусобицей (в первом случае — убийство князя, во втором — вооруженное выступление), затем для обоснования и подкрепления «правильной» линии поведения привлекаются образы Бориса и Глеба.

Продолжается в эту эпоху и прежний сюжет — строительство нового храма и перенесение туда мощей святых братьев. Святополк Изяславич, занявший киевский стол после смерти Всеволода Ярославича, не возобновил строительство каменного храма в Вышгороде. «Сказание» объясняет это тяжелой внешнеполитической обстановкой и нападением «поганных». Но этому, похоже, не очень верил и сам автор. Рассказав о том, что Владимир Мономах вынужден был ночью (тайно от киевского князя) позолотить раки с мощами Бориса и Глеба, он переходит к новому сюжету: Олег Святославич на свои средства достраивает каменную церковь в Вышгороде, а Святополк отказывается переносить туда мощи святых. Авторский комментарий: «И не хотел их переносить, потому что не он ее создал, церковь ту» ⁵⁰.

Позицию Святополка, равно как и стремление представителей других династических линий связать свое имя с культом Бориса и Глеба, объясняет В. И. Лесючевский: «Борис и Глеб были необходимы князьям прежде всего как личные покровители». При этом чаемое покровительство святого, видимо, не имеет ничего общего со стремлением «привлечь к себе общую любовь», как считал М. Д. Приселков⁵¹. При фактическом равенстве прав на киевский стол и единственно возможном способе утвердить свою власть посредством заключения «ряда» с городской общиной, важным элементом выбора становилась не абстрактная «любовь», а вполне поддающаяся оценке «харизма» князя.

«Харизматический лидер» раннего средневековья должен обладать определенным набором парных достоинств, одни из которых были лично-родовыми характеристиками, а другие — следствием его богоизбранности. Полным набором таких парных качеств был наделен, с точки зрения агиографа, святой Борис, что и зафиксировано в особой приписке «О Борисе и его облике». Во-первых, это лично-родовые качества: «Благого корени, послушен отцу... Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр». Во-вторых — качества, данные Богом: «Благодать Божия цвела на нем». Так же парно даны добродетели Владимира Мономаха в его некрологе. Это *лично-родовое качество*: «Сын благоверна князя Всеволода, украшенный добрыми нравы»; и *покровительство со стороны небесных сил*: «Прославленный в победах, ибо он всею душою возлюбил Бога». Свои особые отношения со св. Борисом постарался подчеркнуть в «Поучении» и сам Владимир Мономах: «И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки... Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля»⁵².

Покровительство святого князю (или целой династической линии) могло стать важным элементом личной харизмы и, следовательно, серьезным аргументом в пользу того или иного претендента на великокняжеский стол. Ярким примером борьбы за покровительство стал знаменитый спор о выборе лучшего места для установки рак с мощами Бориса и Глеба, случившийся при их перенесении в новый каменный храм между Владимиром Мономахом, с одной стороны, Давыдом и Олегом Святославичами — с другой.

Церемония перенесения мощей в 1115 г. была приурочена к столетию гибели Бориса и Глеба, но имела, видимо, и другой смысл, понятный в более широком историческом контексте. Поскольку во второй половине IX в. великими князьями были три сына Ярослава, то практически равные права занять «отний и дедний стол» имели потомки трех династических линий, соответственно Изяславичи, Святославичи и Всеволодовичи. В 1093 г., после смерти великого князя Всеволода Ярославича, его сын Владимир Мономах без борьбы уступил киевский стол формально старшему из всех потомков Ярослава Мудрого князю Святополку Изяславичу. Но через 20 лет тот же Владимир Мономах занял киевский стол в обход старшей ветви — Давыда и Олега Святославичей. Участие последних в торжественной церемонии, вероятно, должно было подчеркнуть их согласие с главенствующей ролью Мономаха в системе «братского соправления» в духе «Завещания» Ярослава Мудрого. Единство старших в роде

Ярославичей подчеркивалось при проведении обряда перенесения раки участием православных иерархов из Киева, Чернигова, Переславля, Белгорода, Юрьева и игуменов крупнейших монастырей. В то же время летописцы не могли (или не захотели) скрыть, что торжественная церемония сопровождалась демонстративными жестами со стороны всех участвующих.

До начала обряда представители соперничавших династических линий успели показать свое усердие в почитании Бориса и Глеба (Олег Святославич достроил каменный храм, а Владимир Всеволодович оковал раки Бориса и Глеба золотом). Далее Лаврентьевская летопись сообщает, что при перенесении мощей Владимир приказал «метати» под ноги ковры и драгоценные ткани. Олег же Святославич в ответ угостил обедом священников, освятивших каменную церковь⁵³.

Кульминация княжеского соперничества наступила в момент установки раки в новом храме: Владимир хотел разместить их в центре храма «и терем серебряный поставить над ними». Давыд и Олег настаивали на том, чтобы раки поместили в специальной «комаре» у правой стены храма. Разрешение спора было передано на усмотрение самих святых, иными словами — метали жребий, выпавший в пользу Святославичей. Однако преимущество Святославичей сохранялось не долго. «Володимер же, — вновь сообщает летопись, — оковал раку серебром и златом и украсил гробы». Но и этим спор о покровительстве не закончился. В 1117 г. Владимир Мономах начал строительство храма на месте гибели Бориса на р. Альте. Ответ Давыда Святославича не заставил себя ждать — тут же началось строительство Глеборисовского собора в Чернигове⁵⁴.

Таким образом, если судить по двум вышеизложенным сюжетам, в культе Бориса и Глеба вновь, как и в предыдущем поколении, сталкивались две властные тенденции. *Первая* из них: использовать культ для прекращения братских междоусобиц и закрепить достигнутое враждующими князьями соглашение какой-либо церемонией у мощей святых-страстотерпцев. Политическое противостояние, таким образом, решалось как семейное дело, ведь Борис и Глеб были родственниками и желанными покровителями каждого князя из династии Рюриковичей. К тому же, прибегая к «посредничеству» святых в разрешении споров, князья в действительности использовали в своих политических спорах авторитет церкви, всегда стоявшей за единство русских земель и правящих в них князей.

Вторая тенденция практически противоположна первой. В соответствии с ней каждый князь старался подчеркнуть покровительственные отношения, установившиеся именно между ним и святыми мучениками. Особенно важно это было для тех князей, которые претендовали на первые позиции во властных отношениях. Наиболее наглядно эта вторая тенденция проявилась в публицистике. Хотя дискуссия о времени появления тех или иных литературных произведений, связанных с почитанием князей-страстотерпцев, не окончена, преобладает мнение, что основные литературно-публицистические произведения борисоглебского цикла в целом оформились на рубеже XI—XII веков⁵⁵. Если же учесть все высказанные точки зрения⁵⁶, то следует исходить из того, что в рассматриваемый нами период Сказание и Чтение (созданные в момент окончательной канонизации Бориса и Глеба и, одновременно, жесткого противостояния между Ярославичами, то есть в 1070-е годы) были частично переработаны и дополнены Летописной повестью и «Сказанием о чудесах»⁵⁷.

Авторы этих произведений были наблюдателями и участниками всех важнейших политических событий своего времени. Давая оценку членам правящей династии и формируя тем самым их образ в глазах современников и последующих поколений, они использовали общий контекст бори-соглебского культа и его конкретные детали для того, чтобы создать эталон «правильного» политического поведения и отмерить степень приближения или удаления того или иного участника властных отношений от образца, что давало уверенность в объективной (отстраненной, вневременной), а следовательно, и справедливой оценке. В связи с этим эталонное властное поведение определялось текстами, созданными если не в одно время, то в одну эпоху. Изображение «правильного» поведения могло быть двояким: критикой «неправедных» действий князя и прямыми публицистическими вставками в тексте.

В качестве «неправедного» властителя в текстах бори-соглебского цикла представлен князь Святополк Окаянный. Его характеристика в Чтении: «Окаянный сын Святополк... радуясь отцовской смерти, сел на коня и, быстро доехав до Киева града, сел на столе отца своего»⁵⁸. В Сказании: «Сказал так в душе своей окаянный: ...Добавлю к беззаконию еще беззаконие, все равно и грех матери моей не очистится, и с праведными не напишуся». В ЛП: «Святополк же, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову»⁵⁹. Здесь выделяются два момента.

Первый — «неправильный» властитель нарушает «закон» (то есть религиозные заповеди): он радуется смерти отца и организует убийство братьев. *Второй* — негативные поступки связаны не только с его личными качествами или наущением дьявола. Важную роль играет «родовое проклятье» — грехи предков, передающиеся и накапливающиеся из поколения в поколение.

Далее, Святополк в Чтении, ЛП и ПЧ убивает братьев для того, чтобы стать единодержцем⁶⁰. При этом в ЛП это намерение связывается с одним из смертных грехов — гордыней, а в Сказании — с именем Каина. Отсюда можно сделать вывод, что стремление к единовластию расценивается в то время как неверное, тождественное нарушению «закона». Но это не совсем так. Ведь Ярослав Мудрый тоже в конце концов стал единодержцем. И самый ранний из всех текстов (ПЧ) заканчивается фразой, по меньшей мере нейтральной к идее единовластия: «А Ярослав, придя в Киев, сел на столе и завладел всей Русской землей». В Чтении же, последовательно проводящем идею старейшинства, на том же месте стоит фраза совсем иная: «Так же по смерти окаянного принял власть брат блаженных, именем Ярослав, и он же был старей блаженных». Чуть ближе к паремийной фраза в Сказании: «И с того времени крамола прекратилась в Русской земле, а Ярослав завладел всею волостью Русской»⁶¹.

В каждом из этих сочинений акценты, как видим, расставлены чуть-чуть иначе. Ударение переносится с права на единовластное правление (в ПЧ), на право старейшинства (в Чтении) и прекращение «крамолы» (в Сказании). В летописи же приход к власти Ярослава вообще не соотносится с мыслью о единодержавии, сохраняется лишь тема преемственности⁶². Причина тому — явное несоответствие идеи единодержавия тем историческим условиям, в которых создавались рассматриваемые здесь произведения бори-соглебского цикла. За три десятка лет, что отделяют киевское восстание 1068 г. от Любечского съезда 1097 г., сформировалось

устойчивое мнение о невозможности и аморальности стремления к единой державе, поскольку оно провоцирует княжеские междоусобицы, подрывает позиции князей в их отношениях с городами и ведет к ослаблению Руси в ее противостоянии Дикой степи. Идее единой державы необходимо было противопоставить другую, более соответствовавшую реалиям формирующейся раздробленности, но сохранявшей важнейший элемент «Божьего благословения».

В конце концов авторы произведений борисоглебского цикла и прямо рассуждают о княжеской власти. В Чтении: «Видите ли братие, коль высоко было почтение святых к старшему брату... Мы же ни мало не имеем почтения к старейшинам, но иногда противоречим им, иногда же укоряем их, многожды же супротивимся им». В Сказании: «Поистине вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши противников державно побеждают и вашей помощью гордятся»⁶³. «Формула власти», к которой может быть сведена публицистическая составляющая произведений борисоглебского цикла, сложившегося при внуках Ярослава, выглядит следующим образом: «правильная власть» — это власть преемственная, сохраняющая и развивающая лучшие черты предшествующих правителей (идея «закона»). Но преемственность власти не означает ее наследования по нисходящей линии — от отца к сыну, или по горизонтали — от брата к брату. Настоящий преемник должен получить покровительство Бориса и Глеба и, тем самым, божественное благословение на занятие стола⁶⁴. «Правильная власть» сохраняет единство династии, не допуская «дияволя шатания» и ослабления Руси. Условие правомерности власти — подчинение младших старшим. Более широкая трактовка принципа старейшинства подразумевает добровольное подчинение «старейшинам», то есть Богом поставленным начальникам.

Историки XIX в. связывали оформление церковно-политической доктрины древней Руси с Киево-Печерским монастырем и в частности с именами Феодосия Печерского и автора Чтения, Нестора⁶⁵. И в дальнейшем эта точка зрения не вызывала сколько-нибудь обоснованных возражений. Но существует потребность выяснить дополнительно, возможны ли были варианты в трактовке данной доктрины или она оформилась в жесткую конструкцию, не допускавшую отклонений и альтернатив. Для этого необходимо определить, кто из князей Русской земли, по мнению публицистов рубежа XI—XII вв., ближе всего был к идеальной формуле власти.

В Чтении идея преемственности власти в двух местах соединена с именем Изяслава. Впервые — там, где говорится о смерти Ярослава: «Недолго болев, предал [Ярослав] душу в руки Божии, поручив стол свой старейшему сыну своему Изяславу... Сотворили же и при сем чудеса многие святые страсотерпцы Борис и Глеб»⁶⁶. Затем «боголюбец» Изяслав по примеру отца возводит церковь святым-страсотерпцам. Ему же принадлежала инициатива первого перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь.

В Сказании Изяслав подчеркнуто (и притом дважды) поставлен в один ряд с другими «наследниками отца своего и преемниками престола» — Святославом и Всеволодом. Сцена же с ногтем святого Глеба изложена развернуто, с массой подробностей, в результате чего образ Святослава, заслоняет образ старшего брата. Далее в Сказании содержится ряд мелких черточек, создающий негативный образ сына Изяслава — великого князя Святополка. Начало положено фразой о «забвении» в период правления

Святополка каменной церкви в честь Бориса и Глеба, строительство которой вели его дяди. Вслед за этим — давно отмеченное несовпадение между Чтением и Сказанием в описании чуда с освобождением невинно заключенных⁶⁷. Если согласно Чтению чудо совершается во времена Ярослава Мудрого, а неправая власть представлена безымянным старейшиной, то согласно Сказанию именно Святополк, послушав клеветников, посадил «в погреб» двух человек, оковав их без вины⁶⁸. Вмешательство Бориса и Глеба здесь понадобилось для того, чтобы князь, а не старейшина признал свою ошибку. Наконец, Святополк препятствовал перенесению мощей в новую каменную церковь, построенную Олегом Святославичем. Вместе с тем автор Сказания либо нейтрален, либо доброжелателен по отношению к Святославу и Всеволоду Ярославичам и их сыновьям: Владимиру Мономаху, Давиду и Олегу Святославичам. «Сказание о чудесах», продолжившее первоначальный текст Сказания, проводит мысль, что династическая линия, связанная с Изяславом Ярославичем, не может претендовать на исключительное право наследования «земли русской», поскольку есть и другие не менее (а может быть и более) достойные представители династии.

Наконец, в ПВЛ (и последующих статьях Лаврентьевской летописи) усилена роль Всеволода Ярославича и его сына Владимира. Достигнуто это введением в летопись тончайших намеков на близость образа Всеволода к образу св. Бориса — правителя земель, позже доставшихся Всеволоду и его потомкам. Образы св. Бориса и Всеволода Ярославича наиболее явно сближаются в описании событий, предшествующих смерти соответственно Владимира и Ярослава. В Чтении великий князь Владимир Святославич удерживает при себе Глеба, а Бориса призывает из Ростова, страшась козней Святополка, и поручает ему свою дружину. В летописном же сообщении о кончине Ярослава Мудрого говорится, что именно Всеволод находился при великом князе, «поскольку был он любим отцом более всех его братьев, и держал его отец всегда рядом с собой»⁶⁹. Выходит, что общая для всех произведений борисоглебского цикла тенденция — обоснование правильной власти с опорой на образы Бориса и Глеба — получает в каждом из них собственную направленность, в зависимости от близости автора к той или иной ветви династии.

Таким образом, культ Бориса и Глеба нельзя связать с какой-то одной властной традицией. Имена князей-страстотерпцев привлекались для иллюстрации и обоснования различных социально-политических доктрин, в зависимости от того, в какой среде (княжеской, церковной, народной) бытовали эти идеи. Кроме того, с течением времени менялись уже сложившиеся и устоявшиеся представления о том, что символизируют образы святых-страстотерпцев в сфере властных отношений. Возникновение культа, видимо, можно связать с общеевропейской тенденцией к институционализации этих отношений на основе христианских ценностей и формирования новых властных традиций. Отсюда — эволюция представлений о том, в чем заключается духовный подвиг первых русских святых, чему они покровительствуют и, следовательно, что считать правильным поведением как в борьбе за власть, так и в управлении государством.

Наиболее устойчивой оказалась та трактовка образов Бориса и Глеба, которая сформировалась во второй половине XI в. в Киево-Печерском монастыре и была затем развита в церковно-публицистических сочинениях, затрагивавших тему династических споров. В этой трактовке Борис и Глеб

выступают в качестве покровителей всей русской земли и, соответственно, всей династии Рюриковичей. Единство династии здесь — аналог Богом данной власти византийского императора применительно к реалиям древней Руси, а подчинение младших князей старшим (при справедливом отношении старших к младшим) — не альтернатива единодержавию, а единственно возможная форма его выражения. Однако при составлении каждого из произведений борисоглебского цикла эта общая церковно-политическая идея преображалась таким образом, чтобы утвердить правоту одной из трех династических ветвей в потомстве Ярослава Мудрого: Изяславичей, Святославичей или Всеволодовичей.

В княжеской трактовке отчетливо заметны две разные тенденции. Одна соотносится с церковной: к памяти Бориса и Глеба обращаются в том случае, когда необходимо предотвратить или ликвидировать династический конфликт. Другая — прямо противоположная — служит обоснованию права на то, чтобы силой добиваться справедливого решения спорных вопросов во властной сфере. Эта вторая трактовка опиралась на концепцию покровительства святых той или иной территории, той или иной династической линии. При этом чем больше проходило времени со смерти Ярослава Мудрого, тем менее значимой в междукняжеских отношениях выступала первая трактовка, а более значимой — вторая. Соответственно и тема христианской жертвенности уступала другой — воинской доблести, выразителем которой постепенно становится св. Борис.

Еще две трактовки можно обнаружить в народном отношении к святым-страстотерпцам. Первая из них — распространившееся в южнорусских землях убеждение в целительных качествах мощей Глеба (в первую очередь) и Бориса. На начальном этапе (XI в.) эта трактовка выполняла прямую протестарную функцию — преобразования династии Рюриковичей из языческих в христианских правителей. Окончание этого процесса ознаменовалось появлением иной трактовки: святые восстанавливают попорченную властью справедливость и тем самым выступают в качестве одного из важнейших ориентиров в спорах за власть и вокруг власти.

Примечания

1. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. в 18 кн. Кн. 1. М. 1988, с. 247. Эту мысль разделяет В. Н. Топоров: «То, что произошло с Борисом и Глебом, — не трагедия власти... но трагедия носителей нравственного сознания в безнравственной жизни» (ТОПОРОВ В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М. 1995, с. 506). Более патетический вариант той же мысли: «Предсмертное поведение Бориса и Глеба было воспринято как подвиг, что свидетельствует о глубоком усвоении христианского учения новокрещеным народом» (ЮДИН А. В. Русская народная духовная культура. М. 1999, с. 225).
2. ВЛАДИМИРСКИЙ Н. А. Несколько слов о прологе, памятнике древнерусской письменности, и несколько литературных вопросов из древнейшей эпохи нашего просвещения. — Известия и ученые записки Казанского университета, 1875, № 5, с. 863; ГОЛУБИНСКИЙ Е. История канонизации святых Русской церкви. М. 1998, с. 48—49; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб. 1913, с. 74, 124; ФЕДОТОВ Г. П. Святые древней Руси. М. 1990, с. 51. ВОРОНИН Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 13. М.-Л. 1957; ИЛЬИН Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М. 1957, с. 67; КАРГЕР М. К. Древний Киев. Т. 2. М.-Л. 1961, с. 311; ОБОЛЕНСКИЙ Е. Византийское содружество наций. М. 1998, с. 331—333; РАНЧИН А. М. Формирование культа святых князей Бориса и Глеба: мотивы канонизации.

- В кн.: Макариевские чтения. Вып. 4. Ч. 2. Можайск. 1996, с. 55—56; УСПЕНСКИЙ Б. А. Борис и Глеб. М. 2000.
3. ЧЕРЕПНИН Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.— Исторические записки. Т. 25. М. 1948; ЛИХАЧЕВ Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. В кн.: ТОДРЛ. Т. 10. М.-Л. 1954; ЕРЕМИН И. П. Литература Древней Руси. М.-Л. 1966, с. 19; НАСОНОВ А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М. 1969, с. 37; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М. 1986, с. 17; ПУШКАРЕВ Л. Н. Основные периоды развития общественной мысли феодальной России X—XVII вв. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М. 1989, с. 152—158; ФРЕЙДАНК Д. Повторы и их функции в Чтении о Борисе и Глебе. В кн.: Проблемы изучения культурного наследия. М. 1985; ПОППЭ А. О времени зарождения культа Бориса и Глеба.— *Russia Mediaevalis*, Vol. 1 (München), 1973; INGHAM N. W. The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages. — *California Slavic Studies*, 1984, № 12.
 4. ТРОИЦКИЙ Н. М. История русской церкви. М. 1988, с. 37; ЩАПОВ Я. Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях. В кн.: Церковь в истории России. Сб. 2. М. 1998, с. 5—26; PRITSAK O. The Origin of Rus', Vol. 1. Harvard. 1981, p. 32.
 5. АЛПАТОВ М. В. Гибель Святополка в легенде и в иконописи. В кн.: ТОДРЛ. Т. 22. М.-Л. 1966; САМОЙЛОВА Т. Е. Сказание о Борисе и Глебе и культ святых русских князей. В кн.: Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск. 1998.
 6. ГУДЗИЙ Н. К. История древней русской литературы. М. 1956, с. 96; КУСКОВ В. В. История древнерусской литературы. М. 1989, с. 74; МИЛЬКОВ В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М. 1997, с. 121; LENHOFF G. The Martyred Princes Boris & Gleb. *Columbus*. 1989, p. 123.
 7. ЛИХАЧЕВ Д. С. Ук. соч., с. 91.
 8. О необходимости привлечения произведений борисоглебского цикла, в частности Сказания, к изучению «нескольких поколений князей Ярославичей» см.: ДМИТРИЕВ Л. А. «Сказание о Борисе и Глебе» — литературный памятник Древней Руси. В кн.: Сказание о Борисе и Глебе. Т. 2. М. 1985, с. 22.
 9. АБРАМОВИЧ Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг. 1916; СОБОЛЕВА Л. С. Паремийные чтения Борису и Глебу. В кн.: Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск. 1975; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М. 1997; т. 2. М. 1998. Все цитаты даны в современном переводе.
 10. Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1. СПб. 1997, с. 185, 187.
 11. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 37.
 12. СОБОЛЕВА Л. С. Ук. соч., с. 119—120. А. Т. Кравецкий относит создание ПЧ ко времени не позднее 1158 г. (КРАВЕЦКИЙ А. Т. Из истории паремийного чтения Бориса и Глеба. В кн.: Традиции древнерусской славянской письменности и языковая культура восточных славян. М. 1991, с. 43). Эта датировка также не выводит ПЧ за пределы первого этапа формирования культа Бориса и Глеба и сохраняет за ним «первородство» среди всех древнерусских текстов борисоглебского цикла.
 13. СОБОЛЕВА Л. С. Ук. соч., с. 125.
 14. КУЗЬМИНА А. Г. Начальные этапы древнего русского летописания. М. 1977, с. 362.
 15. «Хотел Володимер ийти на Ярослава. Ярослав же послав за море, привел Варягов, бояся отца своего» (ПСРЛ. Т. 1, стб. 129).
 16. Сага об Эймунде. В кн.: РЫДЗЕВСКАЯ Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М. 1978, с. 92; Хроника Галла Анонима. В кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников М. 1999, с. 327.
 17. О. М. Рапов отмечает, что «черные дела» Ярослава «стали известны благодаря тому, что один из источников, на которые опирался автор ПВЛ, был резко враждебен Ярославу». Это «враждебный» источник «был использован Нестором и весьма основательно подправлен» (РАПОВ О. М. Обвиняются в убийстве? — Родина, 1994, № 5, с. 69). Одной из линий такой переработки могло быть противопоставление поступков Ярослава, совершенных до и после битвы на Альте.
 18. Сага, с. 100; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 145. «И принял возмездие от Господа... и по смерти муку вечную» (АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 47).
 19. ИСТРИН В. М. Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода XI—XIII вв. Пг. 1922, с. 124; ТВОРОГОВ О. В. Нестор. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л. 1987, с. 275.

20. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. Сергиев Посад. 1894, с. 25.
21. «Повелел же христоробивый князь изыскати тело святого Глеба, его же много искавши и не обретоша» (АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 14).
22. Там же, с. 17.
23. Там же, с. 18.
24. ТОЛОЧКО А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев. 1992, с. 137—138.
25. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 19.
26. «Но как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий наверху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом»... Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромы бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются» (БРПЛ. Т. 1, с. 347).
27. ОБОЛЕНСКИЙ Д. Ук. соч., с. 333.
28. БЛОК М. Короли-чудотворцы. М. 1998, с. 104, 103.
29. Старший сын Ярослава Илья, умерший в 1019 г., был женат на родной тетке Эдуарда Исповедника, а дочь Ярослава Анна была выдана замуж за наследовавшего Роберту Благочестивому Герника I.
30. ТОПОРОВ В. Н. Ук. соч., с. 489.
31. БЛОК М. Ук. соч., с. 161
32. БЛДР. Т. 1, с. 203.
33. ТАТИЩЕВ В. Н. История российская. Т. 4. М.-Л. 1964, с. 152.
34. «Святослав, сын Ярослава, умыслил создать церковь каменную святым, и строя ее до 80 локтей возведя, преставился. Всеволод же приняв всю власть в Русской земле достроил ее всю» (АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 19, 60).
35. ВОРОНИН Н. Н. Ук. соч., с. 19; ХОРОШЕВ А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М. 1986, с. 21.
36. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 19, 56; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173, 178.
37. БЛДР. Т. 1, с. 221.
38. На основе анализа западноевропейских источников А. В. Назаренко пришел к выводу, что Святослав по крайней мере с 1070 г. «готовил переворот» с целью изгнания старшего брата из Киева. В кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999, с. 368.
39. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 19.
40. КАРГЕР М. К. Ук. соч., с. 99.
41. БЛДР. Т. 1, с. 251; АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 60.
42. ПОППЭ А. Ук. соч., с. 14; POPPE A. Christianity and Ideological Change in Kievan Rus'. — Canadian — American Slavic Studies, Vol. 25, 1991, p. 12.
43. КАРГЕР М. К. Ук. соч., с. 78.
44. ПСРЛ. Т. 1, стб. 139.
45. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ В. И. Культ Бориса и Глеба в памятниках искусства.— Советская архитектура. Т. 8. М.-Л. 1946, с. 230; АЛЕШКОВСКИЙ М. Х. Русские Глеборисовские энколпионы 1072—1150 гг. В кн.: Древнерусское искусство. М. 1972, с. 108.
46. ПОППЭ А. Ук. соч., с. 14.
47. АЛЕШКОВСКИЙ М. Х. Ук. соч., с. 106—108; ФРЕЙДАНК Д. Ук. соч., с. 61.
48. СМИРНОВА Э. С. Отражение произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. В кн.: ТОДРЛ. Т. 15. М. 1958, с. 326.
49. ПСРЛ. Т. 1, стб. 206, 207; БЛДР. Т. 1, с. 343, 287.
50. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 60, 64.
51. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ В. И. Ук. соч., с. 240; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Ук. соч., с. 312.
52. ПСРЛ. Т. 1, стб. 293; БЛДР. Т. 1, с. 351, 469.
53. ПСРЛ. Т. 1, стб. 290; т. 2, стб. 280.
54. ПСРЛ. Т. 1, стб. 291; т. 2, стб. 280, 281, 285; ПЕТРОВ Н. И. Черниговское зодчество XI—XII вв. Чернигов. 1915, с. 47; ХОЛОСТЕНКО Н. В. Исследование Борисоглебского собора в Чернигове.— Советская архитектура, 1967, № 2, с. 188.
55. ДМИТРИЕВ Л. А. Сказание о Борисе и Глебе. В кн.: Словарь книжников. Вып. 1, с. 398—406; ТВОРОГОВ О. В. Нестор. Там же, с. 276; ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 312; РАНЧИН А. М. К вопросу о текстологии борисоглебского цикла.— Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1987, № 1, с. 80. Если же принять точку зрения А. А. Шахматова, то «Чтение» нужно относить к концу предшествующего периода (между 1081 и 1088 гг.), а все остальные

- произведения борисоглебского цикла — к периоду между 1095 и 1116 годами (ШАХМАТОВ А. А. Разыскания о древних русских летописных сводах. СПб. 1908, с. 54—56).
56. По мнению А. Н. Уржанкова, «Сказание» (без «Сказания о чудесах») возникло между 1073 и 1076 гг., в период правления в Киеве Святослава Ярославича, а «Чтение» Нестора — при Всеволоде, между 1086 и 1088 гг. (УРЖАНКОВ А. Н. К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе. В кн.: Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 5. М. 1992, с. 390, 398).
57. Противоположное мнение см.: АНТОНОВА Е. В. Службы свв. Борису и Глебу в книжности Древней Руси. Автореферат канд. дисс. М. 1997, с. 14.
58. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 7.
59. Там же, с. 39; БРПЛ. Т. 1, с. 177.
60. Чтение: «Окаянный... на прочую братию воздвигнув гонения, хотел всех изгубить, и сам один владеть всеми странами». ЛП: «Святополк же окаянный и злой, убил Святослава... и начал помышлять: «яко избюю всю братью свою и приму власть Русскую один». ПЧ: «Аде всю братию свою избобю и прииму землю един». Сказание: «Ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть» (АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 13—14; ПСРЛ. Т. 1, стб. 139; СОБОЛЕВА Л. С. Ук. соч., с. 125; БЛДР. Т. 1, с. 333).
61. БЛДР. Т. 1, с. 333; АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 14, 48.
62. Под 1016 г.: «Ярослав же седе в Киеве на столе отни и дедни». Под 1019 г.: «Ярослав же седе в Киеве утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик» (ПСРЛ. Т. 1, стб. 142, 146).
63. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 25, 49.
64. См. также: ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 313.
65. См.: КЕЛТУЯЛА В. А. Курс истории русской литературы. Ч. 1. Кн. 1. СПб. 1913 (Репринт. Токуо. 1979, с. 601).
66. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 21.
67. Там же, с. 55; АЙНАЛОВ Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского государства. IV. Миниатюры «Сказания о свв. Борисе и Глебе» Сильвестровского сборника.— Известия Отделения русского языка и словесности, т. 15, кн. 3. СПб. 1910, с. 47.
68. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 60—61. Дж. Ревелли отмечает по этому поводу, что автор «Сказания о чудесах» «несомненно был политическим противником Святополка» (РЕВЕЛЛИ Дж. Сказания о чудесах и легендах о св. Вячеславе и житии Бориса и Глеба. В кн.: Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М. 1998, с. 97).
69. АБРАМОВИЧ Д. И. Ук. соч., с. 6—7; ПСРЛ. Т. 1, стб. 161—162.

Китайская модель реформ

А. В. Кива

На вопрос о том, что представляет собой «китайский путь» реформ разные исследователи дают разные ответы. Большинство аналитиков разных стран признают, что движение Китая в сторону от социализма осуществляется под руководством коммунистической партии и под флагом строительства социализма. По мнению немецкого ученого С. Хайлмана, выступившего на форуме в Берлине в октябре 2000 г. на тему: «Экономический потенциал и политическая стабильность в Азии», реформы в Китае, осуществляемые правительством вместе с коммунистической партией «в конечном итоге приведут к ликвидации коммунистической партии»¹.

Такая трактовка спорна, и на этот счет требуется отдельный разговор. Но что менее спорно, так это то, что «китайский путь» реформ так или иначе связан с понятием «государственный капитализм», хотя им и не исчерпывается. Как известно в советские времена госкапитализм трактовался и как система мер по ускорению экономического подъема развивающихся стран, и как способ достижения расширенного капиталистического воспроизводства, и как переходный этап от неразвитого капитализма к социализму. И это последнее, по крайней мере теоретически, имеет непосредственное отношение к Китаю, который официально не отрекся от марксизма, пусть и «китаизированного», и не отказался от строительства социализма. Китайские реформы рядом советских и российских ученых, например, известным экономистом Н. Г. Шмелевым, трактовались как возрожденная в китайских условиях форма нэпа. И даже приводились аналогии, в частности в сфере денежного обращения: наличие двух валют — неконвертируемой и конвертируемой (в Советской России — золотой червонец, в Китае — переводной юань).

Но едва ли не важнейшее сходство состояло в ситуации, которая сложилась в Советской России после политики «военного коммунизма» и в Китае после «большого скачка» и «культурной революции». В обоих

Кива Алексей Васильевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

случаях развитие производительных сил оказалось заблокированным, реальной угрозой становился массовый голод, соответственно и массовое недовольство в народе существующим порядком вещей, что и вынудило власти обеих стран осознать пагубность тотального обобществления, а точнее, огосударствления собственности и необходимости переходного периода на пути строительства социализма. При этом мы не рассматриваем реальные последствия новой экономической политики в СССР и Китае. Даже с учетом того, что о конечном результате, если так можно сказать, китайского нэпа, судить еще рано. Аналогия еще и в ленинском определении нэпа как «всерьез и надолго»². Если рассматривать реформы в Китае после 1978 г. действительно как китайскую форму нэпа, то ленинские слова о том, что нэп — это «всерьез и надолго» относятся больше к Китаю, чем к Советской России, где нэп был свернут вскоре после смерти Ленина.

Итак, стержнем нэпа, если так можно сказать, является госкапитализм, который Н. А. Симония назвал «главным звеном перехода к социализму». Трактую проблему с позиций марксизма-ленинизма, Симония подчеркивал, что «нэп — это допущение регулируемого государством капитализма, а это означало и повседневную опасность выхода этого последнего из-под контроля надстройки. Это означало, что регулирующая роль сама по себе, автоматически еще не предопределяет решения вопроса «кто — кого?». Кто раньше успеет сорганизоваться — капиталисты или Советская власть? — так ставил вопрос В. И. Ленин... Стало быть, необходимо было на практике решить вопрос о допустимом пределе развития капитализма, с одной стороны, и целесообразных рамках, в которых возможно «навязывание» несоциалистическим элементам базиса новых отношений собственности и распределения, — с другой»³.

В сущности, именно так, во всяком случае сходным образом и во всяком случае поначалу, ставился вопрос и в Китае. Решения 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва, состоявшегося в декабре 1978 г., с которым связываются китайские реформы, отнюдь не означали отказ руководства страны от курса на развитие социализма. Они были направлены на исправление того катастрофического положения в развитии страны, к которому привела левацкая политика Мао Цзэдуна, политика «большого скачка» (1958—1960 гг.) и «культурной революции» (1966—1976 гг.).

Это был такой же прагматический подход к исправлению допущенных ошибок и использованию частной инициативы в целях восстановления экономической жизнедеятельности, как и у Ленина. Последний на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г., предлагая замену разверстки натуральным налогом, говорил о необходимости «соглашения между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках власть пролетариатом и большинством крестьянского населения», подчеркивая при этом, что «соглашение — это понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов»⁴.

Ленин не раз возвращался к вопросу о государственном капитализме, считая его той фазой развития, которую должна пройти на пути к социализму страна с недостаточно развитой экономической и социальной структурой. Так, в апреле 1921 г. в статье «О продовольственном налоге» он писал: «Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед... Государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это — во-первых. Во-вторых, в нем нет для

Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты...». А в докладе на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. Ленин подчеркивал, что «было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уж затем — к социализму... Государственный капитализм, как мы его установили у нас, является своеобразным государственным капитализмом. Он не соответствует обычному понятию государственного капитализма. Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству»⁵. Наверное, то же самое или примерно то же самое могли бы сказать и китайские руководители, которые постоянно подчеркивают, что частный сектор является вспомогательным, основой же экономики является государственная и общественная собственность.

Что заставило Ленина фактически коренным образом пересмотреть пути и способы построения социализма в стране после Октябрьской революции? Реальная угроза потери власти. Задним числом советские идеологи обосновывали политику «военного коммунизма» как непредвиденный и вынужденный шаг, продиктованный необходимостью спасения революции. Но тогда возникает вопрос зачем большевики поощряли политику немедленной социализации и даже «коммунизации» — создание коммун, например? И почему тогда Ленину пришлось как бы оправдываться за переход к политике нэпа? Ленин говорил, что в своей политике большевики слишком забежали вперед, оторвались от масс, вызвав недовольство не только крестьян, но и немалой части рабочих, что таило в себе опасность для революции. В своих последних работах он уже делал акцент на необходимость длительного переходного периода на пути строительства социализма в условиях такой не очень развитой страны, как Россия, и когда мировая революция, как он считал, задерживается.

И, кто знает, не уйдя Ленин из жизни так рано или оказавшись во главе партии не Сталин, а, скажем, Бухарин (который под влиянием политической практики после Октябрьской революции сильно «поправел» и, кстати сказать, его лозунг «Обогащайтесь!» был воспроизведен китайскими реформаторами) вполне возможно, что новая экономическая политика действительно продолжалась бы целую историческую эпоху. Нэп объективно, по логике развития общественного процесса давал возможность для победы как левой, так и правой тенденции. Если бы на рубеже 1930-х гг. не победила, а потерпела поражение левацкая группировка Сталина, то строительство социализма в СССР наверняка велось бы совсем другими методами и дало бы совершенно другие результаты. В этом случае наверняка другим было бы и понимание социализма. И кто знает, как бы при этом выглядел мир сегодня.

Но в то же время надо признать: как бы ни велика была роль личности в истории, на победу сталинской группировки работали и объективные факторы внутреннего и внешнего порядка. Это и рожденная социалистической революцией вера широких народных масс в скорое светлое будущее по законам социальной справедливости, без эксплуатации человека человеком. Вера, которая меньше всего связывалась с нэпом, при котором «буржуи процветали», а «трудящиеся едва сводили концы с концами». Это и глубокий кризис старого капитализма, в том числе кризис западной демократии, когда то в одной, то в другой европейской стране появлялись фашистские

партии, а в Италии фашисты уже находились у власти. При том что социалистические идеи были тогда очень популярны в мире, и с марксизмом еще не порвали (или полностью не порвали) и многие социал-демократические партии.

Однако если сравнивать нынешнюю экономическую политику Китая с новой экономической политикой Советской России, тем более считать ее разновидностью той, то мы оказываемся в довольно сложном положении. Типологически новая экономическая политика в СССР и Китае, инициированные соответственно Лениным и Дэн Сяопином имеют много общего, так как проходили в сходных условиях. Начать с того, что социалистические революции совершились в странах, в которых, согласно марксизму, не было для этого предпосылок — они не прошли капиталистической стадии развития. В данном случае не суть важно, что общий уровень развития предреволюционной России был выше, нежели предреволюционного Китая, в котором к тому же путь прихода к власти коммунистов был проложен не столько в ходе классовой, сколько национально-освободительной борьбы. И там, и там был слабо развит рабочий класс, основную массу населения составляло по преимуществу полуграмотное и просто неграмотное крестьянство. И там и там, используя марксистскую терминологию, со стороны революционного авангарда имело место «забегание вперед», причем слишком далеко вперед. То есть имело место стремление перескочить объективно необходимые этапы развития, одним махом покончив с капитализмом и вступив в этап строительства социализма и даже коммунизма, не имея для этого объективных предпосылок. И там, и там новая экономическая политика, по существу, становилась средством спасения не только страны от экономического краха, а населения — от голода, но и самой революции от поражения. Как и в СССР, в Китае тоже были две тенденции развития страны после смерти Мао Цзэдуна. Левую или левацкую, насколько можно судить, представляли те, кто вошел в историю как «банда четырех».

Только и в данном случае, как говорят, аналогии хромают. И хромают не только по сути дела, сколько по части хронологии. В Советской России новая экономическая политика началась через три с половиной года после революции, а реформы Дэн Сяопина — спустя почти три десятилетия. Да и совсем по-другому шли страны к нэпу. После провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики ее руководство взяло за образец советскую модель развития. СССР, некоторые другие социалистические страны активно помогали Китаю создавать основы индустриальной базы, содействовали развитию инфраструктуры, там работали многие советские специалисты, а многие китайцы обучались и проходили производственную практику в СССР. Там не было ни «военного коммунизма», ни попыток создания коммун, как это имело место сразу же после Октябрьской революции в России. Там даже к капиталистам, лояльно настроенным к новой власти, относились достаточно гуманно, они получали свою долю прибыли в совместных с государством предприятиях, что, кстати говоря, настораживало советское руководство. Одним словом, КНР неспешно шла по проторенному «первой в мире страной социализма» пути в деле социалистических преобразований. Постсталинское руководство, со своей стороны, не подталкивало Китай к форсированной социализации. Работавшие в окружении Н. С. Хрущева специалисты по Китаю вспоминают, что Первый секретарь

ЦК КПСС, в частности, советовал китайским товарищам ни в коем случае не спешить с коллективизацией сельского хозяйства.

Но вот начались разногласия, трения между партийным руководством СССР и Китая, в том числе по вопросу разоблачения культа личности Сталина. Началось и соперничество за лидерство в международном коммунистическом движении. Сказались и некоторые другие моменты. Так, после смерти Сталина Мао Цзэдун считал, что именно он является главным теоретиком марксизма-ленинизма и уж ни в коей мере не Хрущев. Развернулась острая полемика по вопросам теории и особенно вокруг тех «новаций» в марксистской теории, которые так или иначе были связаны с именем Хрущева. И в 1958 г., как бы в пику «ревизионисту» Хрущеву, Мао Цзэдун фактически возвращается к левацкой политике Сталина конца 1920-х — начала 1930-х годов. Начинается реализация политики «большого скачка» — форсирование темпов экономического роста весьма сомнительными способами (как, например, посредством создания кустарным способом в городах и деревнях печей по выплавке низкокачественной стали), полное обобществление средств производства, ликвидация сельскохозяйственных кооперативов и создание на их месте «народных коммун» и т. д.

В китайском руководстве и соответственно в прессе стали говорить о том, что Китай первым в мире построит коммунизм, и это «светлое будущее», так сказать, уже не за горами. Не успела страна придти в себя после этой авантюры, нанесшей огромный ущерб развитию национальной экономики и обернувшуюся голодом для десятков, если не сотен миллионов людей, как в 1966 г. началась «культурная революция» — еще более авантюрная затея откровенно экстремистского толка. Затее, которая не только привела к дезорганизации производства и управления в самом Китае, но и породила много острых конфликтных ситуаций за его пределами, поскольку распространение в мире идей «культурной революции», создание организаций, берущих на вооружение леворадикальные идеи Мао и нередко переходящих к вооруженной борьбе за свержение существующих «буржуазных» режимов, стало государственной политикой Пекина. Маоизм стал синонимом экстремизма. И эта политика с разной степенью интенсивности продолжалась вплоть до смерти Мао Цзэдуна (1976 г.).

Другими словами, после «большого скачка» и «культурной революции» ситуация в Китае многими своими чертами напоминала ситуацию в советской России после «военного коммунизма». И с этой точки зрения действительно можно сравнивать экономическую политику Дэн Сяопина с новой экономической политикой Ленина.

Через какие этапы проходило формирование новой экономической политики Китая? Начало ей положили решения 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва, состоявшегося в декабре 1978 года. Тогда ставилась исключительно прагматическая задача подобная той, которую должен был решить и решал нэп в советской России. Раскрепостить развитие экономики посредством допуска в определенных рамках товарно-денежных отношений. Ради того, чтобы как можно скорее решить проблему голода, накормить страну и тем самым снять социальную напряженность, которая накапливалась в обществе в ходе провальной экономической политики, инициируемой Мао Цзэдуном. Результаты, как известно, превзошли все ожидания. Буквально за три-четыре года китайские крестьяне, получив в подряд землю, формально принадлежащую коммуна, увеличили в несколько раз производство сель-

скохозяйственной продукции. Тем самым реформы получили широкую поддержку в обществе. И несмотря на это, китайское руководство не спешило с пересмотром марксистских догм. Характерно, что даже когда развитие товарно-денежных отношений набрало силу и, говоря марксистским языком, в стране стали появляться капиталистические элементы, на официальном уровне и в прессе говорилось не о капиталистических хозяйствах, а о хозяйствах индивидуальных или частных.

Видимо именно практика реформ, ее последствия, причем не только позитивные, но и негативные, подвели их «архитектора» Дэн Сяопина к необходимости дать им теоретическое обоснование, ревизовав ряд принципиальных марксистско-ленинских догм. Дело в том, что наряду с общим улучшением благосостояния населения в стране, давно объявленной социалистической, в то же время росла социальная поляризация, появлялись богатые люди, которые строили шикарные дома, приобретали дорогие лимузины и пр. И это вызывало возмущение как в народе, так и в рядах КПК. Не все согласны были с такой политикой и в китайском руководстве и прежде всего в партийном. В 1983 г. Дэн Сяопин выдвинул тезис о необходимости «поощрения достижения частью людей зажиточности раньше других». А в 1984 г. в выступлении «О строительстве социализма с китайской спецификой» он дал теоретическое обоснование проводимым реформам: «Что такое социализм? Что такое марксизм? Насчет этого у нас раньше было не совсем ясное представление. Марксизм придает наибольшее значение развитию производительных сил. Что означает коммунизм, о котором мы говорим? Он означает осуществление принципа: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». А для этого требуется, чтобы общественные производительные силы развивались высокими темпами, чтобы было изобилие материальных общественных благ. Поэтому самая коренная задача в период социализма — развитие производительных сил. Преимущества социалистического строя выражаются как раз в том, что производительные силы при нем развиваются более быстрыми, более высокими, чем при капитализме, темпами»⁶. С точки зрения ортодоксальных марксистов это была открытая ревизия марксизма, ибо для них важно то, на какой основе идет развитие производительных сил.

Надо полагать, именно под воздействием авторитета Дэн Сяопина 3-й пленум ЦК КПК 12 созыва (октябрь 1984 г.) сделал акцент на реформу собственности, возведя этот вопрос в ключевой вопрос всей хозяйственной реформы. Два года спустя 6-й пленум ЦК КПК 12 созыва закрепил положение о том, что при социализме необходимы «многообразные экономические уклады», в том числе несоциалистические. Очень важное значение в процессе формирования концепции рыночных реформ (хотя само это понятие не употреблялось и до сих пор не употребляется в Китае) также имели документы XIII съезда КПК (октябрь — ноябрь 1987 г.). В них, в частности, говорилось о «допущении существования и развития в стране частного хозяйства»⁷. В документы XIII съезда вошел тезис о допущении использования наемного труда без ограничения численности работников на одном предприятии⁸.

Одновременно с реабилитацией частной собственности в условиях социализма шел процесс переосмысления социализма как феномена. И здесь важную роль сыграл тезис Дэн Сяопина о том, что строительство социализма в Китае и сам этот социализм имеет свою специфику. Выдвижение

понятия «начальная стадия социализма» было удачной находкой китайских реформаторов, позволяющая, так сказать, списывать на переходную стадию от капитализма к социализму любые отступления от догм марксизма-ленинизма. Этот тезис впервые появился еще в ходе работы 6-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1981 г.), однако развернутое толкование ему дано было именно в документах XIII съезда КПК. В частности, в них подчеркивалось, что только учет того, на каком этапе исторического развития находится китайское общество, может позволить партии выработать правильную стратегию и тактику в рамках строительства социализма с китайской спецификой. В тех же документах XIII съезда появился многозначительный тезис: «Все, что отвечает интересам народа, диктуется социализмом и допускается им»⁹. Здесь в полной мере проявился прагматизм китайского руководства. В самом деле, у нас даже в период горбачевской перестройки не ставился так вопрос, как он был поставлен на XIII съезде КПК.

Но практически каждая глубокая реформа так или иначе проходит через кризисы. И кризисы, как правило, начинаются в экономике, но в конечном итоге приобретают социальный и политический характер. Хотя бывает и наоборот и даже одновременно. Например, кризис возник в годы нэпа в СССР и носил многоплановый характер. Товарно-денежные отношения не могут развиваться успешно, если само государство тормозит этот процесс, боясь, как бы он не вышел из-под контроля. Когда-то наступает момент, когда надо либо давать большую свободу действий частной инициативе, либо довольствоваться тем, что представители частного сектора перестанут вкладывать средства на производственные цели, уходить от уплаты налогов и пр. Известно, что во второй половине 1920-х годов возник кризис в деле снабжения населения продовольствием. Производители зерна не хотели по низким ценам продавать его государству, а большевики, в свою очередь, не хотели действовать экономическими методами, предпочитая командно-административные. Возникла и проблема накоплений для индустриализации страны. А, говоря шире, перед страной остро встала проблема строить или не строить социализм в отдельно взятой и в лучшем случае среднеразвитой, нежели развитой стране. В СССР тогда шла острая борьба, условно говоря, между левыми и правыми, и нэп неизбежно оказался в центре этой борьбы.

Сталину как стороннику строительства социализма в условиях отдельно взятой и не очень развитой страны командно-административными методами и за счет прежде всего крестьянства нэп явно мешал, и он добился его свертывания уже в 1927 г., хотя некоторые его элементы сохранялись до 1934 года¹⁰.

Не избежал кризиса и вставший на путь глубоких реформ Китай, пик которого пришелся на весну 1989 г. и который, как известно, разрешился вооруженным подавлением властями выступлений молодежи и студентов. Только кризисы кризисам рознь. В Китае был, если можно так сказать, классический пример кризиса развития. Достаточно сказать, что за первые десять лет реформ (1979—1988 гг.) ВВП Китая увеличился в 3,5 раза при темпах роста производства в 9,1%, национальный доход — в 3,4 раза, доходы городского населения — в 4,5 раза, сельского — в 5 раз¹¹. То есть кризис стал следствием очень быстрого экономического развития, что в какой-то момент создало «перегрев экономики», но также вызвало и соци-

альную и политическую напряженность. И отрасли народного хозяйства, и регионы страны развивались далеко не равномерно. Экономический бум дал о себе знать прежде всего в районах, в которых для этого имеются наиболее благоприятные условия (инфраструктура, подготовленные кадры и пр.) — в восточной и южной частях страны, где впервые появились «свободные зоны», куда устремился иностранный капитал, в то время как в западных, северо-западных и центральных районах страны реформы начались позже и темпы развития были несравнимо ниже. Быстрое и неравномерное развитие, само по себе естественное в конкретных условиях Китая, так же естественно породило структурные диспропорции в экономике, привело к росту инфляции, повышению цен на товары широкого потребления и т. д. В результате выросла социальная напряженность.

Важно при этом отметить, что одновременно с социально-экономическим ростом в Китае начался и процесс демократизации страны. Впервые за многие годы в открытой печати стали обсуждаться острые экономические, социально-политические и иные вопросы, так или иначе связанные с реформой, которые никогда ранее не поднимались. Некоторые авторы даже выступали с критикой научной теории социализма, что, впрочем, было небезопасно. Чем-то этот период напоминал начальный период гласности в СССР.

Как чаще всего и следует в таких случаях, недовольные сложившейся ситуацией стали искать виновных не в самом факте очень быстрого роста, неизбежных при этом недостатках и упущениях, а в частном секторе, в решающей мере обеспечившем этот рост, в коррупции государственного аппарата (которая и в самом деле расцвела там пышным цветом после начала реформ). При этом многие коррумпированные чиновники пытались причины возникших проблем как раз приписывать частному сектору, а некоторые представители частного сектора, в свою очередь, подстрекали митингующих студентов на более решительные действия. Верно, частный сектор, прибегая к коррупции государственных чиновников и работников госпредприятий, действительно нередко использовал госсектор, грубо говоря, как дойную корову, закупая сырье и иные исходные материалы по заниженным ценам, получая у государства льготные кредиты, занижая объемы выпускаемой продукции, доходы, чтобы платить меньшие налоги и т. д. Но это обычная практика на начальном этапе развития товарной экономики. Как и коррупция государственного аппарата, в том числе на очень высоком уровне. Как и резкое социальное расслоение, у которого обычно находится мало союзников.

Однако дал знать о себе еще один фактор. Как считают некоторые российские ученые, общественный кризис в Китае был вызван не экономическими, а политическими причинами. После смерти Мао Цзэдуна огромное число образованной китайской молодежи вернулось в города из деревень, куда они были отправлены на «перевоспитание» в годы «культурной революции», и включилось в общественную жизнь. Они-то и стали наиболее активными поборниками демократических перемен. А также тысячи студентов, которых в свое время послало руководство Китая для приобретения знаний в престижных западных университетах и которые за годы обучения там прониклись идеями западной демократии.

Но тут нужно оговориться. Во-первых, радикализм митинговавших на площади Тяньаньмэнь поначалу не был направлен ни против коммунистической

системы как таковой, ни против правящей партии и руководства страны, а против бюрократии, чинящей произвол, против коррумпированных лиц в партии и государстве и за демократизацию общества в рамках существующей системы. Во-вторых, как нередко случается в истории, на ход событий оказали влияние случайные, но трагические по своим последствиям моменты. Дэн Сяопин несколько резковато отозвался о митингующих (назвав их теми, кто устраивает беспорядки), и только тогда радикальные элементы в их среде, очевидно, желая обострить ситуацию, решились на выдвигание провокационных лозунгов типа «Долой диктатора!», под которым имелся в виду Дэн Сяопин, «Долой компартию!» и пр. Появились и карикатуры на «отца реформ».

По мнению ряда российских китаеведов Дэн Сяопин не хотел применять силу для подавления выступлений молодежи и студентов. Однако пользуясь тем, что его состояние здоровья в это время ухудшилось и сам он не мог внимательно следить за ходом событий, некоторые его коллеги по руководству страной стали драматизировать ситуацию, призывая его применить силу для предотвращения ее выхода из-под контроля. Одни действительно были обеспокоены тем, как бы развитие событий в стране не привело к срыву реформ, другие же, к коим аналитики относили премьера Государственного совета Ли Пэна и некоторых других влиятельных деятелей, вообще были противниками либеральных экономических реформ. В то же время митингующих стал поддерживать Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян (который вначале их осуждал). В этой противоречивой ситуации Дэн Сяопин дал «добро» на применение силы.

Иной точки зрения придерживается Л. П. Делюсин, передавая слова видного китайского журналиста и общественного деятеля Ху Цзивей: «По мнению Ху Цзивей,— пишет Делюсин,— если бы в 1989 году партийное руководство поддержало студенческое движение и направило его в русло законности и демократии, на чем настаивал Чжао Цзыян, то оно нанесло бы сильный удар по коррупции. Он отмечает, что не случайно именно мэр Пекина Чэнь Ситун, впоследствии разоблаченный как крупный взяточник и казнокрад и осужденный за свои преступления, первым заклеил студенческие демонстрации как контрреволюционные, а Дэн Сяопин согласился с этой его оценкой, что и привело к трагическим последствиям. Ху Цзивей осуждает решение Дэн Сяопина о подавлении силой студенческого движения. Такое решение, считает он, стало возможным потому, что Дэн Сяопин хотя и выступил в 1980 году за демократизацию политической системы, фактически установил такой же диктаторский, деспотический режим, какой был введен Мао Цзэдуном после образования КНР. Дэн Сяопин правил партией и государством единолично, продолжая традиции культа личности и патриархальной власти, которые он сам же осуждал в начале реформ. Систему политического руководства, которую Дэн Сяопин оставил нетронутой, Ху Цзивей называет феодально-патриархальной и считает ее главным препятствием на пути демократии и свободы»¹².

Что же касается проблемы развития в Китае демократии, то дело не в позиции «властолюбивого» Дэн Сяопина и не в «феодально-патриархальной» политической системе, сохранившейся со времен правления Мао Цзэдуна, на что ссылается Ху Цзивей. Главным препятствием на пути развития демократии в развивающихся странах, к которым причисляет себя и Китай, являются объективные причины. Они в бедности, общей неразвитости,

в преобладании среди населения по большей части полуграмотного или вообще неграмотного крестьянства, в вековых традициях подчинения низов верхам, в авторитарном массовом сознании и т. д. Объективные предпосылки для демократии создаются в ходе быстрого экономического развития и роста благосостояния населения, изменения социально-классовой структуры общества, подъема его образовательного и культурного уровня, трансформации массового сознания — от авторитарного к компромиссному, демократическому. Именно таким путем к демократии идут «новые индустриальные страны», включая Южную Корею, Тайвань, Сингапур, Малайзию и др.

Однако когда в той же Южной Корее или на Тайване появились предпосылки для успешного развития демократического процесса? Фактически после того, как за годы существования авторитарного режима они стали индустриальными странами. Именно «авторитаризм развития» обеспечил высокие темпы роста производства. Например, в Республике Корея за период с 1961 по 2000 гг. ВВП увеличился с 2,1 млрд. долларов США до 480,2 млрд., то есть в 240 раз (без учета инфляции), а в расчете на душу населения — в 129 раз¹³. Притом что демократизация в стране по-настоящему началась лишь после победы на президентских выборах в конце 1997 г. бывшего «корейского диссидента» Ким Дэ Чжуна. Но именно при авторитарном военном правлении, продолжавшемся с 1961 по 1992 гг., в крайне отсталой стране была создана современная экономика. А на Тайване авторитарный режим существовал все годы правления Чан Кайши и его сына Цзян Цзинго и держался на правящей партии Гоминьдан. И только начиная с марта 2000 г., когда президентом Тайваня был избран лидер оппозиционной Гоминьдану Демократической прогрессивной партии Чэнь Шуйбянь, на острове начался процесс демократизации¹⁴.

Опыт показывает, что на низком уровне развития производительных сил и общества в целом представительная демократия чаще всего становится не созидательной, а разрушительной силой. Сутью политической жизни становятся митинги и демонстрации, появляется огромное число партий, программные заявления которых дублируют друг друга. Эти квазипартии начинают между собой враждовать, что не позволяет ни избрать дееспособный парламент, ни сформировать работоспособное правительство. В результате нормальная жизнь в стране фактически парализуется. Обычно дело заканчивается военным переворотом и установлением прямой диктатуры. Одним из последних примеров тому стала Бирма в 1988 году.

Можно напомнить, что демократические институты в духе западной парламентской демократии, унаследованные бывшими колониями и полуколониями от колониальных держав, за редким исключением, рухнули буквально одни за другими вскоре после обретения ими независимости, расчистив место для авторитарных и тоталитарных режимов. По-другому просто не получилось в обществах, раздираемых острейшими социальными, политическими и этническими противоречиями. И почти все они прошли через этап однопартийности. Потом, через тридцать-сорок лет, по мере стабилизации ситуации и под давлением Запада, и в первую очередь США, в большинстве развивающихся стран независимо от уровня развития появились демократические институты, включая многопартийность, выборы на конкурентной основе и пр. Но во многих случаях, если не в большинстве, это в лучшем случае привело к созданию квазидемократии. (Хотя,

возможно, это и есть важный шаг по пути к демократии в конкретных условиях этих стран). Даже в Индии, которая являет собой классический пример того редкого исключения среди развивающихся стран, в которых сохранились демократические институты и после ухода из страны колонизаторов, общество нельзя считать демократическим. Не изжиты институты докапиталистической формации, такие, как «кабальные рабочие», «списочные племена», касты «неприкасаемых» и пр.

Демократию нельзя трактовать абстрактно. Она явление надстроечное, а не базисное. Иначе говоря, она есть продукт развития материального производства, причем на довольно высоком уровне. А еще и продукт такого же уровня общественного, культурного и национально-специфического развития. Как правило, каков уровень развития общества, такова и демократия. Не случайно ведь человечество прежде, чем выйти на уровень представительной демократии, прошло через типы демократии более низкого уровня: прямую, рабовладельческую и сословную демократии. При этом закономерность такова: на определенном, довольно высоком уровне развития производительных сил демократия становится условием их дальнейшего прогресса, если хотите, двигателем прогресса.

Сказанное выше не означает, что страны, находящиеся на низком уровне развития, не нуждаются в демократических институтах. Они нужны, дабы сделать невозможным вопиющие случаи произвола, творившегося и продолжающегося твориться в некоторых развивающихся странах. Вопрос лишь в том, что их нельзя скопировать ни с конституций развитых стран, ни с тамошнего понимания если не самих политических прав и свобод граждан, то их приоритетов. На этом этапе институты демократии обречены носить синкретический характер. Это некая смесь институтов западной представительной демократии и институтов традиционного общества. Сама политическая система, а говоря шире, партийно-политическая система выстраивается нередко в духе традиционных принципов демократии. С одной стороны, наличие нескольких политических партий, частных СМИ, выборов в парламент, президента страны и т. д., а с другой стороны, деятельность партий регламентируется исполнительной властью де-факто или де-юре, она же доминирует над другими ветвями власти (а нередко и имеет закрепленное в конституции право делегировать в парламент своих представителей), государственные чиновники направляют в редакции СМИ «рекомендации» по поводу освещения тех или иных серьезных политических вопросов и т. д. При этом важнейшие вопросы государственной политики решаются в узком кругу избранных лиц в традиционном стиле консенсуса и по большей части лишь штампуются парламентами. Типичный пример такой демократии, называемой управляемой демократией, являла собой Индонезия. Формировалась она еще во времена Сукарно, а расцвет получила уже во времена генерала Сухарто. Но даже в такой высокоразвитой во всех отношениях стране, как Япония, в которой, можно сказать, безукоризненно функционируют институты демократии, навязанные сверху американской военной администрацией в годы оккупации (как, кстати сказать, и в Западной Германии), традиционализм в сфере демократии не стал историческим прошлым, он, говоря фигурально, с верхних перебрался на нижние этажи общественной жизни.

В Китае подавление выступлений молодежи и студентов носило исключительно жестокий характер. После событий лета 1989 г. в Китае

установилась жесткая цензура печати. Любая независимая от воли властей общественная деятельность стала решительно пресекаться. Одним словом, демократический процесс был свернут. Начался период «упорядочения экономики» (1989—1991 гг.), включавший в себя наряду с прочим перерегистрацию частных компаний, многие из которых были закрыты или самоликвидировались. Произошло ужесточение налоговой инспекции. Развернулась борьба против «буржуазной либерализации», вестернизации и т. д. Возникла серьезная опасность отката назад, возврата к командно-административным методам хозяйствования.

И вот здесь сказались масштаб личности и мудрость Дэн Сяопина и, естественно, его огромный авторитет в глазах китайцев. Он не дал этой тенденции укрепиться, и Китай не только не свернул рыночные реформы, но они получили еще более глубокий характер. Другими словами, тот, кто начал реформы, тот и взял их под защиту. Уже осенью 1989 г. новый Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь (на которого, кстати сказать, ошибочно возлагали надежды как на своего сторонника противники либерализации экономики страны) подчеркнул неизменность курса на «развитие многообразных хозяйственных укладов на начальной стадии социализма». Еще более определенно высказался за сохранение прежнего курса Дэн Сяопин в 1992 г., упрекая тех, кто боится «совершить что-либо капиталистическое» и поощряя тех, кто становится «зажиточными раньше других», ибо если «трясти людей, наживших миллионы... то они станут говорить, что политика изменилась, и ущерба от этого будет больше, чем пользы...». Кроме того, он высказал принципиально важную мысль о том, что «основные политические установки на проведение реформ в городе и деревне непременно требуют длительного сохранения стабильности»¹⁵. Не это ли двигало им, когда он принимал наверняка тяжелое для себя решение о подавлении силой «студенческого бунта»?

Установка Дэн Сяопина на неизменность курса реформ, о необходимости дальнейшего развития частного предпринимательства были теоретически обоснованы в ходе работы XIV съезда КПК (октябрь 1992 г.) и нашли отражение в партийных документах. В частности, была принята концепция «социалистической рыночной экономики». Прежде была концепция «социалистической товарной экономики». Цзян Цзэминь, выступая на съезде с докладом, говорил о том, что «бедность — не социализм. Всем одновременно прийти к зажиточной жизни невозможно. Надо позволять и поощрять часть районов и часть людей становиться зажиточными раньше других... Не стоит сковывать себя идеологически и практически спорами о том, какое название все это носит — Социализм или Капитализм... Зарубежный капитал, ресурсы, технику и технологию, специалистов, а также в качестве полезного дополнения сам частный сектор нужно и можно использовать в интересах социализма... Система социалистической рыночной экономики соединяется с основными системами социализма. Доминирующая в структуре собственности общественная собственность, которая включает всенародную и коллективную собственность, дополняется индивидуальным и частным секторами, а также сектором экономики, основанном на иностранном капитале. Разные сектора экономики будут совместно развиваться в течение длительного времени, что не исключает и их добровольного хозяйственного объединения в самых разнообразных формах. Доминирующее в системе распределения распределение по труду дополняется другими

формами распределения, причем учитываются как эффективность, так и принцип справедливости»¹⁶.

Подведем итоги. Что же представляют собой китайские реформы? Своеобразная форма нэпа? Частный случай того пути развития, по которому пошли Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия и др.? Или же это какой-то особый феномен? На эти вопросы видимо нельзя дать однозначный ответ. Здесь присутствует и то, и другое и третье. Да, это своего рода форма нэпа в том смысле, что после затянувшихся на многие годы попыток перескочить через исторически обусловленные этапы развития, другими словами, свернуть товарное производство на низком уровне развития производительных сил в угоду формированию социалистических, а частично и коммунистических (имея в виду полное обобществление частной собственности) преобразований, страна вынуждена коренным образом менять свою экономическую политику и поощрять развитие товарного производства. Страны, реализующие «восточноазиатскую модель» (Южная Корея, Сингапур и др.) такого реверсивного развития не знали. «Китайская модель» отличается тем, что этот возврат на позиции до начала «большого скачка» аргументируется необходимостью создания материальной базы для строительства социализма, что официально провозглашается стратегической целью китайских реформ, в то время как стратегической целью стран восточноазиатской модели является строительство развитой рыночной экономики и представительной демократии. И при этом строительство социализма в Китае трактуется в духе марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина.

И в то же время «китайская модель» имеет немало общего с «восточноазиатской моделью». Авторитарный режим, реформы осуществляются под руководством партии, которую некоторые исследователи небезосновательно называют «партией-государством». И она действительно является не столько партией в общепринятом смысле этого слова, сколько государственной структурой, причем не в меньшей, если не в большей мере, чем была КПСС. При этом огромную роль в общественной жизни страны играет армия, тесно связанная с компартией, победа которой в гражданской войне, в сущности, и проложила путь созданию КНР. Хотя в последние годы эта роль стала уменьшаться¹⁷. Как пишет В. А. Федоров, «почти во всех этих странах особую роль в социально-политической сфере играла армия, которая являлась не только орудием власти правящих группировок, но и силой, оказывавшей непосредственное влияние на политическую борьбу, перестройку социально-политических структур, состав правящих группировок, а также на выработку и реализацию стратегического курса экономических и социальных преобразований... Активное вмешательство армии в общественно-политическую жизнь неизменно сопровождалось ужесточением методов правления и придавало политическим режимам авторитарные черты»¹⁸.

В Китае, как известно, прямого военного правления нет и не было как в силу той роли, которую играла компартия в борьбе с японскими оккупантами и в гражданской войне, так и потому, что ведущие лидеры КПК и создавали армию (НОАК), и были ее руководителями. Однако до самого последнего времени решающую роль в принятии важных решений играл не первый партийный руководитель, а тот в руководстве партии и государства, в чьем подчинении реально находилась армия. «Именно поэтому лидеры

первого и второго поколений руководителей КНР — Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, которые лучше, чем кто-либо другой знали характер власти в КНР, — пишет Г. Арсланов, — практически до конца своей жизни держали «винтовку» в своих руках, являясь председателями Военного совета ЦК КПК — самого могущественного органа в системе государственного управления Китая... Достаточно сослаться на «печальный опыт» бывшего генерального секретаря Чжао Цзыяна...»¹⁹. Не занимавший никаких других постов в партии и государстве, кроме поста председателя Военного Совета (который, правда, после внесения соответствующих изменений в конституцию КНР стал и органом государственной власти) Дэн Сяопин, вопреки воле Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, отдал приказ о подавлении силой студенческих выступлений в 1989 г., а потом добился снятия последнего с этого поста.

С «восточноазиатской моделью» «китайскую модель» сближает и многое другое. Это высокий уровень сбережений и капиталовложений. Так, по данным В. А. Мельянцева, в 1996 г. доля инвестиций в ВВП в КНР, Малайзии и Таиланде составляла 41—42%, чуть меньше в Южной Корее, причем в основном за счет внутренних источников финансирования²⁰. Это активное государственное вмешательство в экономический процесс с целью стимулирования роста производства и экспорта, а также создания финансово-промышленных групп как локомотивов экономического развития и экспортной интервенции. Классическим примером являются ФПГ в Корейской Республике, где их называют «чеболе». И что поистине поражает, так это масштабы активов ФПГ в стране, которую многие из ныне живущих знали как слаборазвитую, очень бедную. Так, на начало 1997 г. сумма активов Хёндэ, Самсунг, Эл Джи, Дэу составляла соответственно 59, 55; 57, 39; 42, 64; 39, 39 млрд. долларов²¹. Это политика протекционизма по отношению к отраслям национальной экономики, не обретших еще конкурентоспособности на мировом рынке. Достаточно сказать, что в Китае пошлины на импорт промышленных товаров составляют 24,6%, сельскохозяйственной продукции — 45%, а автомобилей — 80—100%²². Наконец, это правильно выбранная стратегия экономического развития с упором на экспортную ориентацию. В то время как большинство развивающихся стран, согласно рекомендациям международных и региональных экономических организаций (оставляя в стороне те рекомендации, которые исходили от СССР) придерживались курса на импортозамещение, страны Восточной и некоторые страны Южной Азии форсировали производство конкурентоспособной экспортной продукции. Разумеется, Китай с его масштабами не может всю свою экономику ориентировать на производство экспортной продукции, но темпы роста его экспорта достойны подражания. Как пишет В. В. Попов, политика поддержки государством конкурентоспособных отраслей, стимулирование перемещения в них ресурсов «проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже — в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) и в Китае и привела к впечатляющим результатам. В Китае именно экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978 году до более 20% сегодня»²³.

Теперь об уникальности, неповторимости «китайской модели». Если даже считать, что нэп в СССР оказался неудавшимся экспериментом, а «китайская модель» превратилась в одну из самых эффективных моделей

развития, то и в этом случае ее нельзя считать уникальной. С одной стороны, она формировалась под сильным влиянием соседних с Китаем Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и прочих «тигров», которые за два десятилетия, то есть к моменту начал китайских реформ, уже совершили гигантский прыжок из отсталости в «среднеразвитость» и которые, в свою очередь, многое позаимствовали у Японии, совершившей за первые послевоенные 15—20 лет прыжок из «среднеразвитости» в «высокоразвитость». Как пишет американский исследователь М. Голдмэн, многие китайские интеллектуалы, будучи под сильным впечатлением достижений этнически близких Тайваня, Сингапура и Гонконга, считали что и Китай под руководством сильного лидера должен сначала в течение нескольких десятков лет создать мощную экономическую базу и лишь потом, когда сформируется многочисленный средний класс, начать движение по пути к демократии²⁴.

С другой стороны, «китайскую модель» нельзя считать уникальной хотя бы потому, что она уже реализуется в ряде других стран Юго-Восточной Азии и, в частности, во Вьетнаме и Лаосе. Обе страны вступили на путь реформ в 1986 г., то есть после начала перестройки в СССР. Известно, что советское руководство (с мнением которого не могли не считаться вьетнамские и лаосские руководители) с предубеждением относилось к китайским реформам. Да и у этих стран были свои сложности в отношениях с КНР. Однако после распада СССР обе они восстановили нормальные отношения с Китаем и стали на путь использования его опыта. Во Вьетнаме была принята программа развития (стратегия обновления), сутью которой является «поощрение частного производства при сохранении контроля государства над крупной промышленностью, сдерживание инфляции, активное привлечение иностранных инвестиций, интеграция страны в мировую экономику». Результаты впечатляющи. Так, среднегодовые темпы роста ВВП за прошедшее десятилетие составили 7,4%, промышленности — 10%, прироста экспорта — 20%. Добыча нефти выросла с 2,7 млн тонн в 1990 г. до 15 млн тонн в 1999 году. Из импортера риса как основного продукта питания Вьетнам превратился в крупного его экспортера²⁵.

Курс на «обновление» дает неплохие результаты и в Лаосе, одной из самых слаборазвитых стран ЮВА. Так, темпы роста экономики увеличились с 3—4 (а иногда и отрицательных величин) до 7—8%, доля промышленности в ВВП поднялась с 17 до 21%, впервые за многие годы страна обеспечила себя рисом. И что очень важно, за годы реформ удвоился доход на душу населения²⁶. Лаос, как и Вьетнам, вышел из изоляции, вступив в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), стал развивать связи со всеми странами ЮВА. Как и Китай, Вьетнам и Лаос, не отказываясь ни от догм марксизма, ни от официально провозглашаемой цели построения социализма, осуществляют реформы под руководством марксистских партий. Правда, в официальных и партийных документах Лаос называется страной народной демократии, слово «социализм» опущено, что не меняет сути дела²⁷.

Значит ли это, что «китайская модель» не имеет своих неповторимых особенностей? Видимо, нет. Во-первых, огромную роль играет численность населения страны, в которой, по оценкам на конец 2000 г., проживало 1,3 млрд. человек. Это целый континент. Когда грянул так называемый азиатский кризис, то Китай от него пострадал меньше других. Несмотря на довольно широкую и все более растущую включенность китайской эконо-

мики в мировую экономику, ей в то же время свойственна высокая степень самообеспеченности. В ходе обмена мнениями востоковедов по поводу вступления Китая в ВТО А. И. Салицкий подчеркивал: «По-видимому, неприменимость многих классических схем и математических моделей к оценке китайского хозяйства вытекает уже из его гигантских масштабов»²⁸. Во-вторых, неповторимым является огромный приток капитала в страну со стороны хуацяо (разбросанных по всему миру этнических китайцев) и тунбао (китайцев, проживающих на Тайване, в Гонконге, Макао). Из 300 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций, по данным на 2000 г., не менее 70%, по оценкам, составляли как раз средства хуацяо и тунбао²⁹. Как пишет Салицкий, капитал хуацяо и тунбао растворяется «в основном массиве китайского хозяйства»³⁰. Не поэтому ли и азиатский финансовый кризис меньше всего ударил по экономике Китая?

В-третьих, трудно воспроизводима та международная обстановка, в которой начались китайские реформы. В период обострения советско-китайских отношений стратегической задачей Запада и США в первую очередь стало стремление всеми силами углублять раскол между двумя социалистическими странами. Поэтому страны Запада и Япония не препятствовали, а, напротив, содействовали успеху реформ в Китае, в особенности на начальном и самом трудном этапе. В международной печати не раз отмечалось, что в первые годы китайских реформ Запад и Япония довольствовались больше политическими, нежели экономическими дивидендами. К сказанному следует добавить и то, что к моменту вступления Китая на путь рыночных реформ несостоятельность государственной экономики в условиях ускорившейся НТР уже не требовала доказательств.

И еще. Китай — страна древней культуры. Достаточно сказать, что в 1999 г. отмечалась 2550-я годовщина со дня рождения великого китайского философа Конфуция, который оказал огромное влияние на жизнь китайского общества сродни религиозному. Как ни хотели «великий кормчий» и его сторонники вытравить из массового сознания гуманистические начала наследия Конфуция, заменив их теорией классовой борьбы, им это не удалось. Идеи Конфуция о человеческом достоинстве, о справедливости и нравственности в отношениях между людьми, о взаимоуважении, заботе друг о друге, о том, что позволительно, а что недопустимо делать даже в самых критических ситуациях, оказались, как никогда, востребованными в переходный период развития Китая, когда, скажем так, развитие капитализма на этапе первоначального накопления связано с огромными потерями для общества в духовно-нравственной сфере.

И не случайно Дэн Сяопин стал брать на вооружение некоторые идеи Конфуция и, в частности, понятие «сяокан» — «общество малого благоденствия», в котором будет достигнут уровень средней зажиточности. Как пишет Делюсин, «отец китайских реформ считал, что именно такая цель является для КПК реальной и осуществимой к началу XXI века. Именно достижимость этой цели, означающей решение проблемы «тепла и сытости» для всего населения, позволяет лучше активизировать трудовые и умственные усилия народа, чем звучавшие при Мао Цзэдуне несбыточные лозунги, призывавшие в короткие сроки построить лестницу, ведущую на коммунистическое небо»³¹. Глубоко проникшие в массовое сознание идеи Конфуция уберегли китайское общество и от глубокого социального расслоения, и от духовно-нравственного кризиса, включая национальный

и государственный нигилизм, и помогли сохранить преемственность поколений.

Китай — страна древней цивилизации, веками считавшая себя средоточием Вселенной. Именно отсюда идут корни известного лозунга опоры на собственные силы. Именно поэтому она легко «переваривает» иностранные заимствования. Популярный в Китае лозунг «Иностранное — на службу Китаю!» действительно реально воплощается в жизнь. Редкая, если не беспримерная, привязанность этнических китайцев к своей матери-родине, тоже содействовала успеху китайских реформ.

Что же касается вопроса о будущем Китая с точки зрения его социальной ориентации, то на этот счет можно высказать лишь общие предположения. Как среди международных, так и российских аналитиков преобладает мнение, что прагматически настроенное руководство Китая, начиная с Дэн Сяопина, вполне сознавая утопичность теории Маркса насчет построения коммунизма, равно как и бесперспективность попыток строить в отдельно взятой стране какую-то особую модель общественного устройства в эпоху ускорения процесса глобализации, на деле направляет развитие Китая по капиталистическому пути. Коммунистическую же партию оно использует как государственную структуру, а идеологию марксизма-ленинизма, а точнее говоря, китаизированный марксизм — в качестве идеологии сплочения масс в процессе многотрудного перехода страны от одной общественной системы к другой. В то же время нельзя исключать и возможных попыток со стороны властей перехода в наступление на частнокапиталистические уклады, массовой приватизации и возврата к политике какой-то новой разновидности «культурной революции». Такой поворот событий маловероятен в условиях исключительно быстрого развития Китая, которое наблюдается в последние десятилетия, но он вполне возможен в случае вступления страны в этап затяжной депрессии. Опыт Японии показывает, что многие десятилетия феноменально быстрого развития могут смениться длительной депрессией. Только уязвимость китайской модели развития по сравнению с японской моделью состоит в том, что быстрым ростом охвачена, как уже отмечалось, не вся страна и даже не большинство населения, а преимущественно восточные и южные регионы страны, в которых проживает, как минимум, половина населения страны. Следовательно, замедление темпов роста производства, а тем более экономический спад могли бы самым негативным образом сказаться на социальном климате и побудить власти к каким-то радикальным действиям.

И, тем не менее, китайская модель реформ — это не только реальность, но и едва ли не самый удачный пример перехода страны с государственной экономикой на рельсы рыночного развития. Перехода эволюционного, поэтапного, планомерного, без разрушения сложившихся в годы социализма производительных сил и, что едва ли не самое главное, при постоянном росте благосостояния населения.

Примечания

1. ИАС (International Institute for Asian Studies), Leiden, February 24, 2001, p. 50.
2. ЛЕНИН В. И. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М. 1982, с. 565.
3. СИМОНИЯ Н. А. Что мы построили. М. 1991, с. 150.
4. ЛЕНИН В. И. Избранные произведения, т. 3, с. 510.

5. Там же, с. 534, 672, 679.
6. КАРЛУСОВ В. В Развитие частного предпринимательства в Китае. М. 1996, с. 24.
7. Там же, с. 25.
8. «Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». Пекин, 1988, с. 32 (на кит. яз.).
9. Там же, с. 32.
10. СИМОНИЯ Н. А. Ук. соч., с. 231.
11. КАРЛУСОВ В. В. Ук. соч., с. 91.
12. ДЕЛЮСИН Л. Исповедь старого коммуниста. — Азия и Африка сегодня, 2000, № 7, с. 21.
13. СЕРГЕЕВ П. О «бедном» чеболе замолвите слово... — Азия и Африка сегодня, 2001, № 2, с. 27.
14. См. подробнее: КАРПОВ М. Заботы и тревоги «другого Китая». — Азия и Африка сегодня, 2000, № 8, 9.
15. КАРЛУСОВ В. В. Ук. соч., с. 28.
16. Там же, с. 28—29.
17. См. подробнее: АРСЛАНОВ Г. Винтовка и власть в современном Китае. — Азия и Африка сегодня, 2001, № 4, с. 20—25.
18. ФЕДОРОВ В. А. Армия и модернизация в странах Востока. М. 1999, с. 3—4.
19. АРСЛАНОВ Г. Ук. соч., с. 20.
20. МЕЛЬЯНЦЕВ В. А. Экономический рост в развивающихся странах: достижения, контрасты и парадоксы. Часть 1. — Восток, 2001, № 1, с. 75.
21. СЕРГЕЕВ П. Ук. соч., с. 29.
22. Диалог Китая с ВТО: значение для России (обмен мнениями). — Восток, 2000, № 6, с. 63.
23. ПОПОВ В. В. Китай и Россия: от плана к рынку. — Независимая газета, 30.VIII.2001.
24. БЕРЕЗНЫЙ Л. А. Рецензия на книгу J. K. Fairbank, M. Goldmman. China. A new History. Cambridge [Mass.]. — London, Harvard Univ. Press. 1998. — Восток, 2001, № 2, с. 206—207.
25. ДУБРОВИН Д. «Несоциалистический» Вьетнам. — Азия и Африка сегодня, 2001, № 5, с. 31.
26. ИОАНЕСЯН С. ЛНДР — 25 лет. Модернизация экономики. — Азия и Африка сегодня, 2000, № 11, с. 15, 18.
27. См. подробнее: МОРЕВ Л. ЛНДР — 25 лет. Вектор развития. Там же, с. 10—14.
28. Диалог Китая с ВТО., с. 64.
29. IAS Newsletter, № 24, p. 50.
30. САЛИЦКИЙ А. И. Китай — новая система в мировом хозяйстве. — Восток, 1999, № 1, с. 97.
31. ДЕЛЮСИН Л. Модернизация и учение Конфуция. — Азия и Африка сегодня, 2001, № 7, с. 11.

Бертран Рассел

В. П. Зайцев

Имя Бертрانا Рассела (1872—1970) было широко известно в середине XX в. не только в Великобритании, но и во всем мире. Соотечественники называли его «вторым великим англичанином». Старейшая воскресная газета «The Observer» писала, что Бертран Рассел «самый великий англичанин после Уинстона Черчилля», который, как известно, дважды занимал пост премьер-министра и был не только политиком, но и видным историком, лауреатом Нобелевской премии по литературе (1953 г.). Правда, журналисты тех лет отмечали, что такое сопоставление двух выдающихся сынов Британии XX века скорее должно льстить Черчиллю, чем Расселу¹.

Лорд Бертран Артур Уильям Рассел прославил свое имя научными трудами не только в Англии, но и в Америке, Западной Европе, Индии и в Китае. Его, вероятно, знали лучше, чем любого другого, жившего в XX в., британского философа, историка, общественного деятеля и публициста. После его кончины английские газеты писали, что мир обеднел с потерей Бертрانا Рассела — математика, философа, логика, педагога-теоретика и общественного деятеля, борца за мир и гуманизм, лауреата Нобелевской премии по литературе (1950 г.). Его хорошо знали многие британские и зарубежные ученые (Рассел с 1908 г. являлся членом Королевского научного общества — аналог РАН), а также парламентарии страны многих поколений как старейшего члена (с 1931 г.) палаты лордов².

Бертран Рассел «аристократ-бунтарь и яркая личность», как называли его журналисты, прожил почти вековую, богатую событиями жизнь, активным участником многих из которых ему довелось быть. Можно сказать: история его жизни и деятельности представляет собой отражение истории Англии почти за целое столетие³. Перу Рассела принадлежит около 60 книг, как научных, так и научно-популярных.

Выдающийся ученый и публицист XX в. «писал по вопросам философии, математики, социальной истории, экономики, психологии, морали, образования, истории мысли, брака, секса и международной политики»,

а также по проблемам логики⁴. Своеобразным ключом к пониманию характера Рассела и проявлению у него многогранных научных интересов и разносторонней общественной деятельности могут служить его собственные слова. «Три страсти, простые, но необычайно сильные, — говорил он, — управляли моей жизнью: жажда любви, поиски знаний и нестерпимая жалость к страданиям человечества»⁵.

Старинный род Расселов, выходящем из которого был Бертран, принадлежал к феодальной знати и известен с XVI века. Основы его родового богатства были заложены гораздо раньше. Историки сообщают, что Расселы «владели обширными владениями со времен Чосера» (т. е. с конца XIV в.). С XVII в. один из отпрысков этого рода носил титул герцогов Бедфордов, еще раньше Расселы как крупные феодалы обладали титулом графов⁶.

Бертран Рассел родился в имени родителей в Равенскрофте (графство Монмутшир) 18 мая 1872 года. Его мать скончалась, когда Бертрану исполнилось два года. В 4-х летнем возрасте его постигло новое горе — смерть отца. «...Решением Верховного суда мы (Бертран и его старший брат. — В. З.) были отданы на попечение бабушки и деда. Мой дед, известный государственный деятель, умер в 1878 году⁷, и вопрос о том, как меня воспитывать, решила его вдова», — вспоминал позднее Б. Рассел⁸. И хотя, непосредственной опекушкой была бабушка, в автобиографии Бертран непременно подчеркивал свою принадлежность к семье знаменитого деда.

О заслугах его деда Джона Рассела перед Великобританией и сегодня можно узнать, побывав в Вестминстерском аббатстве — усыпальнице английских королей, государственных деятелей, знаменитых людей страны. Его бюст находится там в «компании» таких великих англичан, как И. Ньютон, Ч. Дарвин, Ч. Диккенс и многие другие. Автор книги о Б. Расселе английский философ и публицист Д. Льюис считает, что его дед лорд Джон Рассел был великим либеральным премьер-министром, который выступал за радикальные реформы во многих сферах деятельности правительства⁹.

В раннем детстве Бертрану довелось слушать рассказы дедушки о встречах с пленным Наполеоном. А в юности Бертран встречался с У. Гладстоном, преемником деда на посту премьера. Приходилось ему общаться и с поэтом, лордом А. Теннисоном — соседом Расселов. Хотя, по словам самого Б. Рассела, его детство прошло в одиночестве. Он объяснял это двумя обстоятельствами. Во-первых, его брат Фрэнк был на семь лет старше, а во-вторых, в школу Бертрана не отдали. И тем не менее, в своей «Автобиографии» он рассказал как в возрасте 11 лет начал интересоваться философией... в объеме всего академического курса. Тогда же он проявил интерес к математике. Его старший брат в ту пору изучал в школе математику Евклида, он давал первые уроки по этому предмету Бертрану. И именно для него математика стала ближе, чем для Фрэнка. Что касается изучения Бертраном философии, то, по сути дела, «выбор» за него был сделан еще с пеленок. Его отец, виконт Эмберли по научным взглядам был рационалистом и он определил Джона Стюарта Милля, философа и общественного деятеля в качестве «крестного отца» своего сына. Между тем, с помощью гувернанток и домашних учителей Бертран получил прекрасное образование, овладел несколькими языками, в том

числе немецким и французским. И сам он много читал. В полном его распоряжении была библиотека деда — «удивительное собрание книг»¹⁰.

Несмотря на строгие семейные традиции и воспитание в духе морали викторианской эпохи, юного Бертрана не тяготили религиозные каноны. После смерти бабушки он оставался «на попечении атеистов». Его дед и бабушка никоим образом не настаивали, чтобы их внук посвятил себя религиозному образованию. Как вспоминал Рассел, в их семье «не было проповеди вечного наказания и веры в буквальную истинность Библии... Приблизительно в 14 лет мои мысли обратились к теологии. В последующие четыре года я последовательно отверг свободу воли, бессмертия и веру в бога». По-видимому, именно в юношеские годы у Бертрана появились первые проблески атеистического мышления. Хотя до 18 лет он продолжал верить в бога действ, т. е. в существование мирового разума¹¹.

В оценке отношения Рассела к религии многие исследователи сходятся на том, что он был атеистом, правда, с оговорками. В 1948 г. Рассел в диспуте с отцом — иезуитом Ф. Коплстоном на вопрос собеседника: «Скажите, Ваша позиция — это агностицизм или атеизм?», ответил: «Моя позиция — это позиция агностика»¹². Между тем Рассел имел четкое философское кредо атеиста: «Мы не верим в б-о-г-а, но мы верим в превосходство человечества. Мы не верим в загробную жизнь, но мы верим в бессмертие через добрые дела»¹³. Так или иначе он называл себя свободомыслящим, агностиком или атеистом, всегда был последовательным в осуждении лицемерия в устах ортодоксов. Радикальные исследователи его взглядов на сей счет считают, что атеизм Рассела, каким бы воинствующим он ни был, представляет собой всего лишь критику религии, ее явных недочетов и вопиющих противоречий¹⁴.

В 1889 г. Бертран поступил в Тринити-Колледж Кембриджского университета. В этом ему способствовал экзаменатор, молодой математик Альфред Норт Уайтхед, убедившийся в одаренности 17-летнего абитуриента. Поступив в университет, Бертран изучал математику, философию, а также с увлечением постигал логику. Что касается изучения философии, то от «большой части того, чему он научился в Кембридже, ему пришлось отказаться». Знания, полученные в одиночестве старой библиотеки, оказались более надежными»¹⁵, — вспоминал Рассел.

Атмосфера в Кембридже была весьма своеобразной, но в целом благоприятной для юного Рассела. В годы студенчества его воодушевляло то, что в стенах этого, одного из старейших, университетов в свое время учились Ч. Дарвин и И. Ньютон. В университете Рассел увлекся философией Гегеля и его английского эпигона Ф. Брэдли, затем учением древнегреческого философа-идеалиста и математика Платона. На формирование философских взглядов Рассела большое влияние оказал Г. Лейбниц — немецкий философ, математик и физик. В итоге, ему удалось издать книгу на эту тему¹⁶.

В 1894 г. Рассел окончил университет и был зачислен на дипломатическую службу. Он отправился в Париж в качестве атташе британского посольства во Франции, но вскоре оставил эту службу и занялся изучением социал-демократического движения в Германии. С этой целью в 1895 г. Рассел дважды посетил Берлин. Поездки туда он использовал для краткосрочной учебы в Берлинском университете. В результате Рассел подготовил свой первый труд по социально-историческим проблемам немецкой социал-

демократии¹⁷. Вскоре он защищает диссертацию в Кембридже избирается членом ученого совета Тринити-Колледжа. Характерно, что в диссертации, на основе которой была издана книга «Опыты обоснования геометрии» (1897 г.), автор впервые критикует гегельянство¹⁸. Так обе научных дисциплины, которые Рассел изучал в университете, тесно сплелись в его первом научном труде по проблемам математики. Но все-таки математика вкуче с математической логикой взяли перевес в научных привязанностях молодого ученого. Рассел отдавал тогда предпочтение математике и логике, которые, по его мнению, являлись исключительно продуктом разума, не зависящего от чувств человека.

В июле 1900 г. вместе со своим наставником и другом, философом и математиком А. Н. Уайтхедом Рассел принял участие в Международном конгрессе математиков в Париже. Там он познакомился с итальянским ученым Дж. Пеано, выступление которого произвело на Рассела сильное впечатление, особенно убедительность его логики («аксиоматика Пеано»). Опираясь на труды Дж. Пеано и его школы, а также и других представителей математической логики: Дж. Буля (Англия), Э. Шредера (Германия) Рассел приступил к созданию крупного исследования по логическому обоснованию математики — «Принципов математики»¹⁹. В итоге своих исследований в сентябре 1900 г. Рассел сформулировал основной постулат: арифметика может быть получена из одних аксиом логики. Это заключение стало главным в развитии им дедуктивно-аксиоматического построения логики (известно под названием «логицизма»). Оно легло в основу логического обоснования математики. Спустя много лет Рассел в «Автобиографии» так оценил свой вклад в развитие математической логики: «В интеллектуальном плане сентябрь 1900 г. является высшей точкой в моей жизни»²⁰.

Научный успех, достигнутый на рубеже двух веков, молодой ученый использовал как фундамент для продолжения и углубления исследований в том же направлении. В частности, он открыл одну из наиболее известных антиномий (противоречий) логики и теории множеств, получившей наименование «парадокса Рассела». С помощью так называемой теории типов он нашел ряд способов преодоления этого противоречия. Обоснование данной теории изложено в трехтомном труде «Principia Mathematica», подготовленном Расселом совместно с доктором А. Н. Уайтхедом. Четыре года жизни (1907—1910 гг.) отдал Рассел этому фундаментальному труду, работая по 10—12 часов в сутки. Окончательный текст научного трактата он «шлифовал» один, так как соавтор был занят преподавательской работой. Рукопись получилась настолько огромной, что для ее перевозки пришлось нанять кэб, запряженный четверкой лошадей.

Уникальный труд, в котором Рассел изложил фундаментальные логические концепции и принципы математики, стал «поворотным пунктом» в его научной биографии и заполнил определенную нишу в развитии науки. Успешное завершение столь важного труда вдохновило автора на новые, более широкие поиски в смежных областях науки, в частности, на философском поприще. Используя базовую методологию своего трехтомного труда, Рассел сосредоточил усилия на разработке ряда проблем философии. По мнению автора книги о Б. Расселе Д. Белла в работах по математике и философии, написанных между 1895 и 1918 гг., Рассел завершил интеллектуальную революцию в формальных науках, имевшую место в XIX в.

и в значительной мере определил направление философского мышления первой половины XX века²². В этот период в университетских и научных кругах растет популярность молодого талантливого ученого. Его научный авторитет способствовал тому, что в 1908 г. имя Рассела появилось в ряду членов королевского общества содействий успехам естествознания. Через три года он избирается президентом Аристотелевского общества. Почти тогда же (1910 г.) Рассел приглашен преподавать в Кембриджском университете. Наступил новый этап в жизни и деятельности молодого ученого — глубокое увлечение философией.

Философские исследования принесли Расселу признание в качестве основоположника двух направлений в философии — неореализма и неопозитивизма. За неполных 20 лет им было подготовлено и опубликовано значительное число крупных работ, затрагивающих различные проблемы философии²³. В 1938—1944 гг. Рассел находился на преподавательской работе в США, где получил место профессора философии Гарвардского университета²⁴. Однако, серьезная нагрузка, которую он имел, будучи профессором, не помешала его исследованиям в области философии и смежных наук. Начиная со второй половины 40-х гг. Рассел опубликовал целый ряд фундаментальных философских монографий, в том числе и многотомных, которые принесли ему всемирную известность: «История западной философии», «Человеческое познание. Его сферы и границы»; увидела свет также его научная биография «Философия. Развитие моего мышления». В 1969 г. было завершено издание трехтомной «Автобиографии Бертрانا Рассела»²⁵.

Аналитический склад ума, блестящая способность к абстрактному мышлению и неустанное самосовершенствование в ходе научных поисков поставили Рассела вровень с выдающимися учеными XX века не только Англии, но и мира. Здесь уместно привести слова Д. Белла, отметившего еще одну существенную деталь научных успехов видного ученого. Он писал, что Рассел «разделял веру в способность разума преодолеть свою собственную ограниченность посредством терпеливой и тщательной работы»²⁶.

Философские и социальные произведения Рассела вызывали однако разноречивые отклики как на его родине, так и за рубежом. Так, Д. Неру был не согласен с Расселом, отрицавшим единство природы, а английский философ Д. Льюис в 1949 г. подверг резкой критике цикл радиолекций Рассела «Власть и личность» (тогда же она была издана отдельной книгой: Russell Bertrand. Authority and the Individual. Lnd. 1949)²⁷ за пессимизм и непоследовательность его идей, за философский нигилизм и радикальный скептицизм, за проповедь механистического и ультраиндивидуалистического взгляда на общество. В течение многих лет, — писал Льюис, — скептицизм Рассела, его чуждая условиям общества мораль, резкие нападки на христианство и пацифизм характеризовали его как человека, которого следует скорее опасаться как антисоциальной силы, чем превозносить как столп буржуазного общества. Пользуясь терминологией лекций Рассела «Власть и личность» — писал Льюис — нельзя не сказать о чувстве «величайшего одиночества» и отсутствии социальной поддержки, об ощущении беспомощности и страха, испытываемого в обществе. В обществе, состоящем из враждебных друг другу личностей, где каждый человек является врагом другого, что порождало, считал маститый ученый, нервное состояние интеллектуальной неуверенности и «подсознательного чувства

сомнения». Все это являлось весьма характерным для расселовского мышления того периода. Именно в этих признаках мышления Рассела Льюис нашел удачную, по его мнению, характеристику его философского нигилизма и радикального скептицизма ²⁸.

Критиковал воззрения Рассела и его книгу «История западной философии» также другой английский философ М. Корнфорт ²⁹. Интересна оценка философии Рассела со стороны доктора теологии, настоятеля Кентерберийского собора Х. Джонсона. Джонсон писал в 1956 году: «Единственная вещь, в которой мы можем быть вполне уверены — говорит один из наших виднейших философов-идеалистов Бертран Рассел, — это наши ощущения. Разумный человек, — говорит он, — мог бы усомниться в существовании материального мира, как источника своих ощущений, но не в самих ощущениях. При всем том, однако, когда Бертран Рассел выходит из своего кабинета, ему приходится вести себя так, как если бы мир реально существовал» ³⁰. Между тем отношение Рассела к идеализму, его различным течениям с годами менялось. В «Проблемах философии» (1912 г.) он, отвергая абсолютный идеализм, писал, что в то время идеализм и солипсизм (крайняя форма субъективного идеализма. — В. З.) были его логическими убеждениями ³¹. По мере углубления научных исследований Рассел эволюционировал от объективного идеализма к субъективному. И тем не менее, его философские взгляды нельзя уложить в прокрустово ложе какого-либо одного направления.

Широкую известность Расселу принесло не только его научное и литературное творчество. Росту популярности и авторитета ученого во многом способствовала его активная преподавательская и лекторская деятельность, умение привлечь внимание аудитории к излагаемым мыслям, сделать доходчивыми самые сложные концепции и новации ³².

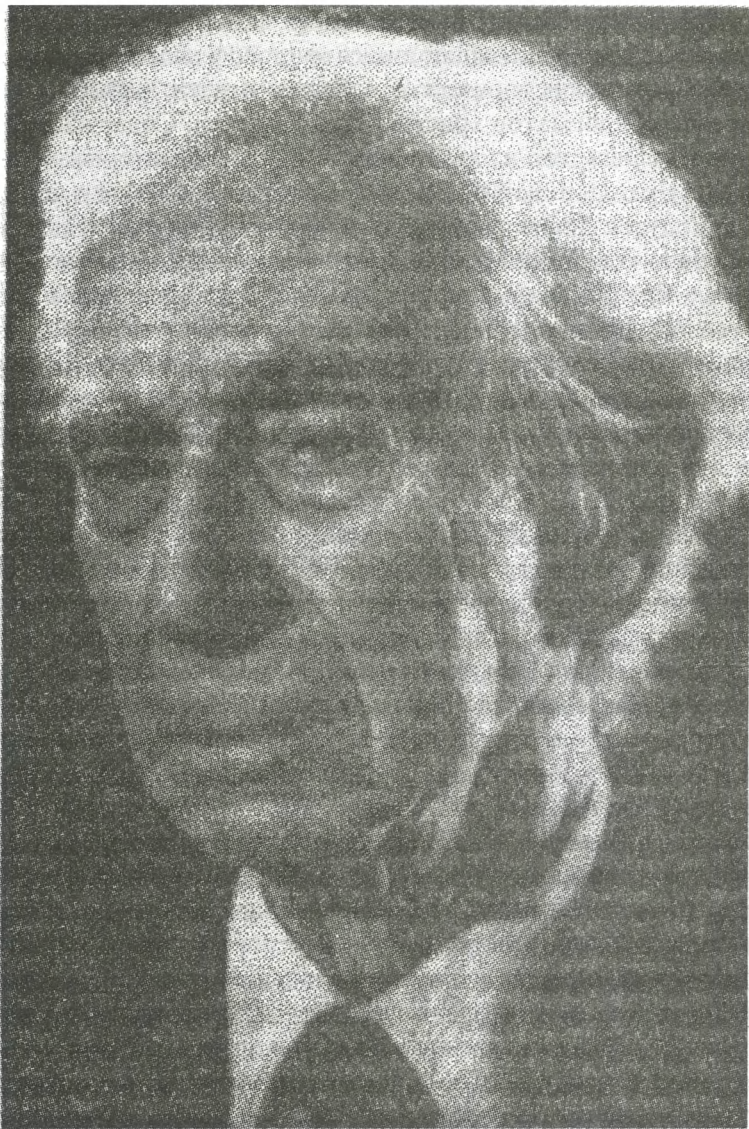
На мировоззрение Рассела серьезное влияние оказала первая мировая война, которая содействовала увлечению молодого ученого общественно-политической деятельностью. В 1914 г. с помощью Социалистического общества в колледже Баллиол Оксфордского университета студенты организовали дискуссию о причинах первой мировой войны между молодым ученым Расселом и преподавателем философии А. Д. Линдсеем. В ходе дискуссии Рассел осудил дипломатию стран Антанты, союз с царским правительством России, раздел Персии и т. д. Его оппонент фактически потерпел фиаско. Вскоре после этого научного спора Рассел был арестован и освобожден от работы преподавателя в Кембридже. Инцидент увеличил популярность Рассела в среде студентов. В их глазах лишь он не запятнал себя позором оправдания мировой войны, которым покрыли себя другие преподаватели ³³.

В годы первой мировой войны Рассел вступил в лейбористскую партию. Что касается отношения к правительствам стран, начавшим эту международную бойню, то он сразу занял пацифистскую позицию. Но как отмечал сам Рассел в статье «Война и мир в моей жизни», он никогда не был абсолютным пацифистом ³⁴. Не разделяя пацифистской идеологии, он готовил тексты антивоенных листовок, с пламенными речами обращался к согражданам на митингах и собраниях, выступал против продолжения войны, против введения воинской повинности. После трех лет пребывания в рядах пацифистов, Рассел отошел от движения. Однако, за участие в антивоенных акциях он подвергался репрессиям. Так, за написанную им

листовку, в которой защищалось право на отказ от военной службы по моральным мотивам, он был оштрафован на крупную (по тем временам) сумму — 100 ф. ст. В уплату штрафа полиция конфисковала его библиотеку. Правда, один из друзей Рассела помог ее выкупить. К сожалению, многие книги бесследно исчезли. Этим не завершилась антивоенная «эпопея» Рассела. Вскоре военные власти запретили ему чтение курса публичных лекций и отказали в выдаче паспорта для поездки в США, куда он был приглашен для преподавания в Гарвардский университет. А в 1918 г. суд приговорил ученого — бунтовщика за антивоенную статью в одном из британских журналов к шестимесячному тюремному заключению. Статья содержала резкую критику военной политики стран Антанты. Рассела привлекли к суду, по существу, под надуманным предлогом — по обвинению в оскорблении США как союзника Британии³⁵. Шовинисты, напешдые поддержку у властей, организовали травлю молодого ученого в прессе. Газеты тогда дошли до того, что объявили его немецким шпионом.

Находясь в Брикстонской тюрьме, Рассел добился разрешения иметь перо, чернила, бумагу и собственные книги. И он снова принялся за научную работу³⁶. После выхода на свободу в 1920 г. друзья ученого собрали по подписке средства, на которые в Лондоне был организован цикл лекций Рассела³⁷. Период первой мировой войны высветил новые грани его таланта как мыслителя и гуманиста. Нельзя не согласиться с Д. Беллом, который писал: «Личность Рассела отмечена не только огромной интеллектуальной энергией, но также силой страсти и глубиной чувства по отношению к любому человеческому страданию». Видимо, Д. Белл прав и в том, что «моральные и социальные взгляды Рассела» во многом объясняются его темпераментом, воспитанием и т. д.³⁸. Разумеется, и его образованием, и научной позицией, и его жизнелюбием и оптимизмом.

Весной 1920 г. в составе первой лейбористской делегации Рассел отправился в Россию по приглашению ее правительства. Он находился здесь с 19 мая по 16 июня, побывал в Москве и в Петрограде, читал лекции в математическом обществе, посетил Нижний Новгород, Казань, Самару, Саратов. Рассел был принят главой советского правительства, беседа с которым продолжалась более часа. Гость вручил В. И. Ленину свои книги «Путь к свободе» и «Основы социальной реконструкции» с дарственной надписью. Рассел встречался также с М. Горьким и А. Блоком. По итогам поездки Рассел написал книгу. Она представляет собой осмысление всего увиденного в России. Правы те биографы известного ученого, которые отметили, что британский философ-аристократ не принял ни теорию, ни практику социальной революции в России. Вместе с тем, нельзя не заметить и его собственной, оригинальной оценки, данной в связи с событиями в России 1917 г. и последующих лет в упомянутой книге. «Русская революция, — утверждал он, — одно из важнейших и героических событий в мировой истории. Сравнить ее с французской — побуждение естественное, но в действительности она превзошла последнюю по значению. Она меняет не только каждодневную жизнь и структуру общества; она также меняет убеждения людей...»³⁹. Столь высокая оценка Расселом, признанным представителем западной философии и видным деятелем мировой культуры революции в России, не совпадала ни с мнением британского истеблишмента, ни с большинством оценок научных кругов Запада. В 1924 г. Рассел и другие представители британской интеллигенции организовали Общество

культурной связи между Великобританией и Советским Союзом. Члены общества читали лекции и выступали с докладами по проблемам науки, образования, экономики, здравоохранения, искусства в СССР. Рассел активно сотрудничал в рамках общества с такими знаменитыми англичанами, как писатели Б. Шоу, Г. Уэллс, экономист Д. Кейнс, видный идеолог тред-юнионизма Беатриса Вебб, лейбористский лидер, социолог Г. Ласки, специалист по вопросам разоружения Н. Бейкер и др.⁴⁰

Серьезным испытанием, своего рода проверкой мировоззренческих взглядов Рассела стала вторая мировая война. С самого начала он честно и недвусмысленно определил свое отношение к ней. В 1940 г. Рассел заявил: «Гитлер разбойник, и если бы я был молодым, то тоже сражался бы на фронте»⁴¹. В годы второй мировой войны Рассел находился в США. Он читал лекции, главным образом, в студенческих аудиториях и одновременно завершал подготовку фундаментальной монографии «История западной философии». Эта книга Рассела была издана в США в 1945 г., в Англии в 1948 г., переведена на русский язык и издана в СССР в 1959 г., а также

издана во многих других странах. Автор монографии предстал перед читателями не только как выдающийся философ, но и историк религии, изложивший основные исторические события и идеи, касающиеся возникновения и развития догматов христианства и церкви. Содержание «Истории западной философии», тон изложения исторического материала, анализируемого Расселом, стали новой наглядной иллюстрацией его гуманизма и атеизма. 20 лет спустя после выхода в свет этого фундаментального труда Д. Льюис писал, что Рассел всегда был настроен против власти, условностей, вещизма, претенциозных метафизических мистификаций и теологического обмана⁴². Монография убедительно показала, что Рассел обладал феноменальной широтой научного кругозора и живейшим интересом ко многим отраслям знаний. Но не забудем, что данное исследование задумано и написано автором именно как история философии. Позднее Рассел писал, что воображение философа «должно быть оплодотворено научным мировоззрением». По его мнению философ «должен чувствовать, что наука дает нам новый мир, новые понятия и новые методы, ранее неизвестные, но доказавшие опытом свою плодотворность». И здесь же он дал определение важнейшей стороны философской науки, сказал о ее неотделимости от человеческой практики и жизни в целом. «Философия» — полагал он, — которая хочет иметь хоть какую-то ценность, должна строиться на обширном и прочном фундаменте знания, не являющимся специфически философским. Такое знание — это почва, из которой древо философии черпает свою силу... Философия не может быть плодотворной, если она не идет рука об руку с эмпирическими науками»⁴³.

В сложные годы после второй мировой войны общественно-политические и некоторые научные взгляды Рассела под влиянием различных факторов претерпели существенные изменения. Амплитуда колебаний его воззрений по отдельным важнейшим вопросам современности бывала весьма большой, а его позиция явно непоследовательной и противоречивой. К примеру, в 1947 г., в речи в бельгийском институте международных отношений, выражая полную поддержку странам Запада в использовании американской монополии на ядерное оружие, он предложил предъявить нашей стране ультиматум и потребовать принять условия западных держав потому, что якобы Россия угрожает миру во всем мире. В другом месте он заявил: «Мы должны... начать войну против России, пока она не владеет атомной бомбой...»⁴⁴, то есть стал адвокатом ядерной войны против СССР. Рассел уверял своих читателей, что победоносная война против России принесла бы возрождение надежд, оптимизма и творческих возможностей, величайшую эволюцию душевных сил человека, что привело бы к новым достижениям в искусстве, науке и политике, а также в устройстве человеческого образа жизни. Такие высказывания философа-пацифиста в конце 40-х гг. выглядели по меньшей мере странно. Даже газета «The Times», отражающая мнение и взгляды истеблишмента, негативно отреагировала на эти расселовские высказывания. «Характер его доводов таков, — писала газета, — что они могут довести здравомыслящих людей до взаимного убийства...»⁴⁵.

Столь реакционные взгляды Рассела вызвали критическую реакцию в Англии со стороны общественности и ученых левой ориентации. В СССР взгляды Рассела также подверглись резкому осуждению. М. Баскин, например, назвал его поджигателем войны⁴⁶.

Новые взгляды Рассела, объективно ставшие поддержкой политики правительства Англии и США, не остались незамеченными истеблишментом. В 1949 г. он был удостоен высшей государственной награды — ордена «За заслуги»⁴⁷.

Однако, уже к середине 50-х гг. Рассел, как ученый и гуманист, пришел к мысли, что создание в мире все новых видов термоядерного оружия и средств их доставки вело человечество к катастрофе. Он понял и другое, о чем позже написал в «Автобиографии». «...Постепенно я все более стал приходить к заключению, что опасность атомной войны исходит скорее от Соединенных Штатов нежели от Советской России»⁴⁸. Оценку позиции Рассела в связи с этим дал Дж. Олдридж: «В восьмидесятилетнем возрасте он не только сумел отказаться от прежней точки зрения, но и отстаивает свою новую, разумную и передовую позицию с энергией и мужеством юности»⁴⁹. Разумеется, на отношение Рассела к данной проблеме не могла не повлиять и открытая, честная позиция Советского Союза. Руководство СССР заявило тогда, что выступает за запрещение атомного оружия и за прекращение его производства, а также за установление международного контроля за проведением этих мер в жизнь.

С начала 1955 г. Рассел энергично включился в борьбу за активизацию общественного мнения страны и мира против планов третьей мировой войны, которую он считал безумием. К решению публично выступить с решительным протестом против агрессивных планов, вынашиваемых некоторыми политиками Запада, его подтолкнуло письмо Ф. Жолио-Кюри, известного ученого физика, президента Всемирной Федерации научных работников. «Угрожающая человечеству опасность так велика,— писал Жолио-Кюри 31 января 1955 г.,— что я считаю настоятельно необходимым, чтобы деятели науки объединились для подготовки совместного объективного заявления на эту тему». Рассел поддержал идею французского коллеги⁵⁰. Итогом переписки двух крупнейших ученых XX в. стал известный манифест Рассела — Эйнштейна — совместное заявление западных деятелей науки ряда стран мира, обнародованный в июле 1955 года. Инициатива принятия этого документа исходила от Рассела⁵¹. Его подписали Эйнштейн, Жолио-Кюри, Рассел и еще семь ученых — лауреатов Нобелевской премии. Они заявили, что выступают не как представители той или иной нации, континента, или вероучения, а как представители рода человеческого, над существованием которого нависла угроза. Они обратились к ученым мира, чтобы объединить усилия для предотвращения этой угрозы. Итак, примерно за пять лет в общественно-политических взглядах Рассела произошел поворот на 180 градусов — от «поджигателя войны» до активнейшего поборника мира. С тех пор он становится признанным и популярным лидером английского и всемирного антивоенного движения. И всю оставшуюся жизнь он находился в эпицентре этого массового демократического движения. 15 последних лет долгого жизненного пути Рассела стали самым насыщенным периодом его общественной деятельности.

Через два года, в июле 1957 г., состоялась первая встреча ученых мира, поддержавших идеи манифеста Рассела — Эйнштейна. Она проходила при активном участии американского бизнесмена и общественного деятеля С. Итона в Пагуоше (Канада). Так родилось Пагуошское общественное движение ученых за мир, разоружение, международную безопасность и научное сотрудничество. Первым председателем постоянного

комитета Движения был избран Рассел⁵². В декабре 1957 г. Рассел предложил создать массовую национальную миротворческую организацию. На квартире редактора политико-литературного еженедельника «New Statesman» К. Мартина собралась группа сторонников прекращения испытаний ядерного оружия — Рассел, писатель Дж. Пристли, некоторые деятели лейбористской партии, люди различных политических взглядов. Они объединились вокруг Рассела и положили начало «Движению за ядерное разоружение» (ДЯР). Организационное оформление нового объединения произошло в январе — феврале 1958 года. Президентом Движения стал Рассел, председателем исполкома — каноник лондонского собора св. Павла Дж. Коллинз. Примерно тогда же возник «Комитет прямых действий против ядерной войны» во главе с М. Рэндлом. В него вошли и лидеры ДЯР: Рассел и др.⁵³

В ДЯР входили представители разных слоев интеллигенции, студенчество, молодые люди из числа рабочих и служащих, наиболее активная часть рабочего класса, в том числе профактив ряда крупных тред-юнионов. По данным, приведенным Коллинзом, в конце 50-х гг. цели ДЯР разделяли 20% англичан и около 50% сочувствовали Движению.

Одной из наиболее популярных акций ДЯР стали ежегодные походы борцов за мир, проводимые в дни пасхальных каникул и отпусков. Такие походы, известные как Олдермастонские, обычно начинались от центра ядерных исследований и завершались в Лондоне. В первом таком походе (апрель 1958 г.) принял участие и президент ДЯР, 86-летний Рассел. Незыблемым требованием участников походов, как и всех «членов» ДЯР, было: отказ британского правительства от атомной и водородной бомбы, немедленный созыв совещания руководителей ядерных держав. С каждым походом в состав его участников вливались все новые люди, походы (марши) становились более массовыми. Так, весной 1962 г. около 90% участников Олдермастонского марша составили юноши и девушки — студенты, молодые учителя и т. п. И в этом была немалая заслуга Рассела. Он всячески поддерживал стремление молодежи к миру, к прогрессу. В январе 1962 г. Рассел спонсировал национальную конференцию «Молодежь за мир», в марте обратился с приветствием к ее делегатам⁵⁴.

Рассел и его коллеги по ДЯР использовали и другие методы влияния на правительство и проводили иные акции более широкого масштаба. В мае 1958 г. руководство ДЯР обратилось к главе правительства Г. Макмиллану от имени 680 видных британских ученых с письменным требованием о прекращении испытаний ядерного оружия. В сопроводительном письме Рассел заявил, что считает недопустимым продолжение ядерных испытаний Англией. По инициативе Рассела, Коллинза, Пристли в январе 1959 г. в Лондоне был созван Европейский конгресс за ядерное разоружение. На нем была создана Европейская федерация против ядерного вооружения. В ее состав, кроме ДЯР, вошли сторонники ядерного разоружения из ФРГ, Франции, Италии и ряда других стран⁵⁵.

К концу 1960 г. активисты ДЯР стали более активно применять такие формы борьбы, как блокирование военных объектов, стачки и др. Иницируя более острый характер проводимых акций, Рассел выдвинул лозунг «гражданского неповиновения»⁵⁶. В то время не все с ним были согласны. Умеренных позиций придерживался председатель исполкома ДЯР Коллинз. 24 октября 1960 г. Рассел оставил пост президента ДЯР, заявив, однако, что

будет делать все необходимое для поддержки Движения. Сторонники более жестких методов борьбы за ядерное разоружение в начале 1961 г. образовали новое объединение — «Комитет 100» во главе с Расселом. «Комитет 100» оставался в составе ДЯР. «Комитет 100» в 1961—1962 гг. проводил кампанию «гражданского неповиновения». Британские власти подвергали борцов за мир арестам и даже отправляли за тюремную решетку.

60-е годы — последнее десятилетие в жизни Рассела — было наполнено сложными коллизиями и весьма острыми событиями в мире. Осенью 1962 г. Рассел резко критиковал антикубинскую политику США. Рассматривая отношения между Востоком и Западом Рассел выступал за укрепление мира на основе политики мирного сосуществования всех стран и народов. В октябре 1962 г., когда мир оказался перед угрозой ядерной войны, Рассел заявил, что «термоядерное оружие сделало очевидным то, что ни коммунизм, ни капитализм не могут достичь своих целей посредством войны...». В 1963 г. он писал: «по этому важному вопросу все друзья мира и все те, кто действительно желает возрождения человеческого рода, должны объединиться с Хрущевым»⁵⁷.

Критикуя лейбористское правительство за поддержку войны США против Вьетнама, 93-летний Рассел на митинге «Молодежного движения за ядерное разоружение» 14 октября 1965 г. на глазах у всех порвал билет члена лейбористской партии, в которой он состоял 51 год.

Борьба за мир не мешала Расселу заниматься научно-публицистической работой. В книге «Есть ли у человека будущее?» (1961 г.) Рассел изложил свои философские и гуманистические взгляды на судьбы человечества. В ней нашла отражение концепция автора о путях решения насущных международных проблем и прежде всего проблемы упрочения мира во всем мире. Как ученый, Рассел обстоятельно рассмотрел не только вопрос уничтожения ядерного оружия, но и проблему полного разоружения: «Всеобщее разоружение, чрезвычайно важное и желательное само по себе, не обеспечивает еще прочного мира, так как до тех пор, пока продолжается развитие техники, основанное на прогрессе науки, существует опасность, что всякая большая война, которая может возникнуть, вызовет расширение производства обеими сторонами ядерного и другого, еще более смертоносного оружия». И тем не менее Рассел считал, что всеобщее разоружение необходимо. «...Новым фактором, связанным с современным оружием, — полагал он, — является не аморальность, а абсолютная беспорность того, что война приведет к поражению обеих сторон»⁵⁸.

В 60-е годы Рассел продолжал активно участвовать в антивоенном движении. Во второй половине 60-х годов влияние «Комитета 100» упало, а в 1968 г. он прекратил свое существование. В руководстве «Комитета 100», впрочем как и в ДЯР, возникли острые споры, разногласия по поводу тактики работы, что снижало их влияние на массы⁵⁹. Между тем, сам Рассел продолжал антивоенную борьбу, участвовал в создании новых организаций, занимавшихся миротворческой деятельностью. Весной 1964 г. в стране действовали два новых объединения такого рода: «Атлантический фонд мира» и «Фонд мира имени Бертрана Рассела». Основное внимание Рассела и созданных им организаций по-прежнему было сосредоточено на организации выступлений сторонников мира в Англии за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, против поддержки ее британским правительством. Олдридж писал, что Рассел в 90 лет «занял в общественной

жизни Англии положение, которое обеспечит ему длительную память — и при том прекрасную. Люди не забудут его энергичные кампании против ядерного вооружения и в защиту Вьетнама»⁶⁰.

Чтобы полнее отразить миротворческую деятельность Рассела во главе национальных и международных организаций, выступающих против агрессии США во Вьетнаме, необходимо осветить еще одну сторону этой борьбы. Многие молодежные организации Англии уже в 1965 г. вели активную борьбу за прекращение агрессии США во Вьетнаме и изменение позиции британского правительства по этому вопросу. Примечательно, что молодежь Англии доверяла Расселу, как почти никому другому, ибо их кумир — «великий англичанин» — осмыслил то, что мучительно хотели они понять сами. Молодежи импонировала также его постоянная готовность участвовать в молодежных демонстрациях.

Между тем, росли антивоенные настроения среди самых широких кругов англичан. Рассел, учитывая эти настроения, выступил с заявлением, в котором резко осудил военщину США за совершенные во Вьетнаме преступления, в том числе осудил варварские бомбардировки авиацией США районов Ханоя и Хайфона (ДРВ). Примерно тогда же, Рассел обратился с телеграммой к главе правительства СССР А. Н. Косыгину. «Вьетнамцы, — писал ученый, — имеют полное право судить летчиков, повинных в варварских налетах, а так же тех, кто несет ответственность за их преступления». Он сообщил, что во всем мире раздаются требования о создании суда для расследования военных преступлений США во Вьетнаме⁶¹.

Найдя широкую поддержку почти во всем мире, включая и нашу страну, Рассел вместе с французским философом и писателем Ж. П. Сартром создали общественный «Трибунал по военным преступлениям во Вьетнаме». Его цель — расследование, осуждение названных преступлений и предание суду конкретных лиц, виновных в уничтожении тысяч мирных жителей Вьетнама и в нанесении огромного материального ущерба этой стране. От имени трибунала Рассел вскоре направил письмо президенту США Л. Джонсону. В письме сообщалось, что Джонсону предлагается выступить в свою защиту перед неофициальным международным трибуналом, который планировался в Париже. Трибунал должен был определить является ли поведение администрации США в войне во Вьетнаме преступлением против человечности. В работе трибунала дали согласие участвовать многие известные общественные деятели ряда стран. 30 сентября 1966 г. газета «The Daily Telegraph» опубликовала письмо Рассела в связи с заседанием международного трибунала по рассмотрению военных преступлений США во Вьетнаме. Рассел заявил, что Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама ведет борьбу «против оккупационной державы, использующей ядовитые газы, отравляющие химические вещества и напалм и бесконечно подвергающей бомбардировке небольшую страну». Двумя месяцами позже Рассел подробно ознакомил международную общественность с деятельностью общественного трибунала по рассмотрению преступлений США на вьетнамской земле, рассказал о его задачах. Его рассказ в форме письма опубликовала югославская газета «Политика-экспресс». Рассел сравнил характер работы международного общественного суда с Нюрнбергским процессом над главными гитлеровскими преступниками, отметив при этом, что задача трибунала сложнее, ибо его организаторы не могут

силой заставить виновников преступлений предстать перед судом. «...Мы поможем человечеству понять, каким образом этот небольшой народ более 12 лет отражает нападение крупнейшей промышленной державы мира. Мы должны раскрыть истину о Вьетнаме», — писал Рассел. При этом он выразил чувства глубокого уважения к вьетнамскому народу. По сообщениям британской прессы 29 декабря 1966 г. международный трибунал во главе с Расселом объявил, что во Вьетнам направлена миссия для расследования и сбора сведений о бомбардировке авиацией США населенных пунктов, в особенности школ и больниц ⁶².

Обширный документальный материал, собранный Расселом и миссиями международного трибунала, посетившими Вьетнам, стал основой его новой книги о военных преступлениях США в этой стране ⁶³.

22 апреля 1967 г. в Лондоне состоялась Национальная конференция молодежи, организованная Движением солидарности с Вьетнамом. В своем выступлении на конференции Рассел осудил американскую агрессию во Вьетнаме, а спустя два месяца, в июне 1967 г. потребовал запретить применение напалма, разрывных пуль дум-дум и газовых камер, которым не должно быть места в цивилизованном обществе. Спустя полгода международный трибунал во главе с Расселом собрался в Копенгагене, чтобы прийти к окончательному заключению о виновности США в военных преступлениях во Вьетнаме. Трибунал нашел виновным американское правительство по всем пунктам обвинений, включая геноцид, использование запрещенного оружия, жестокое обращение и насилие в отношении заключенных, а также убийство их. Американцы были признаны виновными и в агрессии против Лаоса и Камбоджи. Вердикт предыдущего заседания трибунала в Стокгольме был подтвержден: «США виновны в агрессии во Вьетнаме». Общественный суд признал также соучастниками агрессии Японию, Таиланд, Филиппины ⁶⁴.

Своими акциями в поддержку борющегося вьетнамского народа Рассел немало способствовал прекращению войны во Вьетнаме ⁶⁵. Она была завершена около трех лет спустя после кончины Рассела. 29 марта 1973 г. последний американский солдат покинул территорию непокоренного народа Индокитая.

Бертран Рассел умер 3 февраля 1970 г. в своем доме в тихой деревушке Пингриндьюдрэф (графство Мерионетшир, Уэльс), немного не дожив до 98 лет. Он жил здесь с 1945 года в скромном коттедже среди величественных пейзажей и лесистых предгорий Уэльса. За несколько дней до кончины он вместе с супругой наслаждался прогулкой в саду. Находясь на постельном режиме всего одни сутки, Рассел тихо скончался. Похороны согласно его завещания прошли скромно, без каких-либо церемоний. Сотни телеграмм поступили в далекую деревушку в дни траура. Слова соболезнования выразили королева Великобритании Елизавета II и глава правительства Г. Вильсон. Отдал дань памяти и генеральный секретарь ООН У Тан. Премьер-министр Индии Индира Ганди в своем послании назвала лорда Рассела одним из величайших философов и бунтарей в истории. Она сравнила его научные достижения с заслугами Вольтера, снискавшего себе славу философскими творениями двумя веками раньше ⁶⁶.

Бертран Рассел несомненно останется в памяти англичан, всего прогрессивного человечества как активный, неутомимый борец за мир, как один из выдающихся и признанных ученых-философов, математиков

и логиков. Он зарекомендовал себя достойным продолжателем таких корифеев науки как Аристотель, Платон, Вольтер, Жан-Жак Руссо, Исаак Ньютон, М. В. Ломоносов и многих других ученых, навсегда вошедших в историю мировой научной мысли.

Примечания

1. Цит. по: МАТВЕЕВ В. А., РЫЖИКОВ В. А. Куда идет Джон Буль. М. 1964, с. 75, 136; см. МАТВЕЕВ В. Голос Бертрана Рассела. — За рубежом, 1962, № 44, с. 7.
2. LEWIS J. Bertrand Russell. Philosopher and Humanist. Lnd. 1968, p. 9, 10, 17; GRITTEN J. Bertrand Russell, Aristocratic Rebel and Individualist. — Morning Star, 4.II.1970.
3. См.: WOOD A. Bertrand Russell. The Passionate Sceptic. N.-Y. 1958; AIKEN L. Bertrand Russell's Philosophy of Morals. N.-Y. 1963; CRAWSHAY-WILLIAMS R. Russell remembered. Lnd. 1970; BELL D. Bertrand Russell. Lnd. 1972; CLARK R. W. The Life of Bertrand Russell. Lnd. 1975; LANGHAMMER W. Bertrand Russell. Leipzig. 1983; ЛЬЮИС Д. Бертран Рассел и иллюзия свободы. Сб. общественные деятели Англии в борьбе за передовую идеологию. М. 1954 (далее — Общественные деятели); КОЛЕСНИКОВ А. С. Свободомыслие Бертрана Рассела М. 1978 и др.
4. BELL D. Op. cit., p. 14. См.: RUSSELL B. Mysticism and Logic and other Essays. Lnd. 1918; ejud. Logic and Knowledge. Essays. Lnd. 1956 и др.
5. Цит. по: ОЛДРИДЖ Дж. Любовь, интеллект и политика. — Литературная газета, 29.III.1967.
6. ТРЕВЕЛЬЯН Дж. М. Социальная история Англии. М. 1959, с. 146, 245, 248.
7. Джон Рассел (1792—1878 гг.), младший сын герцога Бедфорда, граф, премьер-министр Великобритании в 1846—1852, 1865—1866 гг., лидер партии вигов.
8. РАССЕЛ БЕРТРАН. Почему я не христианин. М. 1987, с. 212.
9. BANKS J. R. The Penguin Guide to London. Lnd. 1978, p. 481; LEWIS J. Op. cit., p. 10; см. также памфлет «Лорд Джон Рассел» К. Маркса, опубликованный в газете «New York Daily Tribune» в 1855 г. Сб. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Об Англии. М. 1952, с. 378—397; БЛАН Л. Письма об Англии. Т. 1, гл. XIX. Лорд Джон Рассель. СПб. 1866, с. 110—115.
10. МАТВЕЕВ В. Ук. соч., с. 7; РАССЕЛ БЕРТРАН. Ук. соч., с. 212, 215; LEWIS J. Op. cit., p. 10, 16.
11. РАССЕЛ БЕРТРАН. Ук. соч., с. 212—214.
12. См. КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 5; РАССЕЛ БЕРТРАН. Ук. соч., с. 284.
13. Цит. по: CRAWSHAY-WILLIAMS R. Op. cit., p. 143. Еще в статьях «Во что я верю» (1925 г.), «Почему я не христианин» (1927 г.) он писал о соотношении религии и атеизма, о месте религии и науки в истории человечества. См.: РАССЕЛ БЕРТРАН. Ук. соч., с. 65—70, 95—113. Однако, известно, что со временем философские взгляды Рассела претерпели изменения, в том числе и в отношении влияния религии на миропонимание. См. об этом, например: ЛОПЕС-КАРЛОС А. Интеграция против страдания. — Знамя, 1998, № 4, с. 181—182.
14. См. РАССЕЛ БЕРТРАН. Ук. соч., с. 10.
15. Там же, с. 214, 215.
16. КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 8, 33—34; RUSSELL B. Critical Exposition of the Philosophi of Leibniz. Lnd. 1900.
17. РАССЕЛ (Рёссель) Б. Очерки по истории Германской социал-демократической рабочей партии. Шесть лекций. СПб. 1906 (на англ. яз. издана в 1896 г.).
18. LEWIS J. Op. cit., p. 26; КОЛЕСНИКОВ Л. С. Ук. соч., с. 9.
19. RUSSELL B. The Principles of Mathematics. Lnd. 1903. См. об этом: LEWIS J. Op. cit., p. 18; LANDHAMMER W. Op. cit., S. 29—35; КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 10.
20. Цит. по: LANGHAMMER W. Op. cit., S 36.
21. RUSSEL B. (with A. Whitehead). Principia Mathematica. Vol. 1—3. Lnd. 1925—1927. См. об этом: LEWIS J. Op. cit., p. 18—19; LANGHAMMER W. Op. cit., S. 41—48; КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 10—12.
22. BELL D. Op. cit., p. 16—17; См. также: LEWIS J. Op. cit., p. 19.
23. Среди них: The Problems of Philosophy. Lnd. 1912; Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy. Lnd. 1914; Mysticism and Logic and other Essays. Lnd. 1918; Introduction to Mathematical Philosophy. Lnd. 1919; The Analuysis of Mind. Lnd.

- 1921; *The Analysis of Matter*. Lnd. 1927; *An Outline of Philosophy*. Lnd.— N. Y. 1928; *The Scientific Outlook*. Lnd. 1931 Затем появились труды по проблемам образования, а также морали: *On Education, Especially in Early Childhood*. Lnd. 1926; *Marriage and Morals*. Lnd. 1929; *In Praise of Idleness and other Essays*. Lnd. 1935 и др.
24. См.: LANGHAMMER W. Op. cit.
 25. RUSSELL B. *A History of Western Philosophy*. N. Y. 1945; ejusd. *Human Knowledge its Scope and Limits*. Lnd. 1948; ejusd. *My Philosophical Development*. Lnd. 1959; ejusd. *The Autobiography of Bertrand Russell*. Lnd. 1969.
 26. BELL D. Op. cit., p. 23. По мнению Д. Белла Рассел написал две серии книг — по проблемам философии и по социальным вопросам. *Ibid.*, p. 55.
 27. НЕРУ ДЖАВАХАРЛАЛ. *Открытие Индии*. М. 1955, с. 27. Речь идет о выводе, которой Рассел сделал на основе своей метафизической доктрины «Логического атомизма»; см. КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 15.
 28. ЛЬЮИС Д. Бертран Рассел и иллюзия свободы.— *Общественные деятели*, 164, 168, 178, 179, 181. Не прошло и 20 лет, как Д. Льюис написал весьма объективную книгу о Расселе как философе и гуманисте (см. сн. 2).
 29. См. *Общественные деятели*, с. 116.
 30. ДЖОНСОН Х. *Христиане и коммунизм*. М. 1996, с. 25.
 31. Цит. по: КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 13. См. также LEWIS J. *Bertrand Russell. Philosopher and Humanist*, p. 59—61.
 32. О его литературном таланте Д. Льюис отзывался так: «Он был великий стилист и чистота и манера его письма, его эlegantность, частые обращения к беспощадной иронии и остроумному сарказму способствовали тому, что он стал обладателем Нобелевской премии по литературе». LEWIS J. Op. cit., p. 9; см. также LANDHAMMER W. Op. cit., S. 48.
 33. ДАТТ Р. ПАЛМ. *Проблемы современной истории*. М. 1965, с. 26—27.
 34. GRITTEN JOHN. Op. cit.; см. *Люди и политика*. М. 1964, с. 289.
 35. *Люди и политика*, с. 287; GRITTEN JOHN. Op. cit.; LANGHAMMER W. Op. cit., S. 63.
 36. В 1919 г. вышла в свет его книга «*Introduction to Mathematical Philosophy*», написанная в тюрьме.
 37. Они были изданы отдельной книгой: *The Analysis of Mind*. Lnd. 1921.
 38. BELL D. Op. cit., p. 56, 57.
 39. GRITTEN JOHN. Op. cit.; *Люди и политика*, с. 287; КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 28; Цит. по: *Новая и новейшая история*, 1967, № 5, с. 136.
 40. См. МАЙСКИЙ И. М. *Воспоминания советского посла*. М. 1971, с. 202. С Б. Шоу Рассела связывали многолетние дружеские отношения. ПРИСТЛИ ДЖОН Б. *Заметки на полях*. М. 1988, с. 229, 452.
 41. Цит. по: *Люди и политика*, с. 289.
 42. LEWIS J. *Two other Bertrand Russells*. — *Morning Star*, 30.III.1967.
 43. Цит. по: КОЛЕСНИКОВ А. С. Ук. соч., с. 19—20.
 44. LEWIS J. *Bertrand Russell. Philosopher and Humanist*, p. 71; *Общественные деятели*, с. 166.
 45. Цит. по: *Общественные деятели*, с. 166—167.
 46. *Общественные деятели*, с. 11.
 47. См. там же, с. 164; *Daily Worker*, 20.II.1962; Орден был учрежден в 1902 г. королем Эдуардом VII в знак признания исключительно выдающихся заслуг на службе короне или на ниве искусства, просвещения, литературы и науки (число кавалеров ордена ограничено — всего 25 человек). Любопытно, что если ранее Рассел отказывался от всех других наград, на сей раз он согласился принять орден «За заслуги». См. СЭМПСОН А. *Новая анатомия Британии*. М. 1975, с. 227; *Правда*, 8.XII.1990.
 48. Цит. по: LANGHAMMER W. Op. cit., S. 81.
 49. ОЛДРИДЖ Дж. Ук. соч.
 50. Цит. по: ГВИШИАНИ Л. Пагуошское движение: XX конференция.— *Международный ежегодник. Политика и экономика*. М. 1971, с. 300.
 51. Vurhor E. H. S. *Pugwash and Peace*.— *Dialy Worker*. 30.VIII.1961, Авторы манифеста Рассел и Эйнштейн выступили с призывом к народам мира и правительствам «научиться мыслить по-новому», призвали их «помнить о своих обязанностях перед человечеством и забыть обо всем остальном». Это означало: сделать все для предотвращения угрозы ядерной войны, нависшей над человечеством. См. ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. *Автония Иден*. М. 1974, с. 364.
 52. См. ГВИШИАНИ Л. Ук. соч., с. 300—301.
 53. См. НЕКРАСОВ В. *Выбор перед Англией* М. 1961, с. 89; КРАСИЛЬНИКОВ А. Н.

- Внешняя политика Англии и лейбористская партия. М. 1968, с. 305; ВЕЛЕМБОВСКАЯ Ю. А. Бертран Рассел (1872—1970). Ученый в борьбе против ядерной угрозы.— Новая и новейшая история, 1999, № 6.
54. *Dialy Worker*, 12.I.1962; 17.III.1962.
 55. См. ЖИГАЛОВ И. И. Прогрессивные силы Великобритании в борьбе за разоружение и мир (1956—1964). М. 1965, с. 142; его же. Великобритания: народ и внешняя политика. М. 1967, с. 133, 134.
 56. См. КРАСИЛЬНИКОВ А. Н. Ук. соч., с. 315.
 57. RUSSELL B. *Unarmed Victory*. Lnd. 1963, p. 17, 30, 65.
 58. Цит. по: За рубежом, 1962, № 27, с. 9.
 59. См. ПЕРЕГУДОВ С. П. Антивоенное движение в Англии и лейбористская партия. М. 1969, с. 113—128.
 60. ОЛДРИДЖ Дж. Ук. соч.
 61. Известия, 20.VIII.1966.
 62. Труд, 30.VIII.1966; Правда, 1.X.1966; Сельская жизнь, 7.XII.1966.
 63. RUSSELL B. *War Crimes in Vietnam*. Lnd. 1967.
 64. *Morning Star*, 30.VI, 2.XII.1967.
 65. Не без влияния Рассела и возглавляемых им миротворческих организаций в конце 60-х гг. под «Декларацией народа Великобритании за мир во Вьетнаме» подписалось около 5 млн. англичан.— Международный ежегодник. Политика и экономика. М. 1969, с. 163.
 66. *Morning Star*, 4.II.1970. Еще при жизни (1968 г.) Рассела английский философ Д. Льюис также сопоставил его с Вольтером, отметив у них ряд схожих черт. См. LEWIS J. *Op. cit.*, p. 85.

Очерки новейшей истории советского общества

А. А. Искендеров

Предисловие

Россия — страна без настоящего. Не этот ли смысл вкладывал историк в ставшие крылатыми слова: «Ключи от будущего лежат в нашем прошлом»? И не является ли это привычной и непреложной истиной во всяком случае для значительного большинства населения России, стремящегося обрести ностальгическое утешение в давно прошедших временах, либо уповающего на утопическую мечту о светлом будущем? Так было и при русских самодержцах, и при советских вождях. Переход из прошлого в будущее, минуя настоящее, как во всевозможных утопических теориях, так и на практике выглядел неким фантастическим броском из не очень различного былого состояния общества в еще более призрачное предчувствие грядущего.

Этим, вероятно, и отличается Россия от стран, которые принято называть цивилизованными и в числе которых поголовно все российские реформаторы хотели бы ее видеть. Но Россия — страна парадоксов, и один из них заключается в том, что чем настойчивее и упорнее были усилия, предпринимавшиеся ради достижения этой цели, тем глубже и опаснее становилась пропасть, отделявшая Россию от остального мира, как бы отбрасывая ее от естественного хода мировой истории. Не разрешил этой проблемы и XX век, так и не допустивший, чтобы наша страна освободилась от тисков, безжалостно сковывавших ее попытки выйти на широкую магистраль свободы и демократии, вырваться из замкнутого круга острейших политических противоречий, бессмысленных и беспощадных бунтов, социальных катаклизмов и кровавых войн. Не без основания некоторые историки и философы считают прошедший XX век потерянным для России.

Во всем этом была, вероятно, своя весьма жесткая и суровая внутренняя логика развития России, обусловленная в числе прочего и специфичностью ее географического и геополитического положения, а также особым местом, принадлежащим ей в истории мировой цивилизации. Как писал еще великий Д. И. Менделеев, Россия — страна «особая, стоящая между

молотом Европы и наковальной Азии, долженствующая так или иначе их помирить». Но ей так и не довелось не только примирить Запад и Восток, но и установить мир, обеспечить социальную справедливость на своей кем-то упорядоченной территории. С этой особенностью России, сокрушался Менделеев, не хотели считаться всякого рода политиканствующие утописты — от социалистов до анархистов и коммунистов, — упускавшие самую суть проблемы, которая, по его убеждению, состояла «не в общественно-политических строях и передрягах», а в необходимости прежде всего выработать условия для нормальной жизни и «для размножения людского»¹.

Практически все эксперименты, которые на протяжении всего XX века почти непрерывно проделывались над многострадальной Россией, были связаны с насилием над народом, ущемлением прав и свобод личности. Человек с его естественными материальными интересами и духовными запросами, личными устремлениями, повседневными заботами и надеждами подменялся в широковещательных декларациях и программах всевозможных политиков и идеологов прекраснородушной утопической конструкцией, в которую людям так хотелось верить. Фактически же они превращались в заурядных винтиков гигантской, всепоглощающей и бездушной государственной машины.

Самому масштабному за всю историю страны социальному эксперименту положили начало события октября 1917 года, ставшие существеннейшей точкой отсчета в летописи новейшей истории России.

Можно по-разному трактовать и оценивать период российской истории, занявший целых три четверти XX века, по-всякому судить о тех или иных событиях, деятельности и роли отдельных личностей, но при этом не надо, как это нередко бывает, впадать в крайности: непомерно преувеличивать значение одних сторон общественного развития и одновременно недооценивать другие, полагаясь при этом лишь на собственное восприятие происшедшего, на свое субъективное ощущение эпохи, рассматриваемой к тому же, как правило, не в ее системности и целостности, а отрывочно и фрагментарно.

Разумеется, исторической науке еще предстоит огромная работа по обобщению, систематизации, глубокому и комплексному изучению колоссального массива самых разнообразных исторических источников (особенно архивных), научному их анализу. При этом важно не допустить одностороннего, поверхностного, чаще всего конъюнктурного подхода к событиям прошлого и к поступкам отдельных персон, оценке жизни страны и народа исключительно с позиции сегодняшнего дня, нынешних политических и идеологических пристрастий данного конкретного исследователя. Как бы тривиально ни звучала эта мысль, но именно объективный и беспристрастный диалог с прошлым был и остается одним из самых главных инструментов исторического познания. Честный историк считается с реальными фактами, сколь бы неприятными, желательными или нежелательными они ему не представлялись. Он обязан подвергнуть их беспристрастной проверке, прежде чем довериться им. Только после этого он сможет взглянуть в лицо исторической правде открытыми глазами.

Конечно, из этого вовсе не следует (а именно к этому призывают некоторые историки), что надо на какое-то время как бы «заморозить» прошлое, не ворошить его, дать ему «устояться» и лишь спустя годы, может быть — десятилетия, приступить к его изучению и осмыслению, то есть

переложить всю эту работу на последующие поколения историков, ссылаясь при этом на то, что уходящее поколение в той или иной мере причастно к событиям, их оценке и трактовке, и поэтому уже по самому своему положению не в состоянии быть до конца объективным, честным и правдивым в своих исследованиях и выводах.

Можно, конечно, признавать определенную логичность подобных рассуждений. Но надо прямо признать: в них отчетливо просматривается почти не скрываемая политическая предвзятость, уводящая историка в сторону от честного и объективного рассмотрения сложнейшего периода в российской истории — советской эпохи.

Нередко ссылаются и на то, что для объективного и всестороннего исследования нашего недавнего прошлого мы не располагаем достаточной и качественной информацией, в частности, и по той причине, что многие архивные документы все еще недоступны для российских исследователей, которые к тому же далеко не все располагают равными возможностями доступа к ним. Да и публикация архивных документов оставляет желать лучшего. В распоряжении исследователей очень часто оказываются не подлинные документы, а их копии, что нередко снижает уровень научной доказательности, изобилуют многочисленными купюры, документы для публикации подбираются весьма случайно, а порой и откровенно предвзято. Крайне несовершенны еще методология и методика издания исторических документов, во многом все еще серьезно отстающие от современных научных требований. Можно было бы упомянуть и множество других трудностей — объективных и субъективных, — с которыми сталкивается практически любой исследователь, работающий с источниками по истории советского общества и государства.

И все-таки эти трудности, сколь серьезны бы они ни были, не должны обескураживать исследователей, занимающихся данной областью исторической науки. Можно сколь угодно долго дискутировать на тему об оставании архивного дела в нашей стране, возмущаться тем, что широким потоком уплывают за границу многие важные документы из наших национальных архивов (об их существовании российские ученые узнают подчас из зарубежных изданий). Российский читатель — специалист или любитель истории — черпает информацию о нашей недавней истории нередко из европейских и американских сочинений, которые далеко не всегда отличаются высоким научным уровнем и содержат немало фактических ошибок.

Тем не менее необходимо еще и еще раз подчеркнуть значение и актуальность активной и энергичной работы по установлению исторической правды, касающейся нашего недавнего прошлого. Историки не имеют права забывать, что большая доля ответственности за лишение нашего общества правдивой истории лежит и на них самих в силу их собственной политической тенденциозности и идеологического ослепления, благодаря чему они сами — и весьма энергично — помогали власть имущим скрывать и искажать историческую истину. Возвращение правды истории (как и правды самой жизни) никак нельзя откладывать «на потом». Эту задачу необходимо решать сегодня, если мы хотим, чтобы ныне живущие поколения россиян смогли увидеть Россию новой, демократической, цивилизованной, духовно раскрепощенной и экономически процветающей.

Предлагая вниманию читателя настоящие очерки, автор, разумеется, не претендует на всеобъемлющее и законченное исследование этой важной

и сложной темы. Он стремится, со своей стороны, по мере сил содействовать становлению новой, правдивой, полной и глубокой новейшей истории России.

Октябрь 1917 года: революция или переворот?

В прошлом столетии не было, пожалуй, иного, столь же значительного политического события, как революция 1917 года в России, в оценке которого так поразительно расходятся, точки зрения, взгляды, суждения и оценки. Для одних это была «великая революция», главное событие XX века, коренным образом изменившее социальный облик России и всей планеты, другие видят в ней национальную катастрофу, государственный переворот, вооруженный заговор, даже, как, например, академик А. Н. Яковлев — контрреволюцию, самую разрушительную в мировой истории. «Без полного осознания этого факта, — утверждает он, — нас еще долго будут преследовать мучительные вопросы, что же с нами случилось в прошлом и что происходит сегодня»².

Тема Октябрьской революции не сходила со страниц российской и мировой печати на протяжении многих десятилетий, вовлекая в острые споры и дискуссии представителей самых разных школ и направлений исторической и общественной мысли. У откровенных противников Октябрьской революции, как и у ее искренних сторонников, взгляды и оценки определялись главным образом политическими мотивами. Но для большой группы исследователей октябрьские события — это прежде всего предмет научного познания, объективного исследования, требующий выявления как положительных, так и негативных сторон этого важнейшего исторического события XX века.

Развернувшаяся вокруг данной проблемы нынешняя полемика отличается особенно большой остротой и политической заданностью дебатов, весьма широким разбросом мнений. Во многом это связано с событиями, получившими развитие в России после развала Советского Союза. Предпринимаются попытки обнаружить историческую аналогию между современными российскими событиями и Февральской революцией 1917 года. Цель этой аналогии очевидна: воздать должное последней и принизить значение Октябрьской революции. Центр дискуссии все чаще и все дальше смещается в сторону не научных, а политических споров о словах и терминах, но не о природе и сущности самого явления. Примечательно, что сами вожди Октябрьской революции применительно к октябрьским событиям использовали оба термина — «революция» и «переворот», — не делая особого различия между ними. В последнее же время эти термины обрели, как никогда прежде, ярко выраженный политический оттенок.

Оценка октябрьских событий 1917 года как контрреволюции близка той, которую давал им еще глава свергнутого в октябре 1917 года Временного правительства А. Ф. Керенский, заявлявший, что «никакой новой революции в октябре не было», а была контрреволюция, перерядившаяся «в рабочую блузу, в солдатскую шинель, в матросскую куртку»³. При этом «демократический социалист», каким считал себя то ли трудовик, то ли эсер Керенский, выдвигал два основных обвинения против большевиков, суть которых сводилась к утверждениям, будто последние насаждали «социа-

лизм нищеты и голода», не имеющий ничего общего с подлинным социализмом, и что они отрывали свой социализм от демократии, ради захвата власти отказывались от ими же провозглашенной преданности демократическим принципам. Он убеждал себя и других в том, что нет и не может быть «социализма без демократий», как невозможно социальное освобождение там, где «не уважаются личность человека и ее права». При этом Керенский ссылался на мнения лидеров и теоретиков западноевропейской социал-демократии, в частности, на К. Каутского, утверждавшего, что строй, при котором революционное и социалистическое правительство стремится раздавить демократию, поражая все ее права, осужден на гибель и вовсе не в качестве жертвы насилия, под ударами которого он падет, и не в сиянии славы мученика, который превозносит свои убеждения превыше всего. Керенский соглашался с мнением германского социал-демократа, что такой строй погибнет, напутствуемый проклятием, как и подобает тому, кто предал свои убеждения во имя власти, кто своей ложью увеличил всеобщее несчастье, нищету, кто уничтожил все демократические завоевания народа ⁴.

Если мотивы, побуждавшие Керенского искать в этих рассуждениях оправдание собственному поражению, еще можно понять и объяснить, то гораздо сложнее обстоит дело с позицией первоучителя русской социал-демократии Г. В. Плеханова, оказавшегося среди тех, кого Октябрьская революция скорее огорчила, чем обрадовала. Обращаясь с открытым письмом к петроградским рабочим, опубликованным через день после победы вооруженного восстания в столице и перехода власти в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, он пытался откровенно изложить свое видение случившегося. Эти события, писал Плеханов, «огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса; а, наоборот, потому, что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события. Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — еще того хуже, — одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться» ⁵.

Октябрьские события в России, их характер и перспективы оживленно обсуждались в те дни не только большевиками и меньшевиками, но и представителями международной социал-демократии. Одни ее лидеры активно поддержали русскую революцию, другие не менее активно выступили против. Даже среди истинных приверженцев революции было немало и тех, кто критиковал, правда, достаточно осторожно, некоторые негативные стороны революции, проявившиеся, по их мнению, уже на первом ее этапе. У них, в частности, вызывало законное беспокойство, как бы безудержная и ничем не ограниченная революционная энергия масс не привела в сложной и во многом хаотической обстановке военного времени к утверждению искаженных представителей о социалистических ценностях, что

нанесло бы непоправимый вред и демократии, и социализму. Может быть, раньше других эту опасную тенденцию смогла разглядеть и острее других на нее реагировать выдающаяся деятельница рабочего движения Германии Роза Люксембург. Свои «грустные мысли» по этому поводу она изложила в работе, специально посвященной русской революции, которую она писала в сентябре-октябре 1918 г., находясь в заключении в Бреславльской тюрьме. Не скрывая своих симпатий и искренней поддержки Октябрьской революции, блестяще подтвердившей, по ее словам, «основной урок всякой великой революции, жизненный закон которой гласит: либо она должна очень быстро и решительно рвануться вперед, сокрушая железной рукой все препятствия и выдвигая все более далеко идущие цели, либо она будет очень скоро отброшена назад, за свой слабый исходный пункт и задавлена контрреволюцией». И далее: «В революции не может быть остановки, топтания на месте, самоограничения первой же достигнутой целью. И тот, кто пытается перенести на революционную тактику доморощенную премудрость из парламентских войн мышей и лягушек, показывает только, что ему столь же чужды психология, жизненный закон самой революции, как и весь исторический опыт, что они для него — книга за семью печатями». Вместе с тем ее крайне удивляло и даже раздражало то, как большевики и их вожди с первых же дней пребывания у власти стали расправляться с демократией, занялись судорожными поисками способа, позволяющего обойтись вообще без демократии.

Однако такое средство, возмущалась она, было бы «еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить; оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений,— активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс». Если власть, рожденная Октябрем, писала Люксембург, идет на подавление общественной жизни, то тем самым она перекрывает источник политического опыта и дальнейшее развитие революции, или «надо признать, что опыт и развитие нужны были лишь до взятия власти большевиками, а достигнув максимума, стали излишними». В результате замирает общественная жизнь, превращающаяся в ее видимость, деятельным элементом остается одна лишь бюрократия. «Общественная жизнь,— с сожалением отмечала Люксембург,— постепенно угасает, дирижируют и правят с неумной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции». По сути это не что иное, как господство клики, такой, как «диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства яacobинцев»⁶. К сожалению, большевистские вожди не выжили ее весьма разумным предостережениям, отмахнувшись от них, как от назойливой мухи. В конце февраля 1922 г. В. И. Ленин, вспоминая о рукописи Люксембург, резко отверг ее критику в адрес большевиков, заявив, что она «ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок)»⁷. Правда, советский вождь не уточнил, о каких именно ошибках Розы Люксембург шла речь.

С первых же дней свершения Октябрьской революции в рядах ее противников оказались самые разные политические деятели, партии и тече-

ния — от крайне правых до левоэкстремистских. Критика шла по различным направлениям и охватывала широкий круг проблем, вокруг которых разворачивались острые дискуссии, не затихающие и в наши дни.

Октябрьская революция с первых же дней переклестнула чисто российские рамки, получив широчайшее международное звучание. Интерес мировой, прежде всего европейской, общественной мысли к проблемам Октябрьской революции был не в последнюю очередь продиктован нескрываемо настороженным отношением многих ученых и политиков к революциям вообще, и особенно к тем, что сотрясали Европу начиная с Великой французской революции конца XVIII века. Октябрьская революция сопоставлялась с французской, чтобы через их сходство высветить наиболее одиозные стороны последней и запугать современников неизбежным повторением самых мрачных и ужасных ее сторон, с особенной силой проявившихся на ее заключительном этапе, когда превалировали насилие и террор. Европейцам, самых разных убеждений и политических предпочтений, было трудно понять, а тем более одобрить то, с чем столкнулась тогда Франция. Революция, провозгласившая великие демократические принципы и нормы, призывавшая к свободе, равенству и братству, переродилась в нечто невообразимое и ужасное: в стране начался разгул террора, а якобинская диктатура, оправдывая эти массовые кровавые расправы, кощунственно объявила их самым желательным и непосредственным путем к всеобщей демократии и свободе.

Опасения, связанные с тем, как бы октябрьские события 1917 года не явились зеркальным отражением всего самого худшего и страшного, что произошло в ходе Французской революции, испытывали не только откровенные противники Октября. Отказ от сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу утверждения демократических основ Октябрьской революции, равно как и сложность и противоречивость обстановки, сложившейся в России после Октября, лишь усиливали указанные опасения. А сами большевики устами своих вождей постоянно подчеркивали преемственность двух революций, демонстрируя свои симпатии к политической линии якобинцев-робеспьеристов, оказавшихся в конечном счете в непримиримом антагонизме с демократией.

У Французской и Октябрьской революций действительно было немало общих черт и свойств. Однако это сходство ограничивалось в основном сферой выполняемых ими обоими разрушительных функций. Провозглашенные Французской революцией великие цели и идеалы обернулись свирепой диктатурой и кровавым террором, которые стали прочно ассоциироваться с настроениями и активностью левого крыла якобинских вождей. Диктатура, террор и насилие проявились и в ходе Октябрьской революции, но не на заключительном этапе, как во время Французской революции, а с самого начала, и в дальнейшем эта тенденция не только не ослабевала, но с каждым годом все более усиливалась, лишая революцию ее благородного ореола всенародного освободителя, борца за народное счастье, демократию и подлинную свободу. Если история Французской революции оказалась накрепко привязанной к казни короля Людовика XVI, которого, по словам Робеспьера, следовало не судить, а карать, то на Октябрьскую революцию тяжелейшим нравственным грузом лег бессудный расстрел последнего российского царя и членов его семьи. Подобные преступления не могут пройти бесследно; никакие доводы в оправдание этой расправы не

могут вытравить их из общественного сознания. Они постоянно напоминают о себе, вызывая трагические ассоциации и страшные исторические аналогии и параллели.

Сравнение двух революций совершенно естественно побуждало российских и зарубежных исследователей глубже разобраться в смысле и значении русской революции, ее истоках, и предусмотреть возможные перспективы дальнейшего развития страны. Необходимо было понять причины и характерные черты, сближающие эти два едва ли не самых значительных революционных эксперимента не только в европейской, но фактически и во всей мировой истории.

Октябрьская революция, как и французская, очень рано начала пожирать своих героев. И это стало возможным в числе прочего и потому, что слишком велика была ненависть и к российским государственным структурам, и к политическим партиям и движениям, проявившаяся в ходе этой революции. Насилие превратилось в компас, указывающий кратчайший путь к социализму. Характерно, что среди вождей русской революции не нашлось ни одного, кто хотя бы на минуту усомнился в правильности и справедливости тезиса о невозможности построения социализма без насилия и массовых репрессий. Этому устрашающему и крайне опасному психологическому феномену пока еще нет четкого и ясного объяснения. Нам еще не раз придется обращаться к нему в ходе настоящего повествования.

Вряд ли является простой случайностью особенный интерес большевистских вождей к заключительному этапу Французской революции, когда установился режим якобинской диктатуры и на полную мощь заработала гильотина — это дьявольское изобретение доктора Ж. Гийотена. Под ее ножом все чаще оказывались не только представители свергнутых классов, но и сами якобинцы. По некоторым данным, только за полтора месяца функционирования так называемого революционного трибунала на гильотину было отправлено 1285 человек⁸. И как бы не пытались якобинские вожди и их последователи оправдать режим террора и насилия революционной целесообразностью и неизбежностью факт остается фактом: именно якобинцы — первыми среди революционеров нового времени — возвели террор в отношении «врагов народа» в ранг государственной политики. Они были убеждены и в том, что управлять народом следует при помощи разума, но на практике этот тезис звучал демагогически.

Такая политика рано или поздно должна была потерпеть крах и она действительно завершилась поражением якобинства и личной трагедией его вождей. По-видимому, осознавая слабость и непопулярность своей политики, якобинцы безуспешно искали всевозможные теоретические и юридические аргументы для оправдания своего террора. Робеспьер, например, доказывал, что это ни больше ни меньше как проявление добродетели, «не что иное, как быстрая, строгая и непреклонная справедливость». Террор, добавлял он, это — «вывод из общего принципа демократии, применимого при самой крайней нужде отечества»⁹. И эти слова, призванные служить оправданием любого терроризма, как внутреннего, так и международного, принадлежат не далекому от политики человеку, но дипломированному адвокату, проведенному не один год в стенах юридического факультета знаменитой Сорбонны! И обращены они были прежде всего к соратникам, для которых гильотина и демократия были решительно несовместимы.

Надо ли после этого удивляться, что на протяжении вот уже более двух столетий во французской и мировой историографии не утихают споры вокруг Французской революции конца XVIII века, высказываются полярные суждения о ее вождях, характере и движущих силах, но особенно о ее якобинском этапе?

Противников робеспьеристов слишком часто упрекают в том, что они-де занимают в своей критике излишне «моралистическую» позицию, а политика, как таковая, по сути своей, вообще аморальна и безнравственна. И здесь со всей остротой встает вопрос о гуманистических или морально-нравственных аспектах революции. А ведь именно пренебрежение этими аспектами революции (французской, в частности) не только принижает, но и подрывает, как свидетельствует богатый исторический опыт, значение самих революций как инструмента и средства освобождения и обновления человечества. Фактически этим отрицается высокая идейность и благородная направленность революции, на которую претендуют обычно ее лидеры.

Невозможно поэтому согласиться с мнением известного исследователя истории Великой французской революции А. З. Манфреда, который писал: «Когда иные из политиков или историков молитвенно складывают руки, или возносят очи к небу, или иными жестами безмолвного отчаяния выражают свою скорбь по невинно погибшим душам, когда они клянут в кровавадной жестокости Робеспьера или Сен-Жюста, изображая их ненасытными демонами смерти,— все это должно быть отброшено как сознательное, насквозь лживое лицемерие, как попытка переложить на других вину за преступления, к которым были причастны их предки или они сами.

За возникновение терроризма как средства политики, политической практики ответственность несут не якобинцы, а их противники. Для якобинцев революционный террор был, повторим в последний раз, лишь ответной мерой»¹⁰.

Такая «логика», целиком построенная на признании «революционной целесообразности террора», которую, кстати сказать, каждый революционер понимал по-своему, абсолютно произвольно и беспринципно, «облагораживает» любого террориста-революционера, допускающего такие «ничтожные слабости и просчеты», как попытку поставить интересы революции выше прав и свобод личности. В «революционное сознание» внедряются убеждения, что «цель оправдывает средства», «лес рубят — щепки летят», «победителей не судят» и др. Рассматривать террор как «спасительное средство», даже когда он превращается в жесточайший инструмент непримиримой борьбы со всяким инакомыслием, означает — не более и не менее — сознательно потворствовать грубейшим нарушениям демократических прав и свобод личности.

Было бы, разумеется, неправильным утверждать, что вожди российской социал-демократии, в том числе и большевики, полностью разделяли взгляды и политическую линию якобинцев, включая и их отношение к террору и насилию. В речи на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, проходившем спустя несколько дней после октябрьских событий, Ленин, стремившийся выбить из рук противников аргументы, что большевики-де намерены повторить на российской почве якобинский эксперимент, писал: «Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем

применять»¹¹. Это было явное лукавство. На самом же деле Ленин и большевики не только восторгались робеспьеристами, но и рассматривали их как прямых предшественников революционной социал-демократии, призывали своих сторонников поступать так как якобинцы, беспощадно, «поплебейски» разделяваться с монархией и аристократией, «беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление»¹². Яснее, пожалуй, не скажешь.

В советской историографии якобинская диктатура откровенно идеализировалась, проявившиеся в ходе французской революции серьезные социально-политические, идейные и морально-нравственные противоречия нарочито затушевывались, а террор старались оценивать самыми возвышенными эпитетами. Все это было рассчитано на то, чтобы всячески превознести героев Октябрьской революции, оправдать любые их действия, в том числе насилие и террор, сопутствовавшие этой революции (как и последовавшей за ней Гражданской войне). Конечно, и в не лучшие для советской исторической науки времена были историки, которые придерживались иных взглядов и выступали против крайне упрощенных схем, исключавших саму возможность постановки вопроса о недооценке якобинскими вождями, как и руководящим ядром Октябрьской революции, важности демократических преобразований. Однако эти голоса не были услышаны да и не они определяли погоду в «историческом цехе», где царили совсем другие порядки и иные нравы¹³.

Сдержанно-настороженное отношение ко многим аспектам октябрьских событий со стороны не только их откровенных противников, но и некоторых их сторонников, можно объяснить, как это ни покажется странным, международным влиянием Октябрьской революции, а также открывавшейся возможностью ее активного взаимодействия с зарубежными, прежде всего европейскими, революционными силами. Едва ли не самое главное беспокойство вызывало то обстоятельство, что Октябрьская революция, порожденная мировой войной, многое позаимствовала из арсенала средств и методов, применявшихся в ходе боевых действий. Революция отождествлялась с мировой революционной войной, а России с ее необъятной территорией отводилась своего рода роль военного плацдарма для развертывания этих сражений.

Реальность такой перспективы связывалась по крайней мере с двумя факторами. Во-первых, у большевиков довольно рано стала проявляться мессианская идея: стремление «осчастливить» народы соседних с Россией государств, навязать им русскую модель революции, даже если последняя и не отвечала особенностям революционно-освободительного процесса в этих странах. Во-вторых, социалистическая революция, как считали большевики, нуждалась во внешней поддержке, соединении с мировой пролетарской революцией. Только при этом условии допускалась возможность перестроить Россию на социалистический лад.

Мировая социалистическая революция и мессианство — это две стороны одной медали. Вместе с тем ставка на мировую пролетарскую революцию преследовала еще одну цель: приглушить критику Октябрьской революции, исходившую как от внутренних, так и особенно внешних сил, выступавших против грубейших нарушений демократических норм и принципов, принимавших в революционном экстазе все более массовый и опасный характер.

Тема «Революция и демократия» — вот тот оселок, на котором испытывались и испытываются на прочность различные идеи, модели и схемы, связанные с восприятием и оценкой Октябрьской революции, а также с путями и формами дальнейшего развития ее принципов, целей и задач. Не желая признавать за октябрьскими событиями статус величайшего социально-политического события XX века, их критики как прежде, так и теперь делали и делают упор главным образом на недостаточную связь этих событий с демократическими ценностями и гуманистическими аспектами. Ни в год революционных потрясений, ни в последующий период развития русской революции не было недостатка в авторах, склонявшихся к мысли, что Октябрьскую революцию следует рассматривать как еще один барьер, искусственно воздвигнутый на чрезвычайно узком пути, ведущем к демократизации российского общества, а это, по их мнению, обязательно должно было привести к уничтожению с таким трудом появившихся на свет и весьма слабых ростков молодой российской демократии.

Большевиков обвиняли, что они идут напролом, не считаясь с объективными условиями общественного развития России, постоянно пытаются форсировать события. Как отмечал один из первых историков русской революции, ее летописец Н. Н. Суханов, все российские социалистические силы, к которым относились не только большевики, но и эсеры, меньшевики и даже левое крыло кадетской партии, считали, что «надо держать курс на радикальный политический переворот»¹⁴, хотя полной ясности, во что он выльется и какими будут его программа и форма, у них не было. Успех Февральской революции во многом был обеспечен именно тем, что между социалистическими силами и течениями наметился определенный компромисс и выработался своего рода консенсус, и с этим, по мнению Суханова, должна была считаться каждая социалистическая партия и ее лидеры, если они действительно думали о благе России и ее народа.

Однако после Февраля ситуация на российской политической сцене стала резко меняться. Новая власть оказалась практически очень слабой, неспособной выполнить возложенные на нее задачи. Режим Керенского и керенщина дали зеленый свет Октябрьскому восстанию, которое, как писал Суханов, «доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом», хотя фактически у него «не было врага», как и не пришлось вести массовые действия, боевые сражения, строить баррикады.¹⁵

Критика Суханова, как и многих других представителей социалистических партий и течений, была направлена не против того, что большевики решительнее и практически грамотнее других воспользовались создавшейся ситуацией, заявив свою претензию на обладание властью в стране. Неприемлемы были формы и цели большевистской власти. Больше всего беспокоила судьба демократии, без полного и широчайшего развития которой России не суждено было подняться с колен. Первые же действия новых правителей по свертыванию тех немногих демократических завоеваний, которые только-только начали пробиваться сквозь суровую почву российской действительности, вызвали резко негативное к себе отношение практически со стороны всех небошевистских сил и течений, расценивших эти популистские действия как попрание всех прежних согласованных договоренностей и соглашений. Особенно их возмущал роспуск Учредительного собрания, в чем Суханов, как и другие, усмотрели «азиатское вероломство вождя»¹⁶, т. е. Ленина.

Вполне осознанный откат от позиций по такой ключевой проблеме, какой является органическая взаимосвязанность социализма и демократии, как и прямое их противопоставление и противостояние, с первых же дней революции в конечном счете оказалось главной и решающей причиной, которая и спустя 70 с лишним лет дала о себе знать и привела сначала к разложению, а затем и к распаду великого государства. А все начиналось, казалось бы, с не очень-то значительного обстоятельства — разрыва между словом и делом, который с каждым годом становился все более глубоким и опасным.

Это была самая существенная и тяжелейшая, после Великой французской революции, плата за историческое беспамятство и пренебрежительное отношение к фундаментальным основам и принципам революции. Наказание за это рано или поздно должно было наступить. История XX века не раз свидетельствовала, что ни один политический режим и никакой государственный деятель, как бы умело и изобретательно они ни манипулировали общественным сознанием с целью якобы демократического оформления недемократической по своей сути системы власти, не могли сохранять её в течение более или менее длительного периода.

Поражение нацизма в Германии и Италии, франкизма в Испании, милитаризма в Японии, колониальных режимов в Азии и Африке, военных диктатур в Латинской Америке и многие другие факты — яркие тому свидетельства. «Игры в демократию» неизбежно заканчивались политическим банкротством тех, кто пытался использовать ее только для видимости, для политической маскировки. Чем хуже усваиваются эти исторические уроки и чем жестче меры, применяемые для укрощения демократии, тем тяжелее социальные и политические последствия подобных экспериментов. Явная недооценка якобинцами демократии в том обществе, которое они собирались построить, и стала камнем преткновения, преодолеть который им было не под силу, что и привело к резкому изменению всего хода Французской революции: к отступлению и отказу французских революционеров от ими же провозглашенных идеалов и целей.

Нечто похожее произошло и с большевиками, но в других условиях — уже в самом начале революции. И больше они не стремились к попыткам соединить демократию и социализм. Трудно сказать, на что, собственно, рассчитывали большевики, предпринимая столь рискованный во всех отношениях эксперимент, грубо разрывая и без того очень тонкую нить, связывавшую одно с другим. Вряд ли это можно объяснить их маниакальной ненавистью к России, ее истории, культуре, религии, национальным традициям и обычаям, наконец, к самой ментальности русского народа или же чувством, которое они питали к обоим прежним режимам и своим политическим противникам, и уж тем более желанием Ленина отомстить за своего казненного царем Александром III старшего брата. Этот феномен трудно объяснить чем-либо иным, кроме, пожалуй, неумолимой и необузданной жажды власти, которая затемняла рассудок. Какой же надо было обладать самоуверенностью, чтобы сознательно идти на полный разрыв со своими недавними союзниками, пусть и не во всем надежными, и не бояться оказаться в полной политической изоляции, лицом к лицу с множеством невероятно сложных экономических, политических, социальных, идеологических проблем, требовавших неотложных и непривычных решений!

В те революционные дни многие политические деятели, в том числе

и большевистские, понимали ошибочность тактики, которая искусственно возводила преграды на пути к демократизации российского общества. Они справедливо полагали, что по мере развития революции трудности и конфликты могут возрастать и решение их потребует гораздо более тяжелых и дорогих издержек. Настораживало и то, что такое понимание характера и направленности русской революции, все более очевидный отход ее от демократических начал может привести к разрыву органических связей исторических эпох и поколений, забвению собственно российской истории. Немалое значение имело и то, что последней собственно отводилась роль «предыстории», а подлинная история России должна была начинаться лишь с октября 1917 года. Даже в наши дни некоторые авторы пытаются отделить советский период от всей остальной российской истории, именуя его «советской цивилизацией», возникшей и существовавшей как бы в стороне, стоящей особняком по отношению к единой российской цивилизации и более того противостоявшей последней¹⁷. Подобные «теории» могут возникать лишь на очень сомнительной почве, только при отрицании своих исторических корней. Это прямой результат непонимания самой сути понятия «цивилизация». Сейчас уже вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что цивилизация — это прежде всего совокупность черт и признаков, складывавшихся на протяжении многих веков и относящихся ко всему народу, а не к отдельной его части или классу, даже если последнему и удастся навязать обществу свою диктатуру. Цивилизация — это системная целостность, образующаяся из вполне определенных культурных и духовных ценностей, существующих вне зависимости от классовых, а тем более партийных или идеологических и иных привходящих элементов. Если бы с победой каждой революции возникала новая цивилизация, то человечество уже давно бы лишилось своего драгоценнейшего отличительного признака — индивидуальности и неповторимости, уникальной идентификации культуры данного народа, той совокупности черт и особенностей, которая собственно и составляет устойчивую общенародную общность — цивилизацию.

Величие и значение социальной революции определяются не только тем, насколько глубоко, последовательно и качественно изменяется общество, но и теми национальными и интернациональными целями, которые она ставит перед собой. Французскую революцию конца XVIII века называли «великой» именно потому, что она провозгласила такие цели и идеалы, которые содержали фундаментальные ценности, имеющие всеобщий характер, отражавшие настроения передового человечества, выступавшего за социальное освобождение и нравственное обновление всего человечества. Она являлась великой еще и потому, что, как заметил Ленин, дала всему миру «такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы»¹⁸. Эти устои и сегодня занимают существенное место в ряду признаваемых всеми или по крайней мере большинством народов мира ценностей, определяющих нравственные принципы и нормы общественной жизни, которых придерживается весь современный цивилизованный мир.

Что же касается Октябрьской революции, то с сожалением следует признать, что провозглашенные ею социалистические идеалы и цели, имевшие к тому времени широкую поддержку не только в России, но и во всем мире, не стали столь же «неустранимыми устоями» и поэтому не обрели всеобщей притягательной силы. Возможно, правы были те, кто

воспринимал Октябрьскую революцию прежде всего как чисто национальное явление и считал, что совершившаяся в России, она не обладает достаточно ярко выраженным демократическим характером. Это обстоятельство, по-видимому, и не позволяло ей осуществить подлинный прорыв во всех сферах общественной и государственной жизни страны и в сжатые сроки решить задачи, которые требовали гораздо больших исторических сроков. Впрочем, другие, напротив, полагали, что всем трем русским революциям не доставало как раз национальных черт именно в силу того, что они испытали на себе сильнейшее влияние внешних факторов. Примечательно, что обе стороны в этом споре сходились в признании того, что вооруженное восстание в Петрограде и триумфальное шествие советской власти по необъятным просторам огромной страны можно, хотя и с некоторой оговоркой, рассматривать как общедемократические движения со всеми вытекающими отсюда характеристиками и оценками.

Нынешние споры о причинах и характере Октябрьской революции носят не менее острый характер, чем в осенние дни 1917 года. Тогда настойчивые призывы к вооруженному восстанию часто наталкивались на сдержанное сопротивление тех, кто не был согласен с тем, что Россия будто бы давно созрела и даже перезрела для революции. Особенно резко отстаивал этот тезис Л. Д. Троцкий, решительно поддерживавший Ленина и неистово веривший в успешную реализацию своей теории «перманентной» (непрерывной) революции, которую он без лишней скромности именовал «своеобразной и знаменательной», а себя причислял к теоретическим истолкователям Октябрьской революции.

В оценке сложившейся к октябрю 1917 года в России революционной ситуации, как и в выработке курса на немедленное пролетарское восстание в Петрограде, между Лениным и Троцким существовало полное взаимопонимание. Оба они довольно резко критиковали коллег, в том числе и членов ЦК РСДРП(б), в большинстве своем не разделявших эту точку зрения и считавших, что в России для социалистической революции время еще не наступило. Одни члены ЦК вообще противились восстанию, другие полагали, что момент для него еще не наступил, третьи занимали выжидательную позицию. Вспоминая впоследствии об этом противостоянии, Троцкий писал, что никто до этого, кроме Ленина и, разумеется, его самого, «так властно и обнаженно не ставил задачу вооруженного переворота» и так не бичевал «тех большевиков, которые не понимают своего интернационального долга»¹⁹.

Этих двух самых влиятельных в ту пору большевистских вождей, руководителей Октябрьской революции объединял общий взгляд на петроградское восстание как на начало и составную часть мировой социалистической революции, и, конечно, как на стимулятор к возникновению последней, ее развитию и расширению. При этом Троцкий разделял и активно поддерживал исходную позицию Ленина, рассматривавшего захват власти в России в качестве своего рода толчка сначала к европейской, а затем и к мировой революции, которая будет иметь несравненно большее значение для судеб всего человечества, чем для отсталой России. Для Троцкого это был «момент истины», реальная возможность осуществить на практике идею «перманентной» революции, которую он связывал не только с ликвидацией в России абсолютизма и крепостничества, но и с началом все более нарастающих социальных столкновений, восстаний, непрекращаю-

щихся атак пролетариата на политические и экономические привилегии господствующих классов в мировом масштабе.

Разногласия в большевистском руководстве по вопросу об отношении к Октябрьской революции Троцкий пытался объяснить различием мировоззренческих подходов. Тогдашних партийных лидеров он делил на «теоретиков», к которым, естественно, относил и себя, и «практиков», которых презрительно именовал носителями «идей патриотического реформизма». «Придти априорно к идеям Октябрьской революции, — с нескрываемым снобизмом писал Троцкий, — можно было не в Сибири, не в Москве, даже не в Петрограде, а только на перекрестке мировых исторических путей. Задачи запоздалой буржуазной революции должны были пересечься с перспективами мирового пролетарского движения, чтобы оказалось возможным выдвинуть для России программу диктатуры пролетариата. Нужен был более высокий наблюдательный горизонт, не говоря уже о более серьезном вооружении, чем то, каким располагали так называемые русские практики партии»²⁰.

На самом же деле разграничительная линия, которую произвольно намечал Троцкий, проходила не столько по вопросу о предстоящем вооруженном восстании (хотя серьезность этих разногласий нельзя недооценивать), сколько по таким принципиально важным вопросам, как соотношение национального и интернационального в развитии русской революции, вера большевиков в способность Октябрьской революции изменить ход общественного развития в России, направить ее по социалистическому пути, или же для строительства социалистического общества следует дожидаться мировой революции, для которой Октябрь был бы всего лишь плацдармом, своеобразным трамплином. Эти проблемы были действительно и очень острыми, и весьма чувствительными. Они такими и оставались достаточно длительное время, пока в партии и ее руководстве шел спор о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Возможно, позиция большинства руководящего состава партии, весьма настороженно относившегося к ленинскому плану подготовки пролетарской революции, была продиктована тем, что слишком большой акцент делался на внешние факторы и слабо учитывались внутренние условия. Отсюда и возникало желание рассматривать русскую революцию не как продукт внутреннего развития, а как своего рода пороховую бочку, способную взорвать мировой капитализм и разжечь всемирный революционный пожар.

Еще один аспект, объясняющий именно такое поведение партийного руководства, был связан с нечеткой позицией теоретиков большевизма по ключевому вопросу — о переходе России на рельсы социализма в случае победы пролетарского восстания в Петрограде. Во всяком случае, до апреля 1917 г. никто из русских марксистов, по словам того же Троцкого, вообще не верил в возможность построения социалистического общества в одной отдельно взятой стране, а тем более в России. Более того, считалось невозможным, что русские рабочие сумеют завоевать власть еще до того как в более передовых странах не будет установлена диктатура пролетариата. По мнению Троцкого, революционный процесс в России должен развиваться по следующей схеме: «Русская революция может развязать и, по всей вероятности, развяжет пролетарскую революцию на Западе, что, в свою очередь, обеспечит социалистическое развитие России»²¹. Он был

убежден, что русская революция может привести к социализму, лишь приняв международный характер; без прямой поддержки европейского пролетариата «рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру»²².

Столь отчетливо выраженный международный акцент в позиции большевистской партии по вопросу о характере предстоящей революции порождал всевозможные слухи и толки. В частности, упорно циркулировала молва о том, что враждебные России государства щедро финансировали революционные силы и движения, подрывавшие великую державу. Министр иностранных дел царского правительства С. Д. Сазонов утверждал, ссылаясь на уверения одного из лидеров немецкой социал-демократии Э. Берштейна, что Германия выделила на нужды русской революции 70 млн. марок²³. П. Н. Милюков, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к большевикам и их лидерам Ленину и особенно Троцкому, излагает этот вопрос несколько иначе. В его книге «История второй русской революции», которую автор начал писать в 1918 г., находясь под свежими впечатлениями от октябрьских событий, приводятся более скромные цифры. Речь идет о 207 000 марок и 400 000 крон, которые в те дни Германия через свои подставные фирмы в других странах, в частности, в Швеции перевела в распоряжение Ленина и Троцкого для закупки оружия и доставки его в Россию. Милюков в своей книге говорит о «солидной германской помощи деньгами и оружием», которая будто бы шла на поддержку большевиков, не исключая, впрочем, и полностью фальсифицированного характера документов, на которые ссылались российские официальные лица и которые распространялись в прессе, хотя и считал, что большевики перешагнули через определенную черту совести и морали²⁴.

По словам Суханова, к распространению слухов о германской помощи большевикам, как и к инсинуациям, связанным с возвращением Ленина в Петроград в апреле 1917 г. через Германию в запломбированном вагоне, приложил усилия и сам Милюков, который как министр иностранных дел Временного правительства направил телеграммы союзным государствам с настоятельной просьбой принять все меры, чтобы не допустить возвращения русских эмигрантов на родину. Когда об этом стало известно широкой российской общественности, то в газетах, как отмечает Суханов, были опубликованы заявления тех, кто видел милюковские телеграммы, в частности, в российской миссии в Копенгагене, и запрашивал Милюкова, не подложные ли эти телеграммы. Однако министр предпочел отмолчаться. Говоря о том, что у русских эмигрантов не было ни малейшей возможности добраться до России иными путями, не пользуясь услугами германских властей, Суханов добавляет: «Каждому понятно, что германские власти, идя в данном случае навстречу интересам русских граждан, преследовали при этом исключительно свои собственные интересы: они, конечно, спекулировали на том, что русские интернационалисты в условиях революции расшатывают устои русского империализма, а затем оторвут Россию от грабителей-союзников и толкнут ее на сепаратный мир... Русские интернационалисты-эмигранты отдавали себе полный отчет в настроении германских властей и по достоинству оценили источник их милости»²⁵.

Но вернемся к Октябрьской революции, споры о которой продолжают-ся и поныне. Разграничения в этих спорах пролегают не только между

пониманием и толкованием изначально заложенных в русской революции двух тенденций: внутренней, связанной с усилиями, направленными на построение социализма в одной отдельной стране — России, и внешней, имевшей главной целью подталкивание мировой пролетарской революции, от успеха или неуспеха которой должен был прямо зависеть успех социалистического эксперимента в России, превращавшейся таким образом в своеобразный опытный полигон. Для вдохновителей и сторонников второй тенденции Октябрьская революция являлась войной, без которой никакие революционные задачи и цели не могут быть достигнуты. Столь откровенные абсолютизация и восхваление войны приводили некоторых теоретиков Октябрьской революции к суждениям и выводам, вообще не оставлявшим места для созидательной деятельности. Один из таких партийных теоретиков Н. И. Бухарин уверял, что грандиозный мировой переворот, который непременно наступит после Октября, будет включать в себя как оборонительные, так и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата. Причем предпочтение должно отдаваться именно наступательным войнам, которые, по его словам, будут все более и более принимать характер гражданских войн, «переходящих в организованную классовую войну», разворачивающуюся как внутри страны, так и на международной арене, победа которой будет означать восстановление единства общества на началах его полного «деклассирования». Тогда только и наступит «полный безгосударственный коммунизм»²⁶.

В эпоху наступательных войн, начавшуюся с победой Октябрьской революции, только невероятно наивные и простодушные люди могут, убежденно считали партийные теоретики, ставить вопрос о демократии, которую все чаще и откровеннее стали отождествлять с диктатурой, причем даже не рабочего класса и не правящей партии, а стремительно нарождавшегося «нового класса». Известный югославский политик и политолог М. Джилас, внимательно изучавший историю Октябрьской революции и резко критиковавший ее негативные последствия, в работе «Новый класс», опубликованной в 1957 г., относил к этому классу «политическую бюрократию», которая шла к власти лишь для того, чтобы установить свое собственное господство над обществом²⁷. «Новый класс», пишет Джилас, коренится в самой партии, а точнее в ее ядре. Он создается и формируется сверху — партийными вождями, которые обеспечивают его господство в обществе и его собственность. Эта партийно-государственная бюрократия особого типа выступает как главная опора власти. По мысли Джиласа, зарождение и укрепление «нового класса» стало неизбежностью, поскольку и после победы Октябрьской революции продолжала действовать одна из самых негативных ее сторон — насильственная²⁸.

Процесс формирования и укрепления «нового класса» в лице правящей привилегированной партийно-государственной элиты — номенклатуры — происходил в условиях, когда действовала официальная партийная установка, исходившая из ложного тезиса, простого и понятного широкой массе, все еще находившейся под психологическим воздействием недавних революционных событий и слепо верившей в справедливость слов, будто по мере продвижения к социализму классовая борьба неизбежно будет усиливаться. Все это выдавалось как продолжение штурма мирового капитализма, начало которому положила Октябрьская революция.

Конечно, при таком подходе сама постановка вопроса о развитии демократии, которая считалась продуктом и атрибутом ненавистного

буржуазного строя, и различных формах ее проявления выглядела странной и отвлеченной. Отбрасывая саму мысль о демократии, считая ее нелепой и вредной в революционную эпоху, насыщенную гражданскими и прочими войнами, Бухарин писал: «Какую область ни взять, всюду и везде мы видим одно и то же: общенациональные, «общедемократические» институты немислимы, при данном соотношении сил они невозможны». «При данном соотношении сил»... Очень существенная оговорка! Ее можно понимать и трактовать и в том смысле, что о демократии можно говорить лишь тогда, когда соотношение сил будет в пользу большевиков. А пока это соотношение невыгодно новой власти, а «эпоха прямого штурма капиталистической крепости и подавления эксплуататоров» еще далеко не завершилась, то «только убогий мещанин может довольствоваться рассуждениями о «защите меньшинства»²⁹. Это «меньшинство» проще ликвидировать, чем думать о защите его политических и иных прав и свобод. Так, собственно, большевики и поступали со всеми, кто хоть в чем-то осмеливался не согласиться с официальной линией партии, кстати сказать, далеко не всегда отличавшейся последовательностью, не говоря уже об особенной нравственности и честности, в том числе и в отношении к своим бывшим политическим союзникам.

Суханов воспроизвел любопытный разговор, состоявшийся на второй день после победы Октября у него с Л. Б. Каменевым, который, как и большинство ЦК РСДРП(б) выступал против проведения вооруженного восстания в Петрограде. Диалог был достаточно выразительным. Он свидетельствовал не только о том, как быстро большевистские лидеры изменили свою позицию по вопросу о коалиции всех социалистических сил (а возможно, они и не изменили ее, а просто раньше скрывали свои подлинные цели).

Беседа проходила в буфете Смольного в перерыве между заседаниями Съезда советов, на котором обсуждались и принимались первые декреты советской власти. «Из переполненного толпой коридора, — пишет Суханов, — я попал в буфет. Там была давка и свалка у прилавка. В укромном уголке я натолкнулся на Каменева, впопыхах глотающего чай:

— Ну что же, стало быть, вы одни собираетесь нами править?

— А вы разве не с нами?

— Смотря по тому, в каких пределах и смыслах. Вот только что, во фракции левых эсеров, я убеждал всеми силами препятствовать вам установить диктатуру вашей партии...

Каменев рассердился:

— Ну если так, о чем же нам с вами разговаривать! Вы считаете уместным ходить по чужим фракциям и агитировать против нас...

— А вы считаете это неприличным и недопустимым? — перебил я. — Быстро! Стало быть, своим правом слова я не могу пользоваться в любой аудитории? Ведь если нельзя в Смольном, то нельзя и на заводе...

Каменев сейчас же смягчился и заговорил о блестящем ходе переворота: говорят, Керенскому удалось собрать совсем ничтожную и неопасную армию...

— Так вы окончательно решили править одни? — вернулся я к прежней теме. Я считаю такое положение совершенно скандальным. Боюсь, что, когда вы провалитесь, будет поздно идти назад...

— Да, да, — нерешительно и неопределенно выговорил Каменев, смотря в одну точку.

— Хотя... почему мы, собственно, провалимся? — так же нерешительно продолжил он».

Изложив содержание этой краткой беседы, Суханов сделал любопытное добавление: «Каменев был не только посрамленным ныне противником восстания. Он был и противником чисто большевистской власти и сторонником соглашения с меньшевиками и эсерами. Но он боялся опять быть посрамленным. Таких было немало...»³⁰.

Как известно, в легкую победу большевиков не верили не только их политические союзники, в частности, эсеры и меньшевики, но и сами вожди Октябрьской революции, заметно нервничавшие, несколько раз менявшие сроки восстания, ясно осознававшие, что любое промедление грозит им, что они окажутся в положении обанкротившейся политической силы и в один момент лишатся доверия и поддержки широких масс. Именно возможность столь неприятного для себя исхода побудила Троцкого заявить: «Если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, они, по всей видимости, не взяли бы ее совсем»³¹.

Практически все участники октябрьских событий, их наблюдатели и исследователи сходятся во мнении, что революционные события развивались необычайно стремительно, как будто по специально разработанному сценарию, и победа наступила настолько неожиданно и быстро, что, казалось, на пути к ней вообще не существовало никаких препятствий, в том числе и такого, как сопротивление со стороны Временного правительства. Правда, некоторые исследователи видят в этом факте закономерный результат, к которому Россия шла на протяжении едва ли не всей своей многовековой истории, и чуть ли не все потрясавшие страну народные, революционные, освободительные движения и другие течения, когда-либо происходившие на ее территории, были ничем иным, как подготовкой победоносного вооруженного восстания петроградского пролетариата. Это, заключают они, было не только веление времени, но и проявление исторической судьбы, фатальной предопределенности, не оставлявшей России иного выбора. Впрочем, в такую историческую неизбежность, как и в революционную целесообразность, похоже, не очень-то верили сами вожди Октябрьской революции, иначе бы они не форсировали так энергично развитие событий.

Как отмечал Милюков, накануне Октябрьской революции в печати самых различных направлений высказывалось почти всеобщее мнение: большевики или не решатся взять власть, не будучи уверены, что смогут утвердить ее, или, если возьмут, то продержатся лишь короткое время. По его словам, только в некоторых политических кругах этот эксперимент находили желательным, и то лишь в том смысле, что это может помочь «навсегда излечить Россию от большевизма». Что касается партии кадетов, то, как писал Милюков, ее упрекали в том, что она препятствовала успеху большевиков и тем самым затягивала неизбежный революционный процесс и связанную с этим дезорганизацию страны.

Таким образом, происходило как бы столкновение двух противоположных взглядов на развитие революционного процесса в России: одни считали, что развитие идет вполне закономерно и естественно, и никакие внешние воздействия не могут остановить его или свернуть с верной дороги. Другие столь же уверенно заявляли, что революционное движение, руководимое большевиками, независимо от временных успехов, обречено на поражение. Поэтому надо всячески способствовать захвату власти

большевиками, чтобы навсегда отлучить их от российского освободительного движения. Однако такой подход не имел ни малейшего шанса на успех: его сторонники, выдавая желаемое за действительное, не учитывая того, что победа Октябрьской революции была обеспечена прежде всего обреченностью существовавшего режима на поражение и слабостью политических сил, противостоявших большевикам на пути их продвижения к власти. Это дало Милюкову повод утверждать, что Керенского не хотели защищать ни его враги, ни его друзья: «Злой рок судил, чтобы в ту минуту, когда нужно было собрать все силы на защиту русской государственности, эта государственность называлась именем Керенского. И своей легкой победой большевики в весьма значительной степени были обязаны тем, что имели такого противника в высоком звании Верховного Главнокомандующего».

Признавая легкость победы Октябрьской революции, Милюков и его партия, как, впрочем, и многие другие политические деятели, все еще надеялись на кратковременность победы большевиков, которые не смогут долго удерживать власть в своих руках. На этом он строил свои предсказания, в которых мрачное мироощущение человека, у которого политическая судьба не сложилась так, как ему хотелось бы, сочеталось с пророчествами, больше напоминавшими заклинания: «Господство большевиков, — писал он, — начиналось при уверенных предсказаниях партий, что большевистская власть не сможет осуществить ни одного из данных ею обещаний, — не даст обманутому ею народу ни мира, ни земли, ни хлеба, ни «социализации» промышленности и что разочарованное население не потерпит над собой господства насильников. Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков повлечет за собой проигрыш войны и разделение России на части. Но никто, включая и эту партию, не предвидел, что здесь возникнет режим, который будет длиться долгие годы и который доведет Россию до крайней степени разрушения всех ее национальных целей — государственных, экономических и культурных, которые копились долгими веками»³².

Легкой победе большевиков сопутствовали весьма существенные факторы — объективный и субъективный, — которые вряд ли кто-либо мог предвидеть. Первый вполне вписывается в условия и обстоятельства XX века, связанные с войнами. Дело в том, что революции, происходившие в XX столетии, в большей или меньшей мере испытали на себе влияние войн, отражая не столько особенности и закономерности внутреннего общественного развития той или иной страны, сколько сильное влияние внешних обстоятельств, в большинстве случаев выступавших как решающее условие. Даже Китайская революция, начавшаяся до японского вторжения в эту страну, растянулась на целые десятилетия и одержала победу лишь в 1949 г., после окончания японо-китайской войны, а революция 1936 года в Испании, хотя и имела шансы на победу, так и не добилась ее.

Второй фактор относится к области руководства революцией, что, как свидетельствуют октябрьские события, имеет для ее победы порой не меньшее значение, чем удачно складывающееся стечение объективных обстоятельств. В данном случае речь идет о роли таких выдающихся личностей, как Ленин и Троцкий, оказавшихся в нужное время в нужном месте. Это были люди с огромной силой воли и духа, невероятно стойкие, обладавшие личным мужеством, умением своевременно и энергично реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, принимать неординарные

решения, свободные от всяких схем и догм, уверенные в себе, способные своим ораторским искусством убеждать широкие массы в правоте своих взглядов и вести их за собой, отстаивать свою позицию, не считаясь ни с чем, деятели, абсолютно свободные от чувства страха, всегда уверенные в победе. Именно благодаря этим своим качествам, а также острому уму, прирожденной склонности к глубокому анализу и широким обобщениям они смогли накануне октябрьских событий переломить политическую ситуацию и в стране и в собственной партии и добиться победы, в которую мало кто верил из тогдашних российских политиков.

Это не значит, конечно, что они были «близнецы-братья» и придерживались одинаковых взглядов по всем принципиальным проблемам. У них были и разногласия, и по довольно существенным вопросам. Их различия не сводились лишь к тому, что одному была свойственна почти гипертрофированная жажда власти, а другой видел свое призвание не в пребывании у власти, а в самом революционном процессе — в стихии революции или войны. Однако в октябрьские дни они действовали вместе и слаженно, твердой рукой претворяя в жизнь свои замыслы. К сожалению, в характеристике и оценке этих личностей, как и других вождей русской революции, во многих исследованиях последнего времени обнаруживается немало предвзятостей и спорных моментов. Подробно об этом будет рассказано в специальных очерках, посвященных жизни и деятельности руководителей Октябрьской революции и советского государства.

Вождей Октябрьской революции часто обвиняли в заговорщической деятельности и даже в бланкистской тактике, чрезмерной жесткости, граничившей с мстительностью, по отношению не только к врагам революции, но и к своим потенциальным союзникам — левым эсерам, меньшевикам-интернационалистам и другим представителям социалистической части спектра российской политической жизни. Насколько объективна эта критика?

Внутри партии большевиков, включая ее руководство, боролись две тактики: заговорщическая и основанная на убежденности в наличии реальных движущих сил революции. Иначе говоря, речь шла о тех, кто до конца поддерживал назревавшее вооруженное восстание, и тех, кто выступал за осуществление заговора. «Именно по этой линии, — писал Троцкий, — шел в партии основной, действительно принципиальный спор, от разрешения которого в ту или иную сторону зависела судьба революции», а, возможно, и страны. Причем часто, по его утверждению, заговор ошибочно противопоставлялся вооруженному восстанию. Позиция Троцкого, которую многие, не исключая Ленина, не разделяли, сводилась к утверждению, что заговор не только не противоречит восстанию, но «облегчает его ход, ускоряет его победу. Чем выше по своему политическому уровню революционное движение, чем серьезнее его руководство, тем большее место занимает заговор в народном восстании»³³.

Такое понимание роли заговора в революционном движении давало противникам Октябрьской революции повод для обвинения большевиков в неискренности и нечестности, а также в интриганстве, в расхождении между их декларациями и подлинными мыслями. Большевики не желали делиться с кем-либо своими планами подготовки и проведения вооруженного восстания. Это их поведение лишь подтверждало утверждения Троцкого, что большевикам не была чужда заговорщическая деятельность.

Итак, на вопрос, вынесенный в заглавие данного очерка, можно дать определенный ответ: это была действительно великая революция. Во-первых, она вызвала коренные изменения в общественном развитии России, ликвидировав, по существу, все институты и структуры старых режимов. Во-вторых, было четко заявлено о целях и задачах строительства качественно нового общества. В-третьих, она оказала огромное влияние на весь остальной мир, бросив вызов давно утвердившимся в нем порядкам. Но, конечно, каждое социальное явление, особенно такое, как революция, имеет много сторон и аспектов. Для полной и объективной оценки революции необходимо учитывать все эти моменты и особенности.

Как бы мы ни относились к этим, теперь уже не столь близким событиям нашей истории и сколько бы ни критиковали те или иные их стороны и аспекты (тем более что все новые, ранее недоступные для исследователей, факты и документы позволяют это делать), нельзя не согласиться с теми авторами новейших работ, посвященных Октябрю 1917 года, которые наряду с анализом развития внутренних событий, вызванных к жизни Октябрьской революцией, хотя и подвергшихся в дальнейшем серьезным деформациям, большое значение придают оценке международных аспектов русской революции.

Одна из важных ее особенностей (и в этом, быть может, больше всего проявилась непонятность ряда ее отрицательных моментов и издержек) состояла в том, что многими своими последствиями она была обращена больше вовне, чем вовнутрь. Напуганные Октябрьской революцией и всячески стараясь не допустить аналогичного развития событий в своих странах, господствующие силы капиталистического мира вынуждены были значительно поднять уровень жизни трудящихся в своих странах и пойти на существенное улучшение социальной сферы.

Однако несмотря на все негативные стороны и аспекты Октябрьской революции, особенно остро проявившиеся в ходе последующего разворота революционной политики, хотя они и не вытекали из ее социальной природы, ей тем не менее по праву принадлежит выдающаяся роль в истории России и мирового освободительного движения. Она произошла в огромной евразийской стране, с многонациональным составом населения, социально-экономически отсталой, с жесточайшим социальным и национальным гнетом. В силу этого ей пришлось выдвигать и решать задачи невероятные по своей масштабности и всемирно-исторической значимости. События Октябрьской революции приобретают особый смысл и ставят ее, несмотря на все издержки, промахи и ошибки, в один ряд с великими революциями — двигателями исторического прогресса. И в этом прежде всего заключается непреходящее историческое значение Великого Октября.

(Продолжение следует)

Примечания

1. См. МЕНДЕЛЕЕВ Д. К познанию России. СПб. 1907, с. 3, 14.
2. ЯКОВЛЕВ А. Н. Омут памяти. М. 2000, с. 82.
3. См. КЕРЕНСКИЙ А. Издалёка. Сборник статей (1920—1921). Париж. 1922, с. 240.
4. Там же, с. 40, 41.
5. ПЛЕХАНОВ Г. В. Открытое письмо к петроградским рабочим. — Вопросы истории, 1989, № 12, с. 105—106.

6. См. ЛЮКСЕМБУРГ Р. Рукопись о русской революции. — Вопросы истории, 1990, № 2, с. 15—16, 25, 27, 29.
7. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 421—422.
8. См. МАНФРЕД А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М. 1978, с. 357.
9. Там же, с. 338, 339.
10. Там же, с. 362.
11. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 63.
12. Там же, т. 11, с. 47.
13. Подробнее см. РЕВУНЕНКОВ В. Г. Великая французская революция: традиции изучения и новые подходы. — Вопросы истории, 1989, № 5, с. 98—116.
14. См. СУХАНОВ Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1—2. М. 1991, с. 50.
15. Там же, т. 3, Кн. 5—6—7. М. 1992, с. 345.
16. Там же, с. 264.
17. См. КАРА-МУРЗА С. Советская цивилизация. М. 2001. Определяя советский период в истории России как новую цивилизацию, автор не нашел нужным хотя бы кратко очертить контуры этого явления.
18. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 367.
19. ТРОЦКИЙ Л. Д. История русской революции. Т. 2. Октябрьская революция. Часть вторая. М. 1997, с. 119, 118.
20. Там же, с. 129—130.
21. Там же, с. 391.
22. Там же, с. 384, 390.
23. См. САЗОНОВ С. Д. Воспоминания. М. 1991, с. 290.
24. См. МИЛЮКОВ П. Н. История второй русской революции. М. 2001, с. 586—587, 588.
25. СУХАНОВ Н. Н. Указ. соч. Т. 2. Кн. 3—4. М. 1991, с. 5.
26. См. БУХАРИН Н. И. Избранные произведения. М. 1988, с. 13, 15.
27. См. ДЖИЛАС М. Лицо тоталитаризма. М. 1992, с. 198.
28. Там же, с. 212.
29. БУХАРИН Н. И. Указ. соч., с. 14, 19.
30. См. СУХАНОВ Н. Н. Указ. соч. Т. 3, с. 359.
31. ТРОЦКИЙ Л. Д. Указ. соч., с. 141.
32. МИЛЮКОВ П. Н. Указ. соч., с. 579, 630, 685.
33. ТРОЦКИЙ Л. Д. Указ. соч., с. 145, 152, 153.

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926

№ 75.

26 июня 1923 года

Милые мои маманя и родные дочери!

Стомоняков завтра утром летит в Берлин, и я с ним по воздуху посылаю это письмо. Вполне здоров, чувствую себя отлично, много работаю, но не до отказа. В воскресенье (с субботы вечера) был у Катерины, но, к сожалению, лил дождь, и, кроме осмотра высокогорья, ничего не удалось предпринять.

Кстати, не забыть: попросите Берзина от моего имени как-нибудь устроить визу Кате, а то обидно, Виктор побывает у вас в Лондоне, а она, уже доехав до Берлина, к вам не попадет.

Вчера Соня, Ася и Помзя (он ведь помощник зяблика) поехали на 3 недели к Гермаше на Шатуру в отпуск. Помзя, он же Гермаша, очаровательный стал мальчик, красавец писанный, точно с картины Рубенса или Тициана.

Из наших видел пока Асю и Бориса. Ася выглядит неважно, похудела и подурнела, а Борис даже лежит с ангиной. Митя поправился, но все еще на болоте. Авель уехал в отпуск к родным на Кавказ, на месяц. Из знакомых за недосугом никого не видал. На днях только был у меня Вашков, он наконец-то уезжает в Лондон, где будет представителем от ВСНХ. Запряжем этого толстяка в работу по Аркосу и проч.

Ну, пока прощайте.

Обязательно мне напишите ваш адрес, как долго вы там пробудете и проч. Если я у Стомонякова по приезде в Берлин не найду подробного и точного письма от вас со всеми этими сведениями, я плюну на всякий отпуск и вернусь обратно в Москву.

№ 76.

[10 августа 1923 года]

Милая маманя и родные мои девочки!

Что-то опять давненько нет от вас писем, последнее было от 16 июля, я несколько заскучал. Вы, пожалуй, теперь где-нибудь за городом и, может

быть, поэтому и не пишете, или причина тому хлопоты со сборами и переездом на другую квартиру? Не представляю, что у вас там делается. С Раковским, видимо, выходит осложнение, но я по вопросам внешней политики настолько разошелся со всей почтенной компанией, что ни за что и ни при каких условиях никакого поста и поручения за границу не приму и оставление нами 54 Eton Avenue дело окончательно решенное. Я очень бы, маманчика, просил отдать в переплет все непереплетенные книги и вообще привести в порядок порядочную накопившуюся библиотеку: она нам, да и ребятам еще очень пригодится. Менее нужные книги можно уложить в ящики, оставить на хранение в Аркосе и впоследствии отправить их куда придется переезжать или прямо пароходом в Питер. Я все более и более убеждаюсь, скоро Россия будет наиболее покойной и удобной страной, в Европе черт знает что делается, и разрушение Германии не может пройти бесследно ни для Франции, ни для Англии, социальные противоречия и конфликты там будут все нарастать. Сейчас трудно найти спецов для работы в Германии, все указывают, что мы, мол, в 1918—1919 и у себя дома довольно натерпелись, чтобы нам еще в Берлин ехать. У нас же, хоть многое идет через пень-колоду и хотя власть имущие делают, кажется, все возможное, чтобы все шло навыворот и кое-как, объективное положение страны настолько благоприятно и ее внутренние жизненные силы столь заметно восстанавливаются, что Россия, пережившая варягов, монгольское иго и Романовых, несомненно без большого урона переживет и Наркомфина, и стабилизацию рубля¹, и литвиновскую внешнюю политику². Каракули государственных деятелей какая-то невидимая рука выпрямляет в подлинные письма истории, и как мы ни ошибаемся и как ни куролесим, выходит все ладно: вот что значит плыть в одном направлении с великим историческим потоком.

Я живу по-старому. Работы немного стало поменьше и на воск[ресенье] и понед[ельник] этой недели я ездил к Классону на Электропередачу. К сожалению, оба дня лил проливной дождь, и мы, походив, наподобие мокрых куриц, по болоту, должны были убраться восвояси и засесть за канцелярскую работу или за чтение. Лето из рук вон плохое. Подгоняю к нач[алу] сентября уехать в отпуск, но дня определенно назначить еще не могу, гл[авным] образом из-за Фрумкина, до возвращения которого мне отсюда нельзя уехать. Мне, конечно, страшно хотелось бы ускорить отъезд, чтобы не пропустить еще у вас там теплого времени. Ну, я думаю все-таки, что весь сентябрь еще должен быть теплый. Соня, Ася и Помзя сейчас на Шатуре у Гермаша, и я должно быть завтра с Гермашей туда поеду на субб[оту] и воскресенье. Как видите, это вот уже мой третий weekend³, только погода подгуляла.

Ну, пока до свидания.

Крепко вас всех, мои милые и родные, целую и обнимаю. Будьте благополучны и пишите.

Ваш папаня.

№ 77.

19 августа 1923 года

Милая моя Маманя!

Очень мне больно было читать из писем и слышать от Маринушкина, что здоровье твое плохо. Горюю об этом и за тебя, и за ребят, и еще больше за себя, потому что чувствую и твой и их укор мне,

да и действительно выходит, ничего, кроме обид и огорчений, я тебе за всю жизнь с тобой не принес. Худого тебе судьба послала мужа, и, верь мне, мне очень горько и тяжело, что я не мог и не могу сделаться таким, какого тебе надо.

А тут еще сваливается на тебя болезнь Андриюши! По сообщениям из Берлина, болезнь его не считается опасной, и надеюсь на скорое выздоровление, но как бы то ни было, тебя вся эта передряга, очевидно, встревожит и много возьмет у тебя сил. Вера Ивановна мне говорила, что в Берлин поехала Нина, что, по-моему, правильно, лучше пусть она его привезет в Лонд[он], если лечение не потребует продолжительное, чем тебе самой ездить и рисковать расхвораться в конце самой, особенно учитывая трудности путешествия и тяжелое положение в Германии, где вот-вот может начаться такое, чего еще свет не видел.

Вера Ивановна тоже поехала в Берлин и, так как она чрезвычайно проворный и оборотистый человек и, как видно, очень Андрея любит, то, я думаю, сделает там все что только может. Что болезнь застала А[ндрея] в Германии, тоже в конце концов лучше,— в Турции или по дороге это было б совсем ужасно, в Берлине же он с самого начала попадет в руки лучших врачей и в хорошую лечебницу. Здешние врачи по симптомам, сообщенным из Берлина, делают успокаивающий прогноз, и я надеюсь к моему приезду в Л[ондон] застать Андриюшу уже у вас.

Я собираюсь выехать в начале сентября, но точной даты еще не решил, так как должен ждать возвращения Фрумкина, который в Бадене.

Если Фр[умкин] вернется без опоздания, то я выеду числа 7-10 сент[ября] через Кенигсберг. А может быть, придется заехать в Ригу в связи с хлебозкспортом, тогда поеду по железной дороге.

У нас льют отчаянные дожди, а вчера был град величиной с голубиное яйцо. Сено чернеет, рожь уже полегла, и, пожалуй, под Москвой и на севере урожай будет неважный. Но в среднем он будет все же неплохой, и мы сейчас успешно готовимся к экспорту хлеба.

Ну, вы имеете о нас свежие сведения от Маринушкина. Вероятно, ко времени получения этого письма он уже выедет обратно. Надеюсь, вы не забудете послать мне с ним альбом фото, оставленный мною под скамьей, быть может, у подножья лестницы.

Был прошлое воскресенье у Гермаши, на Шатуре, куда 3 недели назад уехали Сонечка с Асей и Помзей, прихватил и понедельник, но оба дня выдались дождливыми, и мы все время просидели на террасе или в комнате.

Помзя очень хороший мальчик, выглядит точно годовалый, но зато и высосал этот подлец Асю основательно. Сонечка что-то все похварывает, переутомляется работой, видно. Гермаша зато выглядит хорошо, очень бодр и с большой энергией занимается своими торфяными машинами. Кажется, дело пойдет, и испытания ближайших 3-4 недель покажут окончательный результат,— а он сводится чуть ли не к удвоению производства. Все это довольно интересно, но довольно серо, и надо в это втянуться, чтобы чувствовать себя хорошо. Имею в виду вас, привыкших к загранице, я все стараюсь себе представить, как вы здесь себя будете чувствовать. По поводу переезда будем решать по моем возвращении. Я постараюсь навести справки о возможной квартире у Авеля. На зиму глядя, едва ли, впрочем, стоит это предпринимать, и до будущей весны, пожалуй, лучше [жить] в Англии. Обо всем этом поговорим. Что касается совета уйти от работы,

то как ни противны и ни возмутительны даже некоторые колена, которые тут время от времени по моему адресу откалывают, уйти нет никакой возможности ни по личным, ни по общественным причинам. Я иногда на эту тему думаю, но прихожу всегда к одному выводу. Да и работы сейчас на частном [рынке] нельзя найти сколько-нибудь отвечающей те-перешнему [моему положению]⁴, а без работы я так же мало смогу существовать, как волчок...⁵ вертевшись.

Пишу утром. Сегодня мы открывали Всесоюзную сельскохоз[яйствен-ную] выставку⁶. Вышел целый город на берегу Москва-реки. Было очень интересно, торжественно и эффектно. Пришлось держать речь на площади перед 10 000 человек слушателей; я сперва не знал, каким голосом начать речь в такой аудитории, а потом вспомнил, как в Сибири вызывают паром с другого берега реки, и закричал благим матом. Вышло, говорят, хорошо.

Ну, пока, до свидания, крепко целую тебя, милый мой Любан, не сердись же на меня, взгляни поласковее. Твой Красин.

№ 78.

26 сентября [1923 года]

Милый мой Любан!

Не сердись на меня, что я мало пишу, ей Богу, нет минуты свободной. Когда меня не тормозат разговорами или нет заседаний, надо думать так много и такие все интересные и полезные вещи, что я не могу себе этого запретить. Во сколько тысяч раз полезнее здесь каждый день моей работы против заграничного прозябания. А главное, приятно видеть, как все это растет и ширится. Вот сейчас были люди от Совторгфлота. Мы взяли год назад это дефицитное предприятие с убытком [в] 4 млн рублей, а в этом году они уже свели концы с концами, а с будущего года начнут давать прибыль.

Получил твои письма. На многие темы не хочу отвечать, чтобы не вступать в полемику.

Но это мне не мешает очень тебя любить, я тебя никогда не разлюблю и всегда буду с тобой жить.

Целую крепко тебя и родных моих девочек.

Твой Красин.

№ 79.

13 октября 1923 года

Милая моя мамоничка и дорогие мои дочери!

Как я жалею, что вас нет здесь сейчас со мной: стоит такая чудная и красивая осень, что, право, стоит Италии! Я вчера пошел к Сонечке, посидел с ними часа два на 1-м Ильинском, а потом вышел на берег Москва-реки, и так меня увлекла необыкновенная красота безветренного солнечного осеннего дня, что я взял маленькую лодку и часа полтора провел на воде, доехав почти до Ленинских (Воробьевых) гор⁷. Как раз в это время где-то в Сокольниках началось состязание воздушных шаров, и три или четыре азростата медленно, точно в задумчивости, поднялись и остановились над городом. За полтора часа моей прогулки их только чуть-чуть отнесло, м[ожет] б[ыть] на полторы-две версты — такая тишь была в воздухе.

Писем от вас, миланчики, нету, если не считать отправленного из Милана в день отъезда. Так я и не знаю, где вы и что с вами, доехали ли вы уже до Лондона или все еще странствуете, и как вы устраиваетесь, и когда

мне ожидать здесь мамоничку и Катабрашного. Я, конечно, тоже не злоупотребляю писанием, но одно письмо через Бул. обстоятельное я вам, впрочем, послал. А потом, я один, а вас много, и я занят сверх всякого естества.

Ну, буду писать по порядку. Чувствую себя очень хорошо, несомненно, отдых пошел на пользу. Чтобы не толстеть (о, ликование среди старшей и старше-старшей дочерей!), я по вечерам ужинаю только холодное, ветчину или еще что, благо «Арменторг» прислал мне «на пробу» 5-фунтовую банку малосольной икры. Загар мой, конечно, уже сходит, особенно с лица. Работы много, и, если не считать вчерашней прогулки, на воздухе я бываю не очень много. В доме все в порядке. На этой неделе, вероятно, начнем ставить двери и доканчивать недоделки по части освещения. Словом, готовимся вас встречать. Если еще день-два не будет писем, придется вам телеграфировать. Наши все здоровы, виделись из-за нагрузки редко, Бориса даже еще не видал.

Крепко вас, родные мои, целую. Писать пока больше некогда. Мамоничка, ты насчет сердца не беспокойся, вылечимся, а в случае чего по Богданову будем ремонтироваться⁸. Я вчера к ним заходил: он выглядит великолепно, и, по-видимому, операция действительно сильно его поправила.

Целую всех вас. Красин.

№ 80.

17 октября 1923 года

Миланчики вы мои!

Наконец-то после чуть ли не двух недель перерыва письмо маманички от 11 октября. Где вы, шалуньи мои, были, я даже этого не знаю: не то в Италии, не то под Биаррицем⁹.

Любаша, [ты] пишешь насчет больших неприятностей и т. п. Кто это тебе все набрехал? Напротив, несмотря на жестокие атаки нэпа на монополию внешней торговли, настроение в отношении меня сугубо благожелательное и благоприятное, а так как к этому присоединились еще весьма удачные тактические выступления, то в общем и целом, несмотря на объективные трудности (омужичение, в том числе и мозгов), мы отстояли свои позиции вполне и имеем передышку, в общем, вероятно, не менее, чем на год. Всякие беспокойства в связи с рассказами разных кумушек надо оставить. Я со времен В[ладимира] Ильича¹⁰ не чувствовал себя в такой степени господином положения в своей сфере работы, как сегодня. Если твое осведомление идет от Нетте¹¹, то это доказывает лишь, что он такой же ловкач по части осведомления о внутреннем положении, как и мастер по части перевозки икры. Этакая балда! Ну да и Чернышов тоже хорош! г...ные коммунисты. Вот за такое головопятие действительно стоит чистить из п[арт]ии.

Завтра я еду в Харьков на сессию ВУЦИКа¹² и для прочтения докладов. Это последнее настоятельно необходимо, и питерцы меня тоже с этим ожидают. Вообще все люди в один голос уговаривают поехать по России и показаться провинции, и в этом, конечно, много справедливого. Того же мнения держится и толстый Авель, у которого я был как раз сегодня. Он ярый сторонник переезда сюда и девочек и уверяет, что и в отношении учения и науки, и в отношении работы, и в отношении удовольствий и природы здесь жизнь будет богаче и разнообразнее, чем за границей.

Погода у нас портится и насчет природы сейчас плоховато. «Испано [Суизой]»¹³ я очень доволен, он какой-то особенно проворный, черт,

в смысле быстроты перехода от нулевых скоростей до 60-80 км, и в силу этого езда на нем по городу сильно отличается от других машин. Сам я за руль, впрочем, ни разу не садился, не до того сейчас, из-за опасения себе простудить бок я езжу уже на закрытой машине, хотя она смахивает уже на Ноев ковчег.

Ну, миланчики мои, пока до свидания. Надеюсь к вам вернуться к ноябрю, к годовщине революции, если не будет каких-либо задержек. Собственно французские дела как будто не вызывают особой спешки, здесь же я за день делаю больше, чем там в полгода.

Пишите почаще и вы, детеныши мои, тоже, Людмилыч, и Катабраса, и Любан! Ведь уж не так трудно раз в неделю черкнуть пару строчек. Целую вас всех крепко, смотрите, чтоб маманя не бегала нагишом по нетопленному дому, одевайте ее в фуфайки без всякого сожаления. Целую крепко всех, тоже Анечку и Лялю.

Ваш папаня.

№ 81.

8 ноября [1923 года]

Милый мой Любанаша!

Я очень огорчился сегодня, узнав от своего великолепного секретаря, что телеграмма тебе не была послана до сегодняшнего дня.

Вероятно, ты был очень этим недоволен, а я, конечно, виноват, главным образом в том, что не усмотрел за своим секретарем, что, впрочем, случается со мной и в других делах: за всем не усмотришь.

В Берлин приехал 6 вечером, а на другой день по случаю советского праздника мне уже с утра почти пришлось участвовать в официальных приемах и торжествах¹⁴. Днем было собрание и концерт в филармонии, и с той самой кафедры, на которой когда-то дирижировал Никиш¹⁵, Крестинский¹⁶ произносил обычную приветственную речь, а затем оркестр филармонии исполнил «Интернационал» и 9 симфонию¹⁷. Все было чинно и довольно импозантно. Но все это было ничто по сравнению с вечерним раутом в посольстве, где собралось до 500 человек представителей дипломатического корпуса, чиновников министерств, промышленников, банкиров и всякой «знати», и тут же коммунисты наши и немецкие. Не думаю, чтобы когда-либо в залах посольства собиралась столь разношерстная компания. Со мной же чуть не вышел скандал в том отношении, что, отложив по обыкновению переодевание до самого вечера, я, начав напяливать на себя смокинг, к большому удивлению констатировал в своих чемоданах отсутствие рубашек, кроме полосатых и пестрых. По дневному концерту публика знала о моем приезде, и отсутствие мое на вечере было совершенно невозможно, пойти же в пестрой сорочке тоже было нельзя. Выход из трагикомического положения был найден только после тщательного обыска моего берлинского чемодана, в котором на дне, по счастью, оказалась одна сорочка, хотя и не безукоризненной свежести. Впопыхах Ляля сорочек мне не положила.

Немцы без различия направлений признают положение трудным до безвыходности, но, скорее всего, дальнейшее развитие пойдет не по пути какого-либо переворота или организованной борьбы, а разложением и нарастанием разных хулиганских и центробежных стремлений доведенной до отчаяния массы. Людьями, просящими милостыни, полны улицы, и у всякой кассы, где платят деньги, на Untergrund[bahn] и пр., стоят люди,

протягивающие руку. Много случаев драк и открытого уличного грабежа. Останавливают днем автомобили и обирают дочиста. На некоторых улицах вечером людей раздевают донага и пускают по домам в белье или даже нагишом...¹⁸ не беспокойся и не воображай разных страстей и напастей, которые вовсе мне не угрожают. Дня отъезда я еще не назначил, но, вероятно, не задержусь здесь более 3-4 дней.

Пока кончаю, а то ко мне пришли и, если отложу, письмо пролежит.

Целую тебя, милая моя маманичка, будь здоров и благополучен, не беспокойся за меня, подготовляйся к отъезду. Следи за своим здоровьем и сном. Крепко тебя и девочек родных целую.

Твой Папаня.

№ 82.

[8 ноября 1923 года]

...¹⁹ Это делается, кажется, по указаниям некоторых правых организаций, старающихся направить движение в русло антисемитизма и демагогических выходов, грабят булочные, а вчерашней ночью в определенном районе планомерно обобрали ювелирные магазины. Понятно, на еврейских магазинах дело не остановится, и применение лозунга «грабь награбленное» в немецких условиях и при отсутствии такого фактора, каким у нас была коммунистич[еская] п[арт]ия и Советская власть, может привести людей к совершенно неожиданным для инициаторов последствиям. Так это все и будет катиться вниз неизвестно докуда и неизвестно куда. Ясно только, ход дела и формы будут здесь существенно иные, отличные от наших.

9 ноября.

С утра известие о переговорах в Баварии, но уже за завтраком у Дейча²⁰ сегодня сообщают, что Гитлер и Людендорф окружены войсками, верными правительству, и что весь этот Putsch²¹ провалился. Итак, у Штретземана²² есть возможность победить баварских сепаратистов, и весь вопрос только в том, есть ли у него к тому настоящая охота...²³

№ 83.

14 ноября 1923 года

Миленький мой и родной Любан! Было от тебя одно письмо и больше нет. Боюсь я, что ты считаешься письмами и уже, может быть, осердился на меня, что я тебе послал пока одно письмо. А между тем, родной мой, я о тебе постоянно думаю, и очень по-хорошему, и люблю тебя, и если не писал, то только потому, что, по обыкновению, с приездом в Берлин здесь оказалось много дел и всякой сутолоки, обедов, завтраков, свиданий и проч. Много приезжих из России, с каждым надо повидаться, переговорить и пр. и пр. Пожалуйста, миланчик, не сердись на меня и не думай ничего плохого, не поддавайся разным наветам и сплетням, и самое лучшее, если бы ты вообще поставил себя так в отношении осведомителей, чтобы они попросту не смели заговаривать с тобою на определенные темы. Потеряешь от этого немного, ибо 99% являются чистойшей выдумкой, а остающийся 1% искажением, кривотолками и сплетней. Самое лучшее, если о том, что тебя интересует, ты будешь спрашивать прямо меня самого, поверь, узнаешь больше и правильное.

Я уже готов к отъезду и со дня на день собираюсь уехать, но ожидаю одного господина, с которым виделся Молченко и который запоздал. Сегодня есть телегр[амма] о его приезде, и я думаю в пятницу или субботу выехать в Ригу, где вагон меня уже ожидает (хотя и был здесь слух, что

вагоны вообще отменяются). Едем вместе с Гринфельдом, но багажа у нас накопилось столько, что я уже не знаю, как мы с ним из Герм[ании] выберемся. Даже только что приехавший сюда Цюрупа (junior)²⁴ уже посылает «небольшую посылочку» в Москву, и так накаплиется целая гора, а откажи — смертельные обиды. Себе я в Берл[ине] ничего не покупаю. Кажется, все есть, а кроме того и цены здесь аховые, пожалуй, не очень много дешевле против Лондона.

Новейшие события (провал мюнхеновской реакционной клики)²⁵ дает надежду на некоторое успокоение здесь, и в декабре тебе и Людмилчику, вероятно, беспрепятственно можно будет проехать через Берлин. К весне, однако, тут едва ли будет спокойно, так как общее положение страны при всяких условиях, даже если бы сейчас были как-либо урегулированы рурский и репарационный вопросы²⁶, еще долго будет продолжать ухудшаться.

Погода тут была довольно неважная, холодно, и у меня неожиданно появилось опять мое ушное заболевание. Маманин ящичек, правда, при мне, и я, вероятно, вовремя остановил распространение этой истории, но все-таки уши несколько припухли, и ощущение несколько неприятное.

Как-то вы там, миланы мои, проживаете? Вам, маманя, я строго-настро-го приказываю побольше спать и часок-другой спать еще и днем. Вон, Стомонякову здесь велено среди служебного времени спать 2 часа, притом непременно раздеваясь совсем, и, хотя он отдыхает таким образом всего 1/2 часа, говорит, что уже чувствует благотворность такого режима. Иметь спальню в кабинете! — это уже действительно геркулесовы столбы, но вообще после обеда нервным людям с полчаса соснуть полезно. Проявили ли снимки? Пришлите. Девочек моих родных целую и прошу их хоть изредка мне писать. Целую Володю, Андрюшу и Нину. Привет В[ере] И[вановне], Ляле и всем знакомым.

Милый мой Любанчик, еще раз Вас целую крепко и нежненько и очень Вас люблю. Не беспокойтесь за меня, и если сердитесь, то не очень.

Целую, твой Папаня.

№ 84.

[16 ноября 1923 года]

Милый мой Любанчик!

Родные мои девочки!

Узнал, что тов. Швец сегодня едет в Амстердам и Лондон, и спешу вам послать свой привет из Берлина, откуда все не могу выбраться: выезжаю завтра или самое позднее в воскресенье, если завтра еще что-нибудь задержит. Ушное мое совсем прошло, и последние два дня я себя опять очень хорошо чувствую.

Милая маманичка, не скучайте, спите хорошо и спокойно, кушайте сливки, собирайтесь к декабрю в путь-дорогу с Людмиланчиком. Всех обнимаю и крепко целую. Как карточки? Привет, ваш папаня.

Пятница.

№ 85.

Москва, 23 ноября [1923] года

Миленький мой, родной и дорогой Любанаша! Вот уже 3-й день я в Москве, и все не мог собраться тебе писать: так много всяких дел на меня свалилось по приезде в Москву, и я еще не вижу, когда выберусь из этого вороха бумаг и множества разговоров и встреч, накаплиющихся, обыкновенно, за 2 мес[яца] отсутствия.

Ну, прежде всего, доехал я великолепно, и, хотя в Берлине и был слух о состоявшемся по случаю свирепой экономии прекращении особых вагонов, все-таки в Риге меня встретил Маринушкин, пригнавший по его выражению, туда мой вагон. На вокзале в Риге было всего 1 1/2 часа времени до отхода поезда. Наташа с мужем тоже была там. Она, бедняга, выглядит неважно, и будто бы у нее доктора находят начавшийся процесс в верхушках обоих легких. А она, несмотря на снег и гололедицу, была на вокзале в легоньком пальто и чуть ли не туфельках вместо ботинок. Вот и делай что хочешь с таким народом! Говорили о переезде на Шатуру или на юг, она говорит, что без своего Феде не поедет, значит, и тут выходит не так-то просто, все-таки он на службе, и перевод потребует некоторого времени, а кроме того, в Крыму сейчас погода начинается не слишком важная. (Вообще же, как мне сегодня сообщил бывший у меня Названов, в Симеизе два месяца они прожили прямо не хуже, чем в довоенном Крыму!)

В Москву ехали впятером, не считая Маринушкина: я, Гринфельд, Туров²⁷ (заместитель Стомонякова) и еще один «красный директор» с женой, Уханов²⁸, едва не умерший в Берлине от аппендицита, возвращался после очень тяжелой операции, и потому я взял его в свой вагон. Из Берлина выехали в 5.45 дня, в 9 часов вечера на другой день были в Риге, на след[ующий] день утром на границе в Себеже, а еще на следующий, в 12 дня, — в Москве; словом, от Берл[ина] до Москвы всего 2 1/2 суток; я даже не совсем доволен такой быстротой, раньше, бывало, успеешь выспаться и хорошенько позаниматься, а тут не успел разложить бумаги, и уже Москва.

На вокзале встретили, как водится, свои комиссариатские, с Сонечкой и Грожаном во главе. Приехал домой, взял ванну и в 1 час дня уже был на заседании Совнаркома, вступив немедленно в бой с Наркомфином и другими по злободневным вопросам: началась нормальная московская работа.

Впечатление от самой Москвы хорошее. Как-то еще больше порядка, на окнах магазинов больше товара, вечерами освещение всюду, особенно по сравнению с полутемным мрачным обнищанием Германии. Что касается дел советских, то я еще, конечно, не вполне вошел в курс, но в общем положение тоже удовлетворительное. Конечно, налицо большой экономический и хозяйственный кризис, ошибки финансовой и внешней политики дают себя знать, между прочим, громадным несоответствием высоких цен на предметы промышленного производства по сравнению с низкими ценами хлеба и сельскохоз[яйственных] продуктов²⁹. В результате получается ограбление мужика, которому почти не из-за чего увеличивать запашку, ибо он ничего не может купить за проданное зерно, а вследствие плохой покупательной силы деревни и промышленность не может встать на ноги, нет сбыта, нельзя нагрузить полностью фабрику и завод; а работая с малой загрузкой они, естественно, производят слишком дорогие продукты. Главным выходом тут д[олжен] б[ыть] внешний заем, кредит на восстановление крестьянского хозяйства, т. е. перемена курса внешней политики — словом, тешешь тот же кол на тех же головах и с тем же успехом. А воз, тем не менее, тихо, вперевалку, то застревая в канаве, то вновь вылезая на ухабистую дорогу, все же кое-как движется вперед и вперед, ибо история — за нас, даже несмотря на все наши ошибки.

В общем, полагаю, мы понемногу идем все-таки на улучшение и так как до весны едва ли что крупное может произойти в Евр[опе] и на наших границах, то, я думаю, всю зиму проживем спокойно.

В доме у меня тоже все в порядке, топливо есть и, по-видимому, всю зиму будет достаточно тепло.

Поэтому, милая маманичка, я вас с Людмилычком жду сюда числу к 15—20 декабря. Полагаю, что к этому же примерно времени Стомонякову придется сюда приехать, и, если вы хотите, я думаю, вы могли бы в его сопровождении доехать до Риги, а туда я пришлю вагон, и даже, очень может быть, дядя Гера придет туда вас встретить, так как он хотел бы повидаться с Наташей. Если Ге не поедет в Ригу, я пошлю туда Ив[ана] Мих[айловича], и вы доедете до Москвы великолепно. Здесь, я надеюсь, тоже будет неплохо: маленькие печурки во всех квартирах (кроме моей) убрали и, вероятно, можно будет иметь третью комнату без риска, что соседи вверху и внизу будут топить картоном и бумагой, наполняя ее едким дымом. Только вот лифт не действует, но, если принять во внимание, что квартира в одном этаже, то в общей сложности лазания по лестнице будет не много больше, чем в Лондоне. Насчет еды Васильевна относительно на высоте, ванна тоже есть.

Итак, миланчики мои, собирайтесь и приезжайте. Запаситесь теплыми вещами, обувью, не мешает взять дюжину кусков мыла и пр., а то здесь все это втридорога. Для меня привезите: 1) 3 мои сорочки крахмальные, 2) оставленные в одной из сорочек манжетные запонки, золоченые. Пожалуй, пару таких запонок можно было бы еще купить, но попроще, накладного золота или золоченых, но не золотых, 3) полдюжины запонок для воротничков — передних и столько же задних — каких, спросите Володю, 4) $\frac{1}{2}$ дюжины коробочек с карандашными графитами у Swan'a, дабы они подошли к моему карандашику, подаренному Володей. Все остальное у меня есть, из белья разве лишь простых полотенец и, м[ожет] б[ыть], еще наволока.

Приезжайте, маманичка милая, непременно, вас тут уже ждут, я сказал Гермаше и Авелю, и они даже в ажитации по случаю вашего приезда. Погода еще неважная, но к вашему приезду, наверно, установится зима и будет хорошо. Работы у меня сейчас очень много, и я еще около 2 недель буду перегружен, а там понемногу войдет в норму.

Крепко всех вас, миланчики мои, целую. Стомонякову я пишу, чтобы он вам сообщил, когда именно он едет в Москву. Если это время вам не подойдет, вы, конечно, можете ехать и без него, в Риге вас если не Ге, то уж Маринушкин встретит во всяком случае, но тогда мне заблаговременно, примерно за неделю, телеграфируйте день вашего приезда в Ригу, чтобы я успел прислать Маринушкина и вагон заранее. Родным моим девочкам, Катабращному и милой Любаше, придется, значит, домовничать. Ну, ничего, пускай приучаются, не все же у мамани под крылышком сидеть.

Привет мой всем.

Ваш папаня.

№ 86.

Москва, 22 июня 1924 года

Милая дорогая моя маманичка!

После Вашего отъезда очень скучно и пусто стало у нас в доме, и я долго не мог привыкнуть к тому, что тебя уже нет и что, пойдя в столовую, я не застаю там тебя в хлопотах около чайного стола, ну да и мухов по ночам у лампы никто уже не ловит. Надеюсь, впрочем, что мне недолго придется жить одному в этой пустыне и что примерно через неделю или дней 10 максимум я следом за тобой двинусь на запад.

Получил твои очень милые и ласковые письма с дороги, радуюсь, что хорошо едешь, и надеюсь получить в тот же день голландскую визу.

Дома у нас все благополучно, идет, как заведенные часы. Я принимаю исправно иод, дошел уже до 12 капель. Лид[ия] Вас[ильевна] исправно готовит мне блинчики и пр., словом, все как полагается. Дела свои привожу в порядок и надеюсь, что послезавтра, в четверг, по НКВТ у меня все будет кончено и задержка останется лишь за немецкой историей. Немцы же не шьют, не порют и явно думают нас взять измором ³⁰.

Ну, пока до свидания, милый мой. Крепко тебя целую и очень нежно вспоминаю. Целую девочек тоже.

24 июня.

Сегодня окончили обсуждение доклада к[омисс]ии Фомина, обследовавшей заграничные торгпредства. Гора, как говорится, родила мышь: комиссия ездила полгода, извела уйму денег, заставила на местах произвести множество всяких дополнительных работ, отчетов и проч., а из конечных выводов и предложений не осталось почти ни одного, и все пойдет своим чередом, как если бы никакой комиссии вообще не было. Таким образом, этот лишний камень с дороги убран, и с этой стороны препятствий к моему немедленному отъезду нет. Остается лишь немецкий инцидент. Впрочем, сегодня решено еще вызвать сюда Раковского и, чего доброго, мне придется его ждать. Но я надеюсь отделаться, все равно мое мнение им нужно лишь чтобы поступать наоборот, могут и без меня обойтись. Р[аковский], как кажется, зашел слишком далеко в своей уступчивости ³¹, и я не знаю, как ему удастся согласовать обещанное с тем, на что может пойти Москва. Теперь вот дело за немцами. От них ни слуху ни духу, и, я думаю, без нажима с нашей стороны они будут тянуть еще долго, а наши проявляют вялость, абсолютно непозволительную.

№ 87.

31 июля 1924 года

Милая моя маманчикка и золотые девочки!

Пишу это вам, уже сидя в вагоне по дороге в Берлин, откуда и пошлю это письмо дальше.

В конце концов я решил уехать в воскресенье, так как немцы не подавали никаких признаков жизни, а мне не век же их ждать. В пятницу днем был я у Рыкова и заявил ему, что в воскресенье крепко решил ехать.

Зашла речь о немецком конфликте. Я начал над ним подтрунивать и пророчил, что они в этом болоте еще просидят, пока не нажмут на немцев. Да как же мы можем нажать, если они не хотят? Велите Чичерину призвать посла и пугнуть его опубликованием переписки и нот и посмотрите, как он запляшет. Так и сделали, и действительно, эффект получился полный. Вначале посол страдал, что Берлин этого не потерпит, что это означает разрыв и может повести к падению кабинета и пр. Наши отчасти этому поверили и поэтому-то меня уговорили остаться еще хоть до вторника, чтобы вместе обсудить меры на случай разрыва. Но когда Ранцау увидел, что мы всерьез грозим опубликованием документов, то уже в субботу он пришел к Чичерину и протокол был подписан. Если бы нас послушали и сделали то же два месяца назад, конфликт уже два месяца назад был бы ликвидирован!

Вот чем вызвана была задержка моего отъезда: вместо воскресенье, я выехал в понедельник 28 июля.

Ну, други мои милые, я жду от вас известий. Пишите или телеграфируйте мне в Берлин, когда вы думаете выехать из Лондона, получили ли визу на проезд через Францию? Я думаю, встретиться нам лучше всего в Генуе или в Сан-Ремо? Я пробуду в Берлине, вероятно, дня четыре, если не будет чего-либо особенного, вроде переговоров и т. д., что выяснится с моим приездом и приездом Крестинского, который едет следом за мной (вероятно, дня через 2-3 после меня). Освободившись в Берлине, я поеду в Геную или Сан-Ремо: либо я буду вас там догонять, либо я буду там ждать, если вы позже моего приедете в Италию. Чтобы не потерять друг друга, имейте в виду, что Старков будет всегда знать мой адрес, и вы, уезжая из Лондона или приехав, например, в Геную, телеграфируйте Старкову, где, в какой гостинице вы остановитесь, а он не медля сообщит мне, и так мы установим связь между отцами и детьми. Очень я рад, предвкушая счастье увидеть, наконец, ваши родные морды и пожить вместе с вами на приволье.

Ну пока, до свидания. Очень в вагоне качает и почти нельзя писать.

Крепко всех вас целую.

Из Риги до Ковно ехал вместе с М. И. Брусневым. Он всем кланяется. Целую вас, милая моя маманичка, и крепко вас люблю и никогда не [забываю].

31 июля. Сейчас подъезжаю к Берлину.

№ 88.

6 сентября 1924 года

Милая моя, дорогая Любаша! Я всю дорогу думаю о тебе, мое родное солнышко, и очень нежно тебя люблю. Не придавай значения тому, что случилось, это мне не мешает тебя любить, и мы будем всегда вместе с тобой жить, и все будет хорошо.

Прости меня, пожалуйста, что я тебе причинил столько горя, мне очень тебя жаль, только не требуй от меня плохого отношения к людям, к которым мне не за что плохо относиться. Не слушай наветов со стороны и не старайся находить всему самое худшее объяснение и низкие мотивы, это не так, могу тебя уверить.

Я же буду тебя всегда крепко-крепко любить и мне просто хочется с тобой быть. Если бы это было иначе, я просто бы от тебя ушел, но этого вовсе нет. Не взял тебя сейчас с собою, потому что еще рано, ты еще не пережила и не переболела всего, да и мне было бы трудно, а силы надо беречь для тех боев, которые мне и всему Внешторгу предстоят [в] ближайшие недели.

Родная моя, займись сейчас собой, своим здоровьем, и хорошо было бы тебе съездить куда-либо на юг, погреться еще на солнце. С деньгами как-нибудь справимся, только пиши мне заблаговременно о своих планах и дефицитах. К зиме надо бы тебе накопить в себе тепла. Еще важно теплее одеваться: ты зимой постоянно простужаешься и на этих простудах много теряешь.

Едем мы очень хорошо и вот уже приближаемся к Ковно. Стомон[яков] решил пока не ехать: ему доктора не позволили прервать лечения, и я послал ему с дороги письмо, чтобы он долечивался. Приедет в Москву дней через десять.

Я здорово сплю, по обыкновению. Едем мы большой компанией. Один том «Ожерелье королевы»³² прочел. Хуже идет с русскими газетами и еще хуже с работой! Обленился я за последние недели здорово.

Пока до свидания, мой милый, хороший мой, ласковый Любан. Поцелуй девочек, не грусти, а главное, будь здоров.

Я тебя крепко целую и обнимаю.

Твой Красин.

№ 89.

[Между 7 и 15 сентября 1924 года]

Милая моя мамоничка!

Я очень скучаю, не имея от вас никаких известий, хотя утешаюсь тем, что, если бы у вас что-нибудь было не в порядке, мне бы скорее сообщили.

Пожалуйста, миленький мой, не беспокойся и не предавайся никаким злым мыслям. Я очень тебя люблю, и ты мой родной и любимый навсегда, и никто и ничто этому не помешает и нас с тобой не может разлучить.

Крепко тебя, родимого моего, целую и обнимаю вместе с дочками моими неоцененными.

Твой Красин.

№ 90.

20 сентября 1924 года

Милая моя дорогая и любимая моя маманичка! У меня два или три листка с начатыми для вас письмами, но меня так рвут на части, что я не могу их закончить. Со всех концов Европы съехались люди, а тут еще и свои немецкие дельцы, и я буквально целые дни принимаю, диктую телегр[аммы] и пр. и пр. Начинается работа сразу довольно оживленным темпом, и вы не сердитесь на меня за отсутствие обстоятельных писем.

Смогу посылать вам, миланчики мои, лишь коротенькие записочки. В Москве, видимо, тоже сразу придется впрячься вовсю. Аванесов³³ не выдержал марки и, не дождавшись моего приезда, слег и сейчас уезжает на 2 недели в Крым, и, таким образом, комиссариат и без главы и без зама. В самом НКВД как будто все в порядке, но в других местах куролесят по-прежнему: глупые назначения, замена знающих людей черт знает кем и проч. и проч. Чистое наказание! Ну, я здорово заправился силами и смогу тянуть нагрузку.

Вообще же сведения из России неплохие, неурожай, кажется, [не] меньше, чем сперва предполагали, и вообще настроение, говорят, неплохое.

Чтобы не задерживать письмо, кончаю, а то опять кто-нибудь перебьет.

Целую вас всех крепко, мои милые, очень скучаю и прошу мне писать. Herr Krassin, Lindenstrasse, 24—26, Berlin. Если я и уеду, мне перешлют с воздушн[ой] почтой. Не засиживайтесь в Венеции, поскорее устраивайтесь в Лондоне на зиму (Лукки³⁴ и Люба), а маманя и Катя приезжайте в Москву.

Молитву, маманичка, читаю и очень вас и отродье ваше люблю. Крепко целую. Ваш папаня.

№ 91.

22 сентября [1924 года]

Милая маманичка и родные мои девочки!

Получил письмо мамы и Кати из...³⁵, и хорошо, так как я очень соскучился и хотел уже запрашивать телеграммой, где вы. В Берлине чувствую себя уже почти как в Москве. Кроме Турова и других беженцев здесь Рабинович³⁶, Гарденин, Штоль, Березин (пом. Игнатьева³⁷) и затем еще полпреды из Праги, Вены и много всяческих других людей со всех концов Европы — целый съезд³⁸.

Поеду в Москву со Свердловым, который был здесь и решил меня подождать, чтобы ехать вместе. Много всяких переговоров и свиданий с самыми разнообразными деловыми людьми. То о бакинских нефтепроводах, то о кинофильме, то о пароходе. Вчера, в воскр[есенье], я ездил за город с гл[авным] директором киноконцерна «Ufa»³⁹ осматривать фильм-городок в Новом Бабельсберге⁴⁰, где на открытом воздухе ставятся разного рода фильмы и где применяется остроумная система декораций, комбинируемых с натурой для достижения всяких эффектов. Очень подробно осмотрел все их устройство и выслушал ряд докладов, в том числе одного из лучших германских режиссеров. Таким образом я пополняю свое кинообразование и готовлюсь к московской киноработе. Загар мой, увы, начинает сходить, но все-таки все наркомвнешторговцы не могут надивиться, как я хорошо выгляжу. Москва уже бомбардирует телеграммами, когда приеду!

Судя по письмам, там все обстоит all right⁴¹, по крайней мере по НКВТ. Запрашивают, присылать ли вагон: очевидно, Маринушкин не прочь съездить в Ригу. К его разочарованию, послал телеграмму — вагона не надо.

Ну, роднанчики мои, как же вы-то без мамани поживаете? Очень меня огорчает, что маманя опять немного сдала. Я это положительно ей запрещаю и очень вас, маманичка, прошу потолстеть, и не скучать, и хорошо кушать. Если вы в четверг выезжаете, то это одновременно со мной: я тоже в среду буду иметь званый обед у Kriege с моим докладом, а в четверг уеду, если не случится чего-либо непредвиденного. Во всяком случае я в М[оскву] спешу еще из-за отъезда в Крым Аванесова.

Крепко Вас обнимаю всех и целую.

Привет Б. С. Ваш папа.

№ 92.

26 сентября 1924 года

Милая моя мамоничка и золотые мои Лукки, Катя и Люба! Пишу вам еще из Берлина. Не удалось уехать, во-первых, из-за моего доклада германским разным Geheimrat'am⁴² и статс-секретарям о нашем хозяйственном положении, а во-вторых, из-за необходимости дожидаться здесь Старкова, который приезжает сегодня вечером. Я виделся с ним в Санта Маргарите, но здесь, в Берлине, накопилось много материала для разговоров. К тому же Туров тоже болен и немедленно по приезде Старкова идет в отпуск. Свидание с В. В. [Старковым] необходимо, видимо, еще и потому, что из Москвы идут усиленные слухи о состоявшемся будто бы решении перевести Ст[омонякова] на какую-то работу в Москву. При условии ухода Стом[онякова] и болезни Турова такой перевод означал бы полный развал и разгром берл[инского] отделения, и я вообще не понимаю, какому черту нужно совать нос в это внутреннее распределение работников НКВТ. Очевидно, что предстоит по этому поводу вести целую баталию в Москве и сговориться с В. В. [Старковым] по всем главнейшим вопросам. В Москву тоже надо поторапливаться, и, хоть я здесь не сижу без дела, там мое присутствие еще более необходимо. Выезжаю туда окончательно завтра, 27 сентября, и буду там, стало быть, 30 сентября.

Полагаю, что вы сейчас тоже уже в пути и поэтому шлю это письмо по парижскому адресу, записанному Любашей в моей записной книжке. Не знаю, насколько правилен этот расчет, но так вышло по вашему письму.

Опасаясь я, как бы вы не сели на мель с деньгами из-за изменения всей поездки.

Купил пылесос и везу его с собою, равно и электрический чайник.

При упаковке вещей в Лонд[оне] для отправки в Ленинград необходимо составить в 3-х экземплярах точную ведомость ящиков, с указанием номеров и содержимого (примерно), и послать 1 экз. мне в Москву (курьером через Аркос или торгпредство, 1 экз. в Питер тов. Бегге ⁴³, на имя которого надо отправить транспорт, и 1 экз. ставить про запас у себя. Володя, вероятно, знает, как такие отправки делаются, если же нет, возьмите кого-либо от Аркоса.

27 сентября.

Милая маманичка!

Пишу две строчки за несколько минут до отъезда в Москву.

Едем вместе со Свердловым, чему я рад, так как ехать одному не особенно удобно в отношении вещей, тем более в восточных-то государствах. Я доволен, что вырвался из Берлина, где чем дальше сидишь, тем больше всяких приемов и визитов. Старков вчера вечером вернулся, и главнейшие вопросы мы с ним обсудили, так что и с этой стороны дело в порядке.

Я все еще полон итальянским солнцем, с тою разницей, что с меня совершенно сошла итальянская лень и я с большим удовольствием примусь вновь за работу.

Купил, маманичка, даже рейтузы! Надо только молить Богов, чтобы они не простояли в углу, подобно лыжам.

А вот для сведения девочкам, старшей и средне-старшей, посылаю газетную вырезку, доказывающую, как опасно излишнее увлечение «похудением». Пусть-ка каждая из них прочитает эту заметку и переведет ее для контроля тебе.

Ну, пока до свидания. 30-го надеюсь быть в Москве, откуда вам пошлю телеграмму. Крепко вас всех целую и обнимаю. Читаю все положенные большие, средние и маленькие молитвы и жду вас, милая маманичка, поскорее в Москву ⁴⁴. Любящий Вас Ваш папаня.

Привет Володе и Ляле.

П. С. Мои костюмы ты, мамоничка, ужхвати с собой: мои в Москве годны лишь для повседневной службы, в Лондоне же есть два совсем новых (черный с полосатыми бр[юками] и коричневый полосатый), — они мне будут вполне кстати для более официальных выступлений. Здесь за шитье костюма приходится платить 100 марок, т. е. вдвое дороже Италии. Вообще здесь все цены в 1 1/2-2 раза выше итальянских. Мой костюм из купленной в Венеции материи сегодня будет готов, еще не знаю, как это удастся.

Я чувствую себя хорошо и бодро, совершенно не утомляюсь, постараюсь в Москве по субботам и воскресеньям отдыхать и, может быть, даже буду ездить верхом. Берегите и вы накопленное за Лидо здоровье, в особенности Вы, мамоничка. Я очень по вас всех соскучился, постоянно о вас думаю и всех вас крепко целую и люблю. Поскорее собирайтесь из Лондона и приезжайте в Москву, как только устроите Лукки и Любу.

Крепко обнимаю и целую.

Папаня.

Милая моя дорогая и золотая маманичка!

Наконец-то я получил вчера телеграмму Володи с вашим адресом, а сегодня пришло письмо Людмилы, и я теперь более или менее ясно себе представляю, где вы и что с вами, а то я уж совершенно терялся в догадках, ты же в своих телеграммах не давала адреса, а я не понимал, почему мои адресованные в Лондон письма до вас не доходят. Даже написал было вам сердитое письмо по поводу вашего молчания, но не отправил, решив дождаться ответа на отправленную Володе телеграмму, да и [не] хотелось мне посылать Вам, родному моему и милому, сердитого письма.

Очень печально, что Манухин нашел твои легкие не совсем в порядке, но, я думаю, унывать нам не следует, в нашем возрасте это вещь, не представляющая особой опасности, если, конечно, не запускать и лечиться, а во-вторых, я все-таки еще не уверен в диагнозе Манухина, и, полагаю, следовало бы его проконтролировать обращением к какому-нибудь выдающемуся и абсолютно авторитетному специалисту. Я несколько пеняю на самого себя за то, что рекомендовал тебе пойти к Манухину. Мне тут сообщили о нем не очень утешительные вещи. Будто бы теория его какими фактами еще не подтверждена, а практикует он, как и всякий модный доктор, и дело ведет более или менее как лавочку. Сообщи мне, пожалуйста, какое он на тебя производит впечатление, и не опасешься ли ты, что он находит болезни, может быть, даже и у здоровых людей, чтобы оправдывать на их лечении свои теории. А тут еще, пожалуй, возмнил, поверив белым газетам, что имеет перед собой жену чуть ли не богатейшего человека Европы. Во всяком случае, необходимо проверить его диагноз обращением к первоклассному специалисту по этого рода болезням и непременно проделать все полагающиеся в таких случаях анализы и исследования в более или менее нейтральном клиническом месте, чтобы вполне элиминировать⁴⁵ если не частную заинтересованность, которой, м[ожет] б[ыть], в данном случае и нет, то, например, увлечение своей теорией или методом лечения и т. п. Я очень прошу тебя, милый мой Любан, сделать это, т. е. показаться лучшему специалисту, профессору по легочным заболеваниям.

И напиши мне обо всем возможно подробнее, я спрошу здешних врачей.

Я послал вам за этот месяц 4 или 5 писем на адрес Володи: 54 Eton Avenue, и очень будет жаль, если они пропали по небрежности жильцов этого номера; другого же адреса у меня не было. Ваш теперешний я считал действительным только на время вашего проезда через Париж, не думая о том, что вы там же могли остаться на несколько недель.

Я живу здесь более или менее по-прежнему, т. е. как жил до приезда мамани: ухожу из дома с 10—9 1/2, приезжаю с 4-5 или 5-6 на обед и возвращаюсь вечером. Чтобы не потолстеть (о ликование Лукки и Кати!), вечером не ем горячего, а лишь холодную закуску и стакан чаю. За обедом, если в супе есть мясо, то больше мясного уже не полагается. Лид[ия] Вас[ильевна] обслуживает меня более или менее удовлетворительно, и с этой стороны все в порядке. Хуже с квартирой. Тут идет развал, ибо оказалось, трубы отопления не были отремонтированы, и сейчас пришлось все разбирать, частью выламывать, и я еще не вполне уверен, сделают ли эти головотяпы все как надо. Как это вышло, что при весеннем ремонте эта

важная статья была обойдена, не знаю, но факт тот, что все забито внутри ржавчиной, и у Нариманова ⁴⁶ батареи тоже не действовали. По сиюминутности пробьем стены и поставим дверь в столовой и в ванной.

Если бы не бешеная работа, было бы очень скучно, я привык к вам, мои родные, за лето, и теперь одному трудненько: только и есть, что думать и чувствовать некогда, всякая минута занята если не разговором или письмом, то размышлениями на тему к какой-нибудь из тысячи недоделанных работ или планов. А особенно мне жалко, что нет меня с вами сейчас, когда маманичка себя больным чувствует и когда надо бы его приласкать и приголубить, подбодрить. Еще я беспокоюсь, что вы там останетесь у меня без денег. Пожалуйста, напиши мне, маманичка, и об этом. Я одновременно с этим пишу Штолю и предупреждаю его, что ты к нему обратишься за деньгами, чтобы он переводил тебе без замедления. Будет ли тебя Манухин (или кто тебя лечит) держать все время в Париже, или тебе необходимо будет поехать на юг? Кто-нибудь из девочек, если не обе, останутся, конечно, с тобой. А как же насчет приезда в Москву? Если квартира у нас будет в порядке, то ведь зимой здесь неплохо? Или тебе нужно будет климатическое лечение? Напиши обо всем этом подробно.

Главное же, еще раз повторяю, это проверка манухинского диагноза объективными исследованиями. Еще же главное и самое главное, не терять бодрости духа, опасного у тебя ничего нет и быть не может, с такими и большими болезнями люди живут десятки лет, если соблюдать правильный режим.

Что тут иногда делается, уму непостижимо. Вот случай с Цюрупой А. Д. Лечился он все лето от своего сердца в Германии и уже собрался выезжать в Москву (3 дня спустя после моего отъезда из Берл[ина]), но почувствовал себя очень худо, отчаянные боли, словом, попал на операционный стол — воспаление желчного пузыря. Оказалась в этом пузыре целая каменоломня, притом отдельные камни со сливу добрую величиной. Стенки пузыря были уже настолько тонки, что, если бы операция запоздала на день-два, спасение было бы невозможно. Операция прошла удачно, и теперь А. Д. [Цюрупа] вне опасности, но мало того: Краус объявил, что никакой болезни сердца у Цюрупы нет и что все было на почве этих камней! А сколько раз человека рентгенофотографировали!

Ничего, родной мой, милый Любан, не унывай и не падай духом, мы еще поборемся и повоюем с болезнями-то!

Я тут справлялся насчет коров. Оказывается, Цюрупа Григорий уехал куда-то в Туркестан, ни черта, по-видимому, не сделав, от Гринфельда же и дяди Миши я ничего не мог толком добиться и даже не знаю я, кому именно и сколько передано вырученных с концерта денег. Мне жалко, что ребята к зиме остаются без коровы. Пожалуйста, маманичка, напиши, кому и сколько ты передала денег на это дело. Если это не сделано, то сколько была выручка? Надо же все это как-либо урегулировать и корову купить. Пожалуйста, миленький, напиши мне об этом поскорее обстоятельно.

Да, вот еще что! Напиши, в каких именно сундуках (где стоят) мои теплые вещи и где ключи? Если они у тебя и плоские, то в хорошем конверте ты могла бы мне их прислать заказным письмом — либо во Внешторг (Ильинка, 14), либо на квартиру. Становится холодновато, и шуба и шапка мне скоро понадобятся.

В доме без тебя очень пусто. Сейчас обедаю в соседней со спальней

девической комнате — в остальной квартире все убрано и покрыто: идет ремонт.

Ну, пока прощайте, милые мои.

Крепко тебя, маманичка, целую и обнимаю. Тоже и дочерей моих родных. Будьте благополучны и пишите мне. Ваш папаня.

На письмах, адресуемых во Внешторг, пишите обязательно личное, а то секретари их вскрывают.

П. С. Лукки пишет в своем письме: «Мама не хочет лечиться, но мы настаиваем». Конечно, надо немедленно начать лечиться, я только не знаю, у Манухина ли или у кого-то другого.

Но лечиться надо начать немедленно и систематически, об этом даже и речи быть не может, чтобы запустить такие дела, раз обнаружился какой-то непорядок в легких. Это ты, родная маманичка, должна в первую голову понять и усвоить и не только не противиться, а всячески помочь тут врачам. При немедленном и серьезном лечении ты, несомненно, быстро поправишься.

Или ты тогда скорее приезжай сюда, выпишем тебе Гришу Таубмана, поселим тебя где-нибудь в санатории близ Москвы и давай лечиться здесь, и Катабранского с собой захвати. Но только надо браться за систематическое лечение, а не запускать болезни.

Письмо, посланное Лукки с Luftpost ⁴⁷ с датой 12/10 получено 24/10 — простое дойдет скорей.

А адрес Лукки тоже не написал.

Целую вас всех.

Я себя чувствую хорошо. Загар, правда, прошел, но я бодр, не утомляюсь, сплю по 8 часов в сутки.

1925 год

№ 94.

2 февраля [1925 года]

Милая моя маманичка, золотая моя голова!

Вот уже 4-й день я в Москве — взяли меня в переплет почти что с самого начала, кручусь с утра до ночи, дела много. Настроение в общем хорошее, никаких неприятностей или тому подобное не замечается, и, может быть, даже и по трудным вопросам удастся наметить более или менее обнадеживающие решения. Пока, впрочем, идут лишь прелиминарные разговоры, настоящие совещания начнутся на будущей неделе. По НКВД дела едва ли не еще больше, но атмосфера в общем тоже сносная, лучше, пожалуй, чем можно было ожидать.

Видел Гермашу — у них все здоровы. Его зовет Госбанк строить в Москве большой небоскреб; кажется, согласится. Хуже дела у Сонечки: у ней на днях был порядочный сердечный припадок, и она уже 3-й день лежит — очевидно, переутомляется сильно и забот немало, трудно ей с ребятами при этих всеобщенищенских окладах перебиваться. Ася тоже все была больна ангиной. Только сейчас поправилась. Бориса и Марусю еще не видел. В квартире все благополучно, тепло и чисто.

Был сегодня с визитом у Эрбета ⁴⁸. Он очень просит тебе кланяться, благодарит за М. Ф. ⁴⁹ и Бориса, которые им много помогли. М-те я еще не видел: через неделю буду у них с Чичериным обедать. В общем, Эрбеты,

кажется, довольны, если не считать убогой их сметы и несоответствия со здешними ценами.

Как же вы, мои миланчики, там поживаете? Как здоровье маманички, как шоферы мои знаменитые Лукки и Катя, как «живущий»? Я ежечасно о вас, мои милые, думаю и уже начинаю скучать. Ну, да долго я здесь не задержусь. Скоро увидимся. Крепко всех вас целую и обнимаю.

Целую всех крепко. Папаня.

№ 95.

8 февраля 1925 года

Милая моя маманичка и родные мои девочки! Ну вот уже больше двух недель, как я от вас уехал, и у меня впечатление такое, что мы уже $\frac{1}{2}$ года не видимся. Более или менее освоился с Москвой, повидал людей, начинаю вступать в регулярную работу. По линии НКВД продвинулся уже довольно далеко. Останется еще несколько совещаний, и хоть уезжай в Париж. Не скажу, чтобы я намного стал умнее, чем до приезда сюда, но все же кое-какие решения приняты, и я смогу разговаривать увереннее, зная, что приблизительно может считаться подходящей базой для соглашения. Настроение здесь в общем неплохое, в частности, по отношению лично ко мне у всех даже очень хорошее, и в этот приезд, по крайней мере, до настоящего времени, никаких признаков каких-либо интриг или подкопов не имеется и в помине. Все кроме того сознают и чувствуют громадную ответственность задачи, а глупая выходка этой сумасшедшей бабы перед воротами посольства показала всем, что пост этот далеко не представляет собой спокойной синекуры, и, думаю, даже не очень много сейчас на него нашлось бы охотников⁵⁰. Как ни как атмосфера, повторяю, очень здоровая и даже дружественная. Во Внешторге дело несколько труднее, поскольку атаки на монополию не прекращаются. Спокойнее в этом отношении будет, когда сюда явится Стомоняков: он будет сторожевым цербером и положиться на него будет можно. Приезжает он завтра, и это примерно определяет срок моего отъезда — дней 12—15 от сего числа считая. Мне надо около 2-х недель пожить тут вместе со Стом[оняковым] и Фрумк[иным], чтобы они притерлись друг к другу еще в бытность мою здесь. Тогда смогу спокойно уехать месяца на 3-4.

Наши все в порядке, кроме Сонечки, у которой сердечные припадки были, и она уже неделю в постели. Сильно утомляется и трудно ей, бедняге, с семьей и денежными затруднениями. Гермаша и Катя выглядят хорошо. Москва в общем имеет хороший вид: громадное движение на улицах, магазины полны, цены почти не повышаются, только погода дикая — снег сошел вовсе, я хожу в парижском одеянии, и, если вдруг хватит мороз, хлеб может сильно пострадать.

На днях с Литв[иновым]. Чичер[иным] и Раковским были на обеде Эрбетов. Madame l'ambassadrice⁵¹ приходится туго с прислугой с незнанием языка и особенно, вероятно, с бюджетом. И сервировка (это еще туда-сюда: посуда и пр[очее] еще едут), но и самое содержимое обеда было более чем скромным. Куда до наших!!

К Эрбету лично отношение здесь хорошее, но Париж ему так же мало, и пожалуй еще меньше, помогает, как М[осква] мне. Скоро, пожалуй, начнут его попрекать, что он слишком советизировался. Тон всегда задает маленький чиновник.

Маруся и Борис Эрбетам много помогли, и самовар пришелся им весьма кстати.

Ну, а как же вы, мои миланчики, поживаете? Так бы и взглянул на вас, хоть одним глазком.

Как маманичкино здоровье и ваша учеба? Как себя чувствует «живущий», приехала ли Ляля, как внутренний весь распорядок: не передрались ли почтенные коллеги?

Насчет нашего enfant terrible ⁵² Чич[ерин] и Литв[инов] очень нажимали на выпирающие. Я занял позицию благожелательной умеренности, памятуя, что могут и похуже кого-либо подыскать, все решили оставить как есть, а теперь этот балда сам просит об отозвании ввиду наличности «крупных политических разногласий» — в чем они состоят, никто, кажется и сам он, не знает. Какое будет решение, еще не знаю.

Крепко вас, милые мои, целую и обнимаю. Скоро, надеюсь, увидимся. Пишите сюда, так, числа до 15-20 февраля. Ваш Папаня.

№ 96.

15 февраля [1925 года]

Милая моя маманичка, дорогие мои любимые дочери!

Я уже совсем было начал подсобираться в путь-дорогу и предполагал около 20 выехать к вам, но сейчас возникает неожиданная задержка. Авель приехал с Кавказа и привез оттуда наказ мне непременно приехать к ним в Тифлис на сессию ЦИКа, имеющую открыться 1 марта, и выступить там с докладом. Придают значение этому в связи с двусмысленной позицией Франции в вопросе о признании Грузии ⁵³ и хотят приездом моим на Кавказ подчеркнуть, что в Париже я представляю не только РСФСР и Украину, но и республики Закавказья. Конечно, вся эта поездка возьмет не менее 2 недели, и, если она состоится, я попаду к вам, пожалуй, только к 15 марта. Я говорю «если», потому что НКВД заявляет протест, и в четверг ЦК решит окончательно, ехать ли мне в Париж или в Тифлис. Переговоры ⁵⁴ предполагается вести с прохладцей, не торопясь, и с этой стороны препятствий к поездке в Тифлис не имеется. На Кавказ (в том числе, конечно, и в Баку) съездить мне надо, и, пожалуй, лучше это сделать теперь, а то как начнутся переговоры, я буду прикреплен к Парижу, а там, глядишь, подоспеет Америка. Лично я склоняюсь поэтому к поездке, да и Авель очень уж настаивает ехать всем собором. Если же возьмет верх мнение НКВД, который находит, что не особенно удобно так долго быть вне Парижа, то я выеду, вероятно, через дней 10, если на раньше. Зависеть это будет, главным образом, от того, как тут уживется и сработается Стомоняков. Он уже приехал и начинает работу. Здоровье, кажется, в сносном состоянии.

На днях заболели Гермаша и Митя, оба испанкой. Неудивительно: зима совсем гнилая, снега нет, ездят на колесах, улицы полны миазмов и грязи. Немного побаиваюсь за Гермашу, инфлюэнца протекает теперь иногда с разными осложнениями. Сам тоже берегусь и к Красным даже не хожу, а только говорю по телефону — видите, какой я стал благо-разумный. Сонечка поправилась, но все же ей придется недельки на 2 пойти для отдыха в санаторий. Ася собирается с Помзей ехать на год в Японию, работать в торгпредстве, благо знает английский язык. Но это, впрочем, еще в проекте.

Как же вы-то там поживаете? Последнее письмо мамани от понедельника, на третий день после моего отъезда, и затем я ничего от вас не имею. Послал уж вам вчера телеграмму. Как-то идут там у вас дела?

Вопреки ходатайству Ш. о возвращении в М[оскву] (к чему и я после его

письма склонялся), постановили оставить его в Париже. Чего доброго, начнет колобродить и придется его унимать домашними средствами. Насчет сметы и штатов дело более или менее благополучное, кредиты, вероятно, все проведу.

Из одного письма Волина ⁵⁵ я с некоторым удивлением прочел о том, что открывали мой шкаф. Как это было сделано и почему мне не телеграфировали? Неужели они уже издержали все деньги, какие им были даны. Мне это не совсем нравится, к тому же в шкафу есть и деньги НКВТ (автомобильные), которых ни в коем разе нельзя трогать. Вообще же тут идет отчаянное жмотство и экономию предписывают сугубую и во всем — с души прет.

Теперь два слова о моем приезде. Так как уверенности в том, что к приезду не будет подготовлен какой-либо сюрприз, полной ни у кого нет, то нужно бы с Еланским ⁵⁶ и Волиным обсудить, как этот приезд обставить. Может быть, целесообразнее будет встретиться, напр[имер], в Брюсселе и оттуда на автомобиле? Или просто ехать обычным путем? Я только ставлю вопрос на обсуждение, тем более, что ведь не знаю, как там складывается обстановка и какие поступают сведения. Разумеется, никакого беспокойства я не испытываю и, по всей вероятности, надобности в особых каких-либо мерах не встретится, но подумать об этом все же не мешает. Я на день-два остановлюсь в Берлине, и ко времени моего приезда туда надо, чтобы там, у Крестинского, были уже совершенно точные указания, каким именно путем и какими поездами ехать.

Ну вот, пока все. Едет курьер и надо письма сдавать.

Крепко всех вас целую и обнимаю. Ваш Папая.

№ 97.

Москва, 1925, август [начало месяца]

Милая моя Любаша! Время идет быстро, и вот уж три недели, как я из Парижа. Здесь совсем не замечаешь, как летят дни: каждый день надо так много сделать, и сама работа интересна и захватывает целиком. Первые бои прошли для нас удачно, в частности, мой доклад ⁵⁷ произвел на аудиторию очень большое действие, и отзвук его пошел волной по городу. Создался известный перелом, и имеется сейчас еще до окончательного обсуждения большая уверенность в успешном для нас исходе всей кампании.

Сейчас приехал Филипп Р[абинович], и на днях начнется «судоговорение» по лондонским делам.

Конечно, мне уже пришлось впрячься и во всякую другую работу. Экспорт хлеба попал в затруднительное положение из-за дождливой осени. Мужик не везет хлеба, а за границей мы запродались уже порядочно. Выворачиваться очень трудно, тем более, что в организации самой заготовительной кампании наделано немало ошибок.

Я занят до такой степени, что даже в юбилее Академии наук ⁵⁸ не принял почти никакого участия, уже не говоря о поездке в Питер, но даже на главном банкете не мог быть, так как кончал свои тезисы и брошюры по внешней торговле. Только и выступил раз на вечернем заседании с приветствием от Совнаркома. Академиком и ученых приняли на славу, накормили и напоили так, как им и не снилось, и все это во дворцах, в самой торжественной обстановке. Думаю, у многих от обжорства будет расстройство желудков, а есть ведь 85-ти и даже 90-летние старцы. Вообще посеща-

емость СССР иностранцами сильно возросла, и уже делается модой поехать в Москву.

Виделся с Гермашей. Все они здоровы. Наташа сейчас здесь и в четверг ворочается в Констан[тинопо]ль. Ругает его на чем свет стоит. Авеля тоже видел мельком; мало изменился, был на Кавказе, но кроме проливных дождей ничего там не видел.

Мне почему-то кажется, что у вас в Vichy тоже дожди: я там был один день в 1905 г., и дождь лил сплошной.

Здоровье мое хорошо, принимаю иод и чувствую себя отлично.

Пишите мне и извещайте о перемене адреса, иначе неизвестно, куда адресовать письма. Крепко вас всех, милые мои и дорогие, целую.

Ваш папаня.

№ 98.

11 сентября 1925 года

Милая моя, дорогая золотая и любимая маманичка! Не сердитесь, что я Вас так зову, родной мой дружочек, но я всегда о вас ласково думаю, как о маманичке моих золотых девочек, и я не знаю, почему бы это должно было Вам быть неприятно.

Ну вот, я и опять в Москве. Встретила она меня плетью: льет дождь, холодно вообще, видимо, конец лету. Погодка эта нам будет стоить миллионов 300 из-за ухудшения качества хлеба и неполной его уборки.

Дома в квартире отчаянный развал, эти черти ухитрились дотянуть ремонт отопления до сих пор и, вынимая трубы, разворотили все стены ниже уровня подоконников, насвинячили по всему полу, запылили мебель, вообще мерзость и разрушение. Пропаж и поломок как будто незаметно, но недели две этот хаос еще продлится. Впрочем, мне до всего этого мало дела: тут столько вопросов и такая предстоит борьба, что не до внешней обстановки. Первый бой будет уже завтра, на пленуме: доклад их о преобразовании и мой содоклад по этому же поводу⁵⁹. Я себя чувствую прекрасно, сию минуту как раз надиктовал несколько листов тезисов, думаю, что, несмотря на то, что я почти один буду выступать против целой стаи, атаку эту мы отобьем. Пленум же ЦК предстоит еще 25 сентября, и вся история затянется, верно, изрядно.

С нашими франц[узскими] делами выходит все-таки крупное недоразумение, и все полученные мною из Парижа телегр[аммы] звучали здесь как ирония. Французы опять решили нас надуть, а наши ребята этого не поняли и чуть-чуть не попались на удочку: связать выдачу флота с урегул[ированием] долгов, т. е. фактически флота не давать, ибо ясно, что в этих условиях мы флота сейчас не получим⁶⁰.

Ну, вот это пока все, некогда больше писать.

Целую тебя крепко и нежненько, роднуша моя, письмо посылаю через Париж, ибо в адрес в Виши не очень-то верю.

Девушек моих родных крепко целую и обнимаю.

Любанчик, мой милый, не скучай, береги здоровье, пищи.

Твой, тебя любящий Красин.

Шлю письмо в Виши, ибо до курьера неделя.

№ 99.

[После 12 сентября 1925 года]

Родные мои!

Пишу две строчки, ибо почта уходит сегодня, а у меня буквально ни минуты свободного времени. Вступили в полосу боев, и первое сражение,

в субботу 12 сентября, прошло с очень хорошим для нас результатом. Я был в ударе и в часовой речи изрядно потрепал своих противников. На днях имел разговор со Стал[иным], и, к удивлению, он занял очень примирительную позицию ⁶¹. Конечно, еще рано говорить о результатах, но все же имею большую уверенность в конечной победе.

Здоров вполне, и настроение у меня великолепное.

Как же вы-то, мои миланчики, поживаете? Маманечка, не скучайте и берегите ваше здоровье. Людмиланчик мой, предписываю тебе тоже совершенно вылечиться.

Целую, обнимаю вас всех, крепко целую.

Будьте здоровы и благополучны.

Милый мой Любан, крепко тебя целую в особицу, очень тебя люблю, помню, скучаю, всегда о тебе думаю. Аминь.

Ваш папаня.

№ 100.

6 октября 1925 года

Милый мой, дорогой и родной Любанаша, солнышко мое золотое! Мне очень жаль, что я могу тебе послать только это коротенькое письмецо, но Гринфельду приспичило выезжать как раз и именно, когда у нас в полном разгаре пленум ⁶² и когда мне приходится развивать действительно невероятную работу.

Бороться пришлось на все фронты, и, по сути, мне одному, ибо хотя М. И. [Фрумкин] вел себя при всех выступлениях вполне корректно, но в наиболее боевые моменты все же ступшеывался на второй план и все удары приходилось принимать мне. Сколько я за это время продиктовал и написал разных тезисов, брошюр, поправок, резолюций и пр. Произнес уже четыре больших речи, из них последнюю как раз сегодня, перед всем пленумом. В общем, НКВТ выходит (или выйдет, ибо история еще долгая: сегодня выбрана комиссия для разработки проектов постановлений, и она может работать еще месяцами), вероятно, без особенно большого урона. При внимательном нашем отношении к делу и выдержанном руководстве можно бы и вовсе обезвредить предположенные изменения. Вообще, из подготовленного рядом ведомств большого нападения против НКВТ и монополии внешней торговли не вышло ровным счетом ничего: они плюхнулись в лужу самым позорным образом, и разбито это кольцо было главным образом моими выступлениями, это я могу без лишней скромности утверждать.

Но вместе с тем совершенно удручающее впечатление остается от той быстроты, с которой большинство руководителей катится вниз по наклонной плоскости нэпа. Даже Троцкий, бывший резким сторонником мон[ополии] вн[ешней] торг[овли], получивший на ее защиту мандат от Ленина, путается сейчас самым невозможным и позорным образом и лишний раз подтверждает для меня лично давно очевидную неспособность свою разбираться как следует в хозяйственных вопросах, не говорю уже о всякой публике помельче. В «тройке» ⁶³, впрочем, на этот раз я нашел довольно прочную поддержку, и даже Ст[алин] был очень внимателен, и, несомненно, благодаря его директивам (после моего подробного доклада), мы уберем от слишком большой ломки и разрушительных перестроек.

Фр[умкин] едет сейчас на 3 нед[ели] за границу. Бор[ис] Спир[идонович] Стомоняков] вчера приехал, выглядит хорошо, но неизвестно, надолго ли

его хватит. До возвращения Фр[умкина] мне во всяком роде придется быть тут, да еще съездить в Питер и Харьков для выступлений с речами. Правда, мы еще не знаем, какие новости будут с приездом из Америки Каю[рова], но общее здесь настроение таково, что французы еще не созрели для серьезных разговоров и что нам смешно было бы так уже навязываться с признанием им долгов: проживем и без этого, им же хуже, если этот вопрос проваливается без движения еще годик-другой.

Миланчики вы мои, я очень по вас соскучился и, кроме того, я не знаю, где вы, собственно, сейчас. Из письма, писанного маманей в Vichy, выходило, что вы хотите ехать в Италию, но вот уже недели полторы нет ни писем, ни телеграмм. Предыдущее письмо (не мое, а Авеля) я послал вам через Анечку.

Мало кого еще здесь видел из-за плена, сперва ЦКК, а теперь ЦК. Комиссариатская работа и члены коллегии еще ждут своей очереди, не мог выбрать времени для их приема. Видел два раза Наташу. Сейчас как раз у них был. Она со своим Федей сегодня уехала в Константинополь с тем, чтобы через два месяца вернуться в М[оскву], а затем ехать в Париж, куда Федя назначен на место Зуля представителем совторгпредства.

Гермаша бурчит что-то себе под нос и проектирует большой дом для Госбанка. Винтер отстроил Шатуру — дворец, а не станция, такой другой, вероятно, нет в Европе. Ни Классона, ни других москвичей еще не видал, мельком только Старкову. Она была в Сочи с Глебами. Гл. М. ⁶⁴ здоровье очень неважное, похоже, что с почками неладно и трудно ему будет оправляться. Сама Ант[онина] Макс[имовна] ⁶⁵ впечатлена необыкновенно буйным ростом и восстановлением СССР (она была в Сочи и по дороге видела и Украину, и Кубань, и Кавказ) и проповедует «возврат домой»!

Авель толст и благодушен.

«Испано Суиза» носит меня по Москве с молниеносной быстротой, а выглядит много скромнее «Ройса» ⁶⁶, чем я несказанно доволен.

Роднанички мои милые, пока до свидания. Пишите мне, милые мои, мне всякая даже мелочь о вас дорога и интересна. Особенно вы, родная моя маманичка, не скучайте очень-то и не тоскуйте. Я вас очень люблю и всегда о вас думаю. 17 сентября вам не послал телеграмму только потому, что у меня не было вашего адреса (даже страны, где вы, я ведь не знал). Крепко целую вас всех по очереди, мои родные, и читаю все установленные молитвы.

Ваш папаня.

№ 101.

11 октября 1925 года

Милая Любаша!

Я очень огорчен и удивлен отсутствием от вас каких-либо известий. Вы мне не сообщили даже вашего адреса, если бы я, к примеру, заболел или помер, меня успели бы зарыть в землю, пока через парижское и сопредельное полпредство можно было бы установить, где именно вы находитесь. Ну как же так, миланчики, даже адреса вы мне не сообщили, значит, и мои письма вас не интересуют, — так что ли это понимать.

Вчера окончился, наконец, наш пленум, и ближайшие дни работа начнет входить в колею. Лично я был из этой колеи вышиблен целый месяц, а сейчас ввиду отъезда Фрумкина придется взять на себя немало добавочной работы.

В общем и целом мы атаку на Внешторг отбили, и здесь, несомненно, личные мои усилия сыграли большую, если не решающую роль. Это, конечно, не война с ветряными мельницами, ибо каждый год передышки укрепляет и аппарат и НКВТ, и даже глупые или умственно неподготовленные люди начинают убеждаться в опасностях «свободной» торговли, которой они еще вчера вовсе не видели. Стомоняков вернулся, но неизвестно, насколько он будет работоспособен. Настроение у него неважное: кукуется и впадает в пессимизм, чего я отнюдь не могу про себя сказать. Напротив, весь этот месяц я себя чувствовал великолепно и вид имел «бодрый и молодеватый», что немало способствовало персональному успеху моих выступлений.

Коренное мое дело все-таки Внешторг или во всяком роде работа здесь, внутри, и какими пустыми и бессодержательными кажутся здесь парижские мои выступления и мытарства по сравнению с здешней полноценной нагрузкой.

Сейчас привожу в порядок текущие дела, запущенные во время Пленума, и затем съезжу на 1-2 дня в Питер и Харьков, прочесть обещанные доклады.

Фрумкин проездит недели 3-4, и до его возвращения мне не придется, конечно, вернуться в Париж. Пробуду здесь, значит, не меньше как до половины ноября. Что касается самого дела, то это не беда, даже хорошо показать французам недовольство в ответ на их невозможное поведение и в вопросе о флоте, и в вопросе о долгах. Французские вопросы здесь не на первом плане, и вряд ли меня будут особенно гнать в Париж. А так как вы со своей стороны не пишете мне ваших планов, то я и о вашем возвращении в Париж не имею никакого представления.

Я здоров и чувствую себя очень бодро и хорошо. В персональном отношении ко мне (не сглазить!) тоже произошли значительные перемены к лучшему, и на ближайшее время, думаю, жить и работать будет можно. Общее здесь настроение бодрое, и если и правильно, что массовой публике живется все еще трудно, то что касается интереса и смысла жизни, мы Запад несомненно переощеголяли. А мне еще по недосугу остается недоступной область искусства, где делается очень много.

Ну, пока до свидания. Лисиц Кате постараюсь привезти. Ну, а каких же шкур другим двум девочкам? Маманины-то замашки я знаю, но мощна у нас тонковата. Крепко вас целую. Пишите. Ваш папаня.

№ 102.

23 октября 1925 года

Милая моя Любонаша, дорогие мои девочки! Сегодня получил письмо от 18 октября и очень рад его спокойному хорошему тону и тому, что письма от вас стали исправно приходить и что вы, в общем, живете, по-видимому, благополучно.

Ну вот, миланчики мои, а у нас тут на вчерашнем четверговом заседании⁶⁷ наши «ребята», не говоря худого слова и вообще даже почти ничего не говоря для мотивировки этого решения, порешили меня перевести в Лондон, а Раковского в Париж⁶⁸. Таким образом, нам еще раз суждено сделаться англичанами и еще раз переезжать канал⁶⁹ с имуществом — уже в обратном направлении.

По правде сказать, я почти никак (даже и про себя, не говоря уже внешне) не реагировал на эту перемену. С одной стороны, несколько жаль Фр[анцию] из-за климата, главным образом, и из-за здоровья маманички,

а с другой — мне так опротивели французы и так бесплодно и глупо было это годичное сиденье в Париже, что я, по правде сказать, не без удовольствия распрощаюсь со всеми этими г[осподами]. Конечно, и в Лондоне не на розах придется возлежать, но как будто там все же больше похоже на дело. А и еще общее, я все более теряю вкус к дипломатической работе, и она меня влечет к себе все меньше и меньше.

Здесь публика, вроде Стомонякова, прямо в бешенстве, что я не отклонил решительно и категорически всякое заграничное назначение и согласился еще раз на совместительство. Особенно теперь, когда на НКВТ идет такой нажим и когда, видимо, неизбежно слияние с Нкомвнупоргом ⁷⁰. Переход исключительно на дипломатическую работу (в этом Ст[омоняков] прав) для меня не только противен, но и действительно невозможен: меня немедленно съели бы наркоминделовцы, не исключая и Литв[инова], а Чич[ерин] и подавно ⁷¹ — я ведь если и независим от них, то только потому, что у меня свой наркомат. С другой стороны, отказываться совсем от Лондона я считал бы неправильным: и некого туда послать, да и мне по некоторым соображениям пробыть там с год было бы небесполезно. Стомоняков — мастер давать благие советы, но когда дело идет о поддержке в постоянной повседневной работе, то у него сегодня кишки не работают, завтра голова болит, а если нет, так он нервничает, как истерическая дама, обижается на всех и вся, всюду видит подвох и интригу и проч. Что касается Фр[анции], то ввиду того, что Де- ⁷² опять пошел в гору, может быть, Р[аковскому] и удастся кое-что сделать. В этом болоте, называемом фр[анцузским] политическим миром, только такой «смелый», чтобы не сказать больше, делец-министр может что-нибудь сделать, подмахнуть или дать кому-либо подмахнуть нужную бумажку и т. п. Дальбиез ⁷³ наш почтенный не смог сделать абсолютно ничего, и вся ставка на него оказалась напрасной. Ладно еще, что не очень много стоила. С другой стороны, оставаться в Париже в атмосфере постоянных интриг и склок, в которой не брезгающие средствами противники могли доходить неизвестно до каких пределов, приятного и полезного было тоже мало.

Итак, опять превращаемся в лонд[онского] полпреда — How do you do? ⁷⁴ Возьму кого-нибудь из девочек учиться англ[ийскому] яз[ыку], но как следует, вплотную. Может, еще придется в Америку съездить.

О времени отъезда ничего еще не могу сказать определенного. Надо подождать Фрумкина, а затем еще по Внешторгу не все тут закончено, хотя главные бои уже миновали и в общем и целом мы, вернее даже единолично я, позиции свои отстояли. Думаю, что недели в две-три справлюсь. Приеду сперва в Париж и там уже вместе решим, как и когда переезжать. Вы, конечно, по-своему тоже прикиньте, как быть со всем этим, и со школами, и со всем прочим. Похоже, что Катабраса наш все-таки угодит в Кембридж? ⁷⁵ Людмилчик, мой родной, не пойдешь ли ты ко мне в секретари? Я бы уж в Совнаркоме выхлопотал на это разрешение?

Ну, пока до свидания, мои родимые. Маманичку милую целую несчетное число раз и девочек всех тоже.

Ваш Папаня.

№ 103.

[30] октября 1925 года

Миленький мой дорогой и любимый Любан!

Я опять не писал вам целую неделю, довольно неожиданно у нас тут

дела опять осложнились и, помимо всего прочего, приходится очень много работать и тратить время на бесчисленные заседания в разных комиссиях. Дело с Внешторгом после двух мес[яцев] закончили, гора родила в буквальном смысле мышь, и небольшие внесенные в систему изменения сами по себе еще не могли бы составить препятствия для дальнейшей работы, если бы... если бы, конечно, за время этой двухмесячной борьбы и травли мы не растрясли значительно наши силы, не потеряли десятки людей в связи с разными ревизиями и пр. и вообще не очутились в положении затравленного барана, на которого валятся все шишки. А главное — это все тот же вопрос самой головки комиссариата: Наркомат без наркома, неспособность Стом[онякова] сработаться с Фр[умкиным], невозможные качества М. И. [Фрумкина] (неспособность к повседневной работе, бюрократизм, самовольное изменение принятых постановлений и пр. и пр.). Если бы еще я мог целиком посвятить себя НКВТ и сесть безвыездно в Москве, но назначение в Лондон и этот вариант устранило, по крайней мере, временно. Стом[оняков] окончательно решил уходить из НКВТ и, вероятно, останется на спокойной и малоответственной работе в Главконцесском⁷⁶. Тем временем выдвинулся внезапно совершенно новый вопрос: слияние с Наркомвнутриторгом. Это создание Лежавы (которого там, впрочем, весьма скоро заменили Шейнманом) сумело разбухнуть в громадный малоцентрализованный и плохо сложившийся комиссариат, притом не союзный, как наш, а т[ак] н[азываемый] директивный, т. е. работающий в отдельных республиках не непосредственно, как работаем мы, а через Наркомвнутриторги этих республик⁷⁷. Получилось чудовище обло, вообще мало способное что-либо регулировать. А тут еще объективные трудности. Внутренний рынок — вообще сфинкс, и овладеть им задача в сто раз более сложная, чем ясное, четкое, простое дело Внешторга. К тому же на внутреннем] рынке у нас свобода торговли, и нельзя применять тот абсолютно жесткий зажим, который мы ежедневно применяем к внешнеторговым операциям. Вот почему полтора года назад, когда перед образованием Н[арком]внутриторга была идея слияния его с НКВТ, мы все высказались против, не желая инфицировать НКВТ собственными трудностями Внуторга. На недавнем пленуме, специально посвященном Внешторгу, вопроса о слиянии еще не возникало, а наткнулись на него теперь из-за тупика с заготовкой хлеба. В августе наши испугались слишком большого урожая и, предвидя падение цен и ведя мужиколобивую политику, дал директиву Внуторгу платить высокие цены при заготовках. На придачу совершили еще ряд глупостей. Результат: мужик поднял цены, хлеба на рынок не везет, экспорт делается убыточным, а, не имея хлеба для экспорта, нам нечем расплачиваться с заграницей за закупленные товары. Осложняется дело еще тем, что Внуторг, ответственный за снабжение внутреннего рынка и не ответственный за внешнюю торговлю, даже и те малые заготовки хлеба, которые имеются, гонит на внутреннее потребление и в ус себе не дует, что заграничные торгпредства, запродавшие хлеб еще в августе, под хороший урожай, сидят без хлеба! Какой выход? Слить оба наркомата и возложить на единый наркомат ответственность и за внутренний и за внешний рынок. Вывод логичный, но осуществление наталкивается на величайшие трудности. Я лично идти в наркомы такого объединенного наркомата не могу и не хочу, даже если бы не существовал вопрос о Лондоне. Внутренней торговли я не знаю, а браться за такое дело снова — затрата сил, превышающая мои

возможности. С другой стороны, уйти из наркомата и бросить внешнюю торговлю в критический сегодняшний момент, значило бы погубить монополию внеш[ней] торговли. Исправила бы дело комбинация: Цюрупа (нарком), Стомоняков и Шейнман замы, но, во-первых, Стомон[яков] болен, во-вторых, решил твердо уходить из НКВТ, в-третьих, многие его не особенно хотят. При таких условиях, пожалуй, лучше всего мне пойти замом к Цюрупе. За 1/2-1 год положение с мон[ополией] вн[ешней] т[орговли] поуспокоится, и тогда будет видно: либо Ц[юрупа] уйдет и я останусь наркомом (если будет найден модус для внутренней торговли), либо уйду я и заменюсь кем-нибудь, а сам либо замуруюсь в Лондоне, либо вернусь сюда на другую работу. Все это сейчас еще в стадии секретных переговоров, но работа идет самая спешная и интенсивная; что касается Фр[умкина], то вообще неизвестно, останется ли он в НКВТ.

Вот, родная моя, какие тут дела и вот почему я до сих пор не могу, как бы ни хотел, вырваться и приехать к вам. А я очень соскучился и по тебе и по девочкам и, кроме того, чувствую, как вам теперь, бедные мои, трудно там без папани в этой новой сложной обстановке с разными водворяющимися мещанами и мещанками.

Я очень беспокоюсь, как тебе и девочкам удастся урегулировать вопрос с квартирой, и не уверен, что у вас с деньгами все благополучно. Ты же по обыкновению на этот счет ничего не пишешь. Раковский на днях телеграфировал, что в Лондоне все готово к вашему приезду. Я не очень-то сочувствую вашему приезду туда до меня. Положение может создаться ложное, особенно ввиду неопределенности моего отъезда отсюда. Боюсь, с другой стороны, что и жизнь в *Ambassade*⁷⁸ доставит вам всем теперь мало удовольствия. Как из этого положения выйти — не знаю. Не стоило бы маме с Катей поехать на один-полтора месяца на Ривьеру пожить там в тепле и на солнце, но тогда как быть мне и Любе (в смысле житья) или всей семьей поехать на юг? Может быть, это было бы самое лучшее, и при современном курсе франка на Ривьере, несомненно, можно лучше и дешевле прожить, нежели в Лондоне. Особенно долго стеснять Раковских тоже неудобно — тут и делай, что хочешь. Очень мне перед вами всеми, и перед девочками, и особенно перед мамоней, совестно, что из-за меня вам придется подвергаться всем этим неудобствам и неприятностям. Что будешь делать, когда здесь что ни день, то новые и новые обстоятельства, неожиданности и перемены.

13 ноября.

Пасмурные дни. Я немного оскандалился: съел в Кремле кусочек языка, не очень, видимо, свежего, и у меня случилась обычная моя гастрономическая история, в довольно слабой форме, что касается самого припадка, но несколько более упорная в смысле расстройства желудка, которое у меня обычно в два-три дня проходит автоматически, а тут уже пять дней не прекращается, несмотря (а может быть, благодаря) на лечение. Так как я в момент заболевания находился на обследовании в Кремлевской комиссии⁷⁹, то мне предложили лечь на обследование в Кремлевскую больницу (это на Воздвиженке, близ угла Моховой), где я сейчас и пишу это письмо⁸⁰. Лежу я здесь (вернее, сижу) уже третий день, ни черта не делаю, начинаю хорошо питаться, в меру восстановления желудка, подвергаюсь всяким анализам и обследованиям, уклоняясь упорно от более трудных, как, например, рентгеновский просмотр желудка или

анализ желудочного сока. Лечиться здесь я ведь все равно не буду (особенно после того, когда на Фрунзе наши эскулапы так блестяще демонстрировали свое головотяпство ⁸¹), а за границей врачи здешним анализам все равно не поверят. Ничего у меня найти не могут: сердце увеличено всего на два см, что при моем возрасте давно ниже нормы, аорта мало расширена, склероз небольшой, печень никаких болезненных явлений не показывает, селезенка увеличена, но не болезненна, моча нормальная etc. Единственное — это малокровие и недостаток гемоглобина и красных шариков. Это, очевидно, результат того, что я почти не бываю на воздухе и солнце, и вывод отсюда, конечно, — необходимость перемены режима, поближе к природе.

Похитрее вопрос, как это сделать. Во всяком случае, никакой болезни клиническое обследование у меня не находит. В дальнейшем предстоит мудреная задача комбинировать врачебные предписания насчет отдыха — с необходимостью скорейшей поездки в Лондон и с участием в построении нового объединенного Наркомторга. Получил я письмо от Гринфельда, Смирновой и Чернышева. Первых двух я постараюсь взять в Лондон немедленно по своем туда приезде. Чернышев же там, конечно, совершенно не нужен, и ему, по-моему, надо собираться восвояси. При случае, Любонаша, передай им это, самому мне писать некогда.

В Париж я думаю на два-три дня захватить, по-моему, не следует уезжать, не попрощавшись. Может быть, еще придется когда-нибудь иметь дела с французами.

Ну, пока до свидания, мои милые и дорогие. Спасибо за ваши письма: я был очень им рад, особенно — хорошему, доброму тону. Уж потерпите, мои любимые, теперь недолго, я думаю, осталось ждать, и скоро мы заживаем опять все вместе. Обучайте меня английскому языку и верховой езде.

Целую, обнимаю всех крепко.

№ 104.

4 декабря 1925 года

Милый мой дорогой Любанаша! С прошлой почтой я провинился и не приготовил ни тебе, ни милым девочкам письма. Нельзя сказать, чтобы я много работал, но все же: «дела не делай, дела не бегай», — то туда, то сюда, разные разговоры, свидания и пр. Затем работоспособность у меня, д[олжно] б[ыть], понижена, и я успеваю делать в единицу времени гораздо меньше. Настроение у меня все время очень хорошее, дело теперь, главным образом, за организацией новой коллегии и усадкой на новых местах, но дело идет медленнее, чем я ждал: Цюрупа несколько кунктатор ⁸², продвигается вперед осторожно, почти по-старчески. Стомоняков (кстати, на днях познакомивший меня со своей женой) от нас через два м[есяца] уйдет и, если бы я немедленно уехал, это значило бы бросить весь НКВТ на произвол судьбы, и после исправлять было бы уже вдвое труднее. Все же я надеюсь дней в 7-10 закончить и выехать к вам в Париж.

Теперь насчет здоровья. Я с Гермашей был у Шервинского ⁸³. Старик первым делом нашел протокол моего осмотра от 21 мая 1901 года и подробно прочел все мои болезни. Малярия у меня тогда была все же жесточайшая и, учитывая малярии 1877 г. и 1895 г. Ш[ервинский] склонен и теперешнюю мою анемию объяснять этими маляриями. Болезнь возникла на почве переутомления, получила дов[ольно] быстрое течение, но все же он считает, что малокровие еще не слишком далеко зашло и, по его мнению, уступит лечению (мышьяк и железо) и отдыху и солнцу.

Плетнев⁸⁴ же и К⁰ предлагали специальное лечение (сальварсан), причем, по их мнению, полное излечение могло бы быть лишь в том случае, если бы само заболевание имело подкладкой lues, поскольку же этого нет, то на полное восстановление надеяться нельзя.

Шервинский, насчет сальварсана, лечение не считает нужным, но и не отрицает, что оно могло бы дать результат: есть теория, что сальварсан действует на костный мозг и на селезенку, которые заведуют кровообразованием. При наличии сего, конечно, я от этого лечения отказался. Затем пошел к А. А. Богданову. Прежде всего сам он и Нат[алья] Богд[ановна] имеют вид великолепный, я считаю, что он помолодел если не на 10, то на 7 или на 5 лет наверняка. Недавно (с мес[яц] наз[ад]) сделал себе второе переливание и сейчас фотография констатирует у него даже уменьшение диаметра аорты! Вещь до сих пор невероятная, но факт, и, кроме того, ему совершенно соответствует его самочувствие: по забывчивости иногда взбегает на 4-5 этаж! Нат[алья] Богд[ановна] чувствует себя тоже хорошо — у ней исчезли подагрические явл[ения] на ногах: раньше она заказывала ботинки по особой мерке, сейчас носит нормальные. Операции до сих пор произведены 6 парам, и ни в одном случае не получилось никакого отрицательного результата. Технику тоже усовершенствовали, сперва переливали 350—400 гр., а на посл[едней] операции, изменив вид иглол, вкатили сразу 1250 гр., т. е. попросту обменяли у двух людей $\frac{1}{4}$ всего содержания их крови. По первоначально А. А. [Богданов] не проявил никакого энтузиазма в смысле пользования переливанием и советовал лишь ехать лечиться не в Берлин, а в Париж и Лондон, где наука о крови, особенно с войны, сильно двинулась вперед, немцы же отстали. Через несколько дней он мне позвонил и, когда я к нему пришел, он уже проштудировал ряд книг и между прочим показал мне книгу Keums'a, оксфордского профессора, где приведены истории болезней, когда такое же малокровие, как у меня, в 60% из 100 излечивалось переливанием крови. Ввиду всего этого и увеличившихся успехов техники А. А. [Богданов] теперь уже определенно предложил сделать мне переливание: уже одно то, что в 700—800 куб. см я получу запас свежих шариков и гемоглобину⁸⁵, что дает мне возможность лучше перенести переезд и начать климатическое и иное лечение с сильно укрепившимся организмом. Я совершенно согласен с этим, и сейчас мы ищем, как я говорю, «поросенка». Предложил свою кровь младший Грожаненок (сам Юлиус в Сухуми), но, к сожалению, у него оказалась неподходящая группа крови, и его кровь мне переливать нельзя. Сама операция проще, чем вспрыскивание дифтеритной сыворотки, и уже на другой день люди идут на работу. Если успею скорее кончить с Цюрупой и Наркомторгом, то уеду в Париж, не ожидая переливания, если же скоро найдем «поросенка», перелью и буду вам телеграфировать.

5 декабря.

Миланчики мои! Должен кончать письмо, ибо почта уходит в 1 час, а у меня в 12 уже Совнарком, куда надо хоть на 20 м[инут] заехать. Стоит у нас полная зима, сейчас около 10° мороза, снег ослепительно сияет на солнце, чудный воздух. Завтра открытие Шатуры. Гости в особом поезде выезжают в 9 утра из Москвы, а в 8 вечера нас уже доставят обратно в Москву. Станция фактически уже работает 2 месяца без сучка без задоринки, как заведенные часы, и является действительно образцовым сооружением, которое не стыдно показать любым Европам и Америкам.

Насчет ключей от железн[ого] шкафа — поняла ли ты, маманичка, мою телеграмму? 1 набор этих ключей у меня, и я его передам по приезде. Второй же набор был у тебя в твоём стоячем кофре, в нашей уборной, и его я просил в телегр[амме] отдать Давтяну⁸⁶ с тем, чтобы оставшиеся в шкафу деньги (кажется, около 700 или 1000 фунтов) плюс немного червонцев и серебра, были переписаны. Маленький желтый чемоданчик, с некот[оры-ми] личными бумагами, оставь у себя до моего приезда.

Целую вас крепко. Ваш папая.

№ 105.

[Начало 1926 года]

Мамане, private and confidential⁸⁷.

На случай, если бы в официальном моем положении произошла перемена (в Лондоне), я постарался бы, конечно, минимум до лета оставить вас там, а после либо перейти на более приватное положение и жить в Англии же, или переселиться куда-либо, где дети смогли бы учиться, например, в Швейцарию или во Францию, и где жизнь не столь дорога.

Ну, пока, до свидания, пиши мне, милый Любанчик. Крепко тебя обнимаю и целую, родной мой.

Примечания

1. Из этих слов можно заключать, что Красин критически относился к денежной реформе, проводившейся в 1922—1924 гг. наркомом финансов РСФСР Г. Я. Сокольниковым. Как показывают исследования (см.: О'КОННОР Т. Э. Ук. соч., с. 189, 192), Красин не находил-ся в оппозиции к реформе, хотя и возражал против ряда технических моментов, полагая, в частности, завышенными введенные Наркоматом финансов пошлины и налоги, а также проценты по кредитам Госбанка. Красин считал ошибочным стремление Наркомфина разрешить кризис товарооборота («ножницы цен») в 1923 г. в пользу крестьян. Он предлагал лишь в перспективе понизить цены на промышленные и повысить на сельскохозяйст-венные продукты за счет динамичной кредитной политики, которая должна была, по его мнению, привести к повышению производительности труда и увеличению экспорта.
2. Будучи заместителем наркома иностранных дел РСФСР (СССР), М. М. Литвинов стремился проводить жесткий курс в отношении капиталистических стран, использовать инструменты внешней политики для стимулирования подрывной деятельности против западного мира. В столицах западных держав Литвинов рассматривался как нежела-тельная для участия в переговорах фигура. Он не был допущен в Лондон во время англо-советских переговоров 1920—1921 годов. В середине 20-х годов Литвинов был в значительной мере рупором Сталина. Заместитель наркома не терпел людей свободного образа мыслей и поведения. Отсюда напряженность во взаимоотношениях между Лит-виновым и Красиным.
3. Weekend (*англ.*) — конец недели, выходные дни в конце недели.
4. Слово восстановлено по смыслу.
5. Несколько слов прочитать не удалось.
6. Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка была организо-вана по постановлению IX Всероссийского съезда Советов 1923 года. Выставка была размещена на территории, где позже был создан Центральный парк культуры и отдыха. На выставку были приглашены представители иностранных фирм; специальный отдел выставки представлял образцы экспортных товаров.
7. Ленинские (Воробьевы) горы — территория на правом берегу реки Москвы в пределах г. Москвы. Воробьевы горы были официально переименованы в Ленинские в 1924 г., но, судя по всему, переименование готовилось уже в 1923 г., и новое название фигурировало неофициально.
8. Имеется в виду, что Богданов был в это время директором Института переливания крови.
9. Биарриц — климатический и бальнеологический курорт во Франции, на берегу Бискайско-го залива.

10. Имеется в виду время до вступления болезни Ленина в тот фазис, когда он потерял реальную власть.
11. Нетте Теодор Иванович (1896—1926) — советский дипломатический курьер. Убит бандитами в вагоне поезда при защите дипломатической почты под Ригой 5 февраля 1926 года. Расследование установило чисто уголовный характер преступления.
12. ВУЦИК (Всеукраинский Центральный Исполнительный комитет) — высший законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти в Украинской ССР в 1918—1937 годах.
13. Марка автомобиля Красина.
14. Речь идет о праздновании 4-й годовщины Октябрьской революции.
15. Никиш Артур (1855—1922) — венгерский дирижер. Руководитель оперных театров в Лейпциге и Будапеште, симфонических оркестров в Лейпциге, Бостоне и др. Профессор Лейпцигской консерватории. Неоднократно гастролировал в Петербурге и Москве.
16. Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — социал-демократ с 1903 г., в 1918 г. нарком финансов РСФСР. В 1919—1921 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. на дипломатической работе, был полпредом в Германии. С 1930 г. заместитель наркома иностранных дел СССР. Арестован во время «большого террора», приговорен к смертной казни и расстрелян.
17. Очевидно, речь идет о 9-й симфонии Л. Бетховена.
18. Пропущена одна страница письма, видимо, утерянная Л. В. Красиной.
19. Начало письма отсутствует.
20. Речь идет, видимо, о Феликсе Дейче (1858—1928) — руководителе концерна АЭГ с 1887 года. Дейч — основатель и член правления ряда промышленных компаний — выступал за сотрудничество с СССР.
21. Речь идет о так называемом «пивном путче», организованном А. Гитлером и генералом Э. Людендорфом 8—9 ноября 1923 г. в Мюнхене.
22. Штреземан Густав (1878—1929) — рейхсканцлер в 1923 году. Один из основателей и лидеров Немецкой народной партии.
23. Окончание письма отсутствует.
24. Junior (*англ.*) — младший. Речь идет о Г. А. Цюрупе — сыне А. Д. Цюрупы.
25. Речь идет о подавлении «пивного путча» национал-социалистов.
26. Речь идет об отказе правительства В. Куно от уплаты денег и торговых поставок в счет репараций. В январе 1923 г. Франция и Бельгия предприняли репрессивные действия — оккупировали Рурскую область Германии. Правительство Куно объявило «пассивное сопротивление», призвав население Рура не выполнять распоряжения оккупационных властей, не работать на предприятиях, продукция которых предназначалась для Франции и Бельгии (правительство субсидировало владельцев бездействовавших предприятий). Кризис резко усилил инфляцию и общественное недовольство. Новое германское правительство во главе с Г. Штреземаном объявило в сентябре об отказе от «пассивного сопротивления». В октябре произошло неудачное коммунистическое вооруженное выступление в Гамбурге, а в ноябре «пивной путч» нацистов. В конце 1923 г. удалось стабилизировать валюту. В 1924 г. вступил в силу репарационный план Дауза. Французские и бельгийские войска покинули Рурскую область.
27. Туров В. — заместитель советского торгового представителя в Берлине в 1923 году.
28. Уханов Константин Васильевич (1891—1937) — социал-демократ с 1907 г. В первые годы после прихода большевиков к власти занимал руководящие посты на промышленных предприятиях Москвы. С 1926 г. председатель Московского совета, с 1929 г. председатель Московского облисполкома. С 1934 г. нарком местной промышленности РСФСР, с 1936 г. нарком легкой промышленности РСФСР. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
29. После введения нзпа образовались так называемые «ножницы» — разрыв между высокими ценами на промышленные товары и заниженными — на сельскохозяйственную продукцию. В высших большевистских кругах шли дискуссии о путях преодоления кризиса.
30. Речь идет об инциденте 3 мая 1924 г., когда в помещение торгового представительства РСФСР в Берлине вошли вооруженные сотрудники берлинской полиции. В связи с этим полпред СССР в Германии Крестинский направил ноту министру иностранных дел Штреземану. В тот же день здание торгпредства было окружено нарядом полиции, который собирался произвести в нем обыск. Заместитель торгпреда Старков и другие сотрудники были задержаны. Эти действия были объяснены сведениями о якобы имевшем место задержании полицейских чиновников в торгпредстве. Позже вместо этого германская

- сторона объяснила инцидент стремлением задержать лицо, бежавшее из-под ареста и укравшееся в торгпредстве. По распоряжению Крестинского торгпредство было временно закрыто. Советская сторона прекратила экспорт в Германию. Последовал обмен нотами. Протокол об урегулировании инцидента был подписан 29 июля 1924 года. Германская сторона признала действия полиции произвольными.
31. Раковский возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне по вопросу о долгах и кредитах. Переговоры начались 14 апреля 1924 г. и закончились 8 августа подписанием общего и торгового договоров (12 августа состоялась дополнительная встреча делегаций, на которой Раковский огласил декларации по ряду вопросов международного положения). Стремление Раковского к компромиссу вызвало недовольство советского руководства. Резко отрицательную позицию в отношении сделанных Раковским уступок занял заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов. Подписанные Раковским договоры в силу не вступили в результате отказа от их ратификации обеими сторонами (см.: ГОЛОВКО В. А., СТАНЧЕВ М. Г., ЧЕРНЯВСКИЙ Г. И. Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков. 1994, с. 173—218).
 32. Имеется в виду либо роман французского писателя Ш. Буагобея «Стальное ожерелье», либо роман Понсона де Террайля «Кровавое ожерелье».
 33. Аванесов Варлаам Александрович (1884—1930) — социал-демократ с 1914 года. В 1917—1919 гг. секретарь ВЦИК, затем работал в ВЧК, Рабоче-крестьянской инспекции, Наркомвнешторге, ВСНХ.
 34. Имеется в виду дочь Красина Людмила.
 35. Географическое название не поддается прочтению.
 36. Рабинович Филипп Яковлевич — инженер, заместитель советского торгового представителя в Лондоне в 1923—1925 гг., затем краткое время директор АРКОС. Был снят с работы и отозван в СССР. Дальнейшая судьба неизвестна.
 37. Игнатъев Александр Михайлович (1879—1936) — участник социал-демократического движения в России, инженер-изобретатель. В 1920—1925 гг. торгпред СССР в Финляндии, затем сотрудник советского торгпредства в Германии (до 1929 года.) Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
 38. В сентябре 1924 г. в Берлине состоялось третье совещание уполномоченных Наркомвнешторга и торгпредов СССР за рубежом, которым руководил Красин. Совещание обсудило текущие вопросы экспорта и импорта, уделив особое внимание экспорту зерна СССР.
 39. Ufa — Universum Film-Aktionsgesellschaft (*нем.*), УФА — Всеобщая компания по производству фильмов — германская компания по производству художественных фильмов и киностудия под тем же названием. Основаны в 1917 году. В 1920 г. контрольный пакет акций компании был куплен газетным магнатом Альфредом Гугенбергом, позже поддержавшим Гитлера. В 1938 г. нацисты установили полный контроль над студией и широко использовали ее до окончания войны в Европе. После войны студия продолжала работу под Берлином.
 40. Бабельсберг — город в Германии, пригород Берлина, где размещалась киностудия УФА.
 41. All right — все в порядке (*англ.*).
 42. Geheimrat — тайный советник (*нем.*).
 43. Бегге — представитель Наркомвнешторга в Ленинграде.
 44. Вторая поездка Л. В. Красиной в Москву в 1924 г. (первая поездка, вместе с дочерью, была предпринята в конце 1923 — первой половине 1924 г.) не состоялась.
 45. Элиминировать (*англицизм*) — устранить.
 46. Нариманов Нариман Кербалай Наджаф оглы (1870—1925) — социал-демократ с 1905 года. В 1920 г. председатель Азербайджанского ревкома, затем председатель Совнаркома Азербайджанской ССР. С 1923 г. председатель Союзного Совета Закавказской СФСР, сопредседатель ЦИК СССР.
 47. Luftpost — авиапочта (*нем.*).
 48. Эрбетт Жан — в начале 1920-х годов сотрудник газеты «Temps» — официоза Министерства иностранных дел Франции. С 1924 г. посол Франции в СССР.
 49. В письме от 8 февраля 1925 г. это лицо названо Маруся.
 50. Речь идет о попытке покушения на жизнь Красина (фактически истерическом нападении), совершенной на улице перед зданием советского полпредства 11 декабря 1924 г. русской эмигранткой М. Диксон (Евгеньевой). Диксон была обвинена в незаконном ношении оружия и приговорена парижским судом к незначительному наказанию.
 51. Madame l'ambassadrice — мадам посольша (*фр.*).
 52. Enfant terrible — ужасный ребенок (*фр.*). Выражение, употребляемое для обозначения лица, ведущего себя неподобающим образом. О ком идет речь в данном случае, неясно.

53. Речь идет о том, что правительство Франции признало существование Грузинской Демократической Республики 1918—1921 гг. как самостоятельного государства, осудило вторжение Красной Армии в Грузию в 1921 г. и не признавало ее фактического присоединения к советской России. Когда велись предварительные переговоры об установлении дипломатических отношений в начале 1924 г., французская сторона настаивала на том, чтобы переговоры по нерешенным вопросам начались только после признания СССР. Одним из таких вопросов был вопрос о суверенитете Грузии. Фактически, однако, вопрос о Грузии был снят и после объявления о признании СССР более французской стороной не ставился.
54. Речь идет о переговорах с Францией по вопросам о долгах, кредитах и собственности. После признания СССР Францией де-юре 28 октября 1924 г. Красин был назначен полномочным представителем СССР во Франции и начал готовить официальные переговоры по экономическим вопросам. Однако официальные переговоры были открыты лишь 25 февраля 1926 г., когда Красин уже был переведен в Лондон, и советскую делегацию возглавлял полпред СССР во Франции Раковский. Успехом переговоры не увенчались.
55. Волин (настоящая фамилия Фрадкин) Борис Михайлович (1886—1957) — социал-демократ с 1904 года. С 1918 г. был членом редколлегии газеты «Правда». Затем на местной партийной работе. В 1924—1925 гг. атташе советского полпредства в Париже. В 1931—1935 гг. начальник Главлита СССР (цензуры). В 1936—1939 гг. заместитель наркома просвещения РСФСР.
56. Еланский М.— второй секретарь полпредства СССР во Франции в период пребывания Красина на посту полпреда.
57. В 1925 г. Красин участвовал в ряде заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), обсуждавших вопросы советско-французских отношений (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 2, д. 367 и др.). В данном случае речь идет о его докладе по этому вопросу на заседании Политбюро.
58. Юбилей Академии Наук СССР проводился с опозданием. Петербургская Академия Наук была основана Петром I в 1724 году.
59. Речь идет о пленуме Центральной контрольной комиссии ВКП(б) с обсуждением вопроса о внешней торговле. Пленуму предшествовала ревизия АРКОСа членом ЦКК Ройзенманом, который пришел к выводу о многочисленных злоупотреблениях и нежелательности дальнейшего существования этого учреждения.
60. В 1920 г. многочисленные русские суда были уведены из Крыма в Бизерту и там интернированы французскими властями. Вопрос об уведенных судах в течение долгого времени был предметом советско-французских переговоров (линкоры «Воля» и «Георгий Победоносец», крейсера «Кагул» и «Алмаз», 10 миноносцев, 4 подводные лодки и др.). В 1924 г., непосредственно после установления дипломатических отношений с СССР, правительство Э. Эррио обещало возвратить суда Советскому Союзу, но в начале 1925 г. его позиция изменилась. Возвращение судов было обусловлено достижением общего соглашения о долгах, кредитах и собственности.
61. Красин решительно выступал за монополию внешней торговли. В 1922—1923 гг. его поддержал Ленин, к которому присоединился Троцкий. Сталин в первой половине 1920-х годов неоднократно высказывался за ослабление или даже отмену монополии.
62. Речь идет о пленуме ЦК РКП(б) 3—10 октября 1925 г., на котором разгорелась острая дискуссия по докладу В. В. Куйбышева о внешней торговле. В докладе и прениях содержались нападки на Красина, полпреда в Лондоне Раковского, на советское торговое представительство в Лондоне.
63. «Тройка» — Сталин, Зиновьев, Каменев. Многие исследователи называют «тройку» «триумвиратом», имея в виду, что в 1923—1925 гг. она имела реальную и абсолютную власть в стране. Однако в действительности фактическая власть все более сосредоточивалась в руках Сталина, обладавшего решающим влиянием на партийный аппарат. Сталин использовал временный союз с Зиновьевым и Каменевым для дальнейшего укрепления своей личной власти.
64. Имеется в виду Г. М. Кржижановский.
65. Речь идет об А. М. Старковой, жене В. В. Старкова.
66. Речь идет о британской автомобильной фирме «Роллс-Ройс». Автомобили этой фирмы, выпускавшиеся с 1904 г., отличались высоким качеством и были очень дорогими.
67. Имеется в виду заседание политбюро ЦК ВКП(б).
68. Вопрос об «обмене послов» — переводе Раковского в Париж и Красина в Лондон — был решен политбюро ЦК ВКП(б) 22 октября 1925 г. и оформлен решением ЦИК СССР от 30 октября.
69. Канал (Channel) — принятое в Великобритании обозначение пролива Ла-Манш.
70. 18 ноября 1925 г. наркоматы внешней и внутренней торговли были объединены в Наркомат внешней и внутренней торговли. Наркомом был назначен Цюрупа. Красин получил должность заместителя наркома по внешней торговле. Менее чем через год Цюрупа был

- заменен А. И. Микояном, не имевшим опыта хозяйственной деятельности и занимавшим до этого посты в местных партийных органах.
71. По свидетельству А. Д. Нагловского, первого советского торгпреда в Италии, ставшего невозвращенцем, «ненавидел Красина не только Зиновьев... Так же к нему относился весь (за исключением Чичерина) Наркоминдел: Литвинов, Воровский, Карахан, Стомоняков» (А. Н. Леонид Красин. — Новый журнал, 1966, № 82, с. 215). Автор допустил неточность: Стомоняков тогда работал в Наркомвнешторге, а не Наркоминделе, и у него были удовлетворительные отношения с Красиным.
 72. Де Монзи Анатолий (1876—1947) — французский дипломат. Сенатор (1920—1929 г.). Занимал ряд министерских постов. В 1924 г. председатель парламентской комиссии по русским делам. Выступал за признание СССР. В 1925—1927 гг. глава французской делегации на переговорах с СССР по вопросам о долгах, кредитах и собственности.
 73. Дальбиз — французский сенатор, председатель сенатской комиссии по русским делам после де Монзи (1924—1925 гг.). Руководитель французской делегации на предварительных переговорах с СССР (советскую делегацию возглавлял Красин).
 74. How do you do? — Как поживаете? (*англ.*).
 75. Имеется в виду Кембриджский университет, один из древнейших, крупнейших и авторитетнейших университетов Великобритании, основанный в 1209 году.
 76. Декретом Совнаркома РСФСР от 23 ноября 1920 г. было разрешено заключение концессионных договоров с целью привлечения иностранного капитала в промышленность страны. В соответствии с этим позже, в 1923 г., был образован Главный концессионный комитет (Главконцеском) при Совнаркоме СССР. В 1921 г. было заключено 5, в 1922 г. — 10 концессионных договоров. В январе 1923 г. Ленин констатировал, что концессии не получили значительного развития. Основной причиной этого были крайне невыгодные условия для иностранного капитала, которые предлагали советские власти. Все же в 1924/1925 хозяйственном году было заключено 30 концессионных договоров. В 1925 г. председателем Главконцескома стал Троцкий, что было явной демонстрацией пренебрежения большевистского руководства к этому органу. Главконцеском прекратил существование во второй половине 1930-х годов.
 77. Имеются в виду так называемые директивные (или союзно-республиканские) наркоматы.
 78. Ambassade — посольство (*фр.*).
 79. Под Кремлевской комиссией автор имеет в виду лечебное управление, обслуживавшее высших партийных и советских функционеров.
 80. Красин был помещен в Кремлевскую больницу не в связи с расстройством желудка, а по поводу обнаружения у него злокачественной анемии. В больнице ему сделали несколько переливаний крови, что привело к временному улучшению его состояния.
 81. Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) — социал-демократ с 1904 года. Во время гражданской войны командовал армией, группой войск, Восточным, Туркестанским и Южным фронтами. После гражданской войны был заместителем председателя правительства Украинской ССР. В 1924—1925 гг. заместитель наркома, а затем нарком по военным и морским делам. Фрунзе умер после произведенной ему операции, предписанной Сталиным. Есть основания полагать, что он был убит врачами по приказу генсека (см. ТОПОЛЯНСКИЙ В. Д. Гибель Фрунзе. — Вопросы истории, 1993, № 6).
 82. Кунктатор — медлитель (*лат.*).
 83. Шервинский Василий Дмитриевич (1850—1941) — московский врач. Доктор медицины с 1879 г., профессор московского университета с 1884 года. Гематолог. В 1925 г. Шервинский консультировал Красина в связи с его заболеванием анемией.
 84. Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872—1941) — врач, терапевт, профессор Московского университета (с 1911 года). До 1917 г. был членом партии кадетов, затем отошел от политической деятельности. В 1932—1937 гг. директор научно-исследовательского института диагностики и экспериментальной терапии. Врач Кремлевской больницы. В 1937 г. арестован и на судебном фарсе по делу «правотроцкистского блока» в марте 1938 г. приговорен к 25-летнему заключению. Скончался в тюрьме.
 85. «Недостаток гемоглобина и кровяных шариков» являлся первым свидетельством злокачественной анемии, которой заболел Красин и от которой он умер 24 ноября 1926 года. Гемоглобин — дыхательный пигмент крови, красные кровяные клетки (эритроциты) — клетки крови, содержащие гемоглобин.
 86. Давтян (настоящая фамилия Давыдов) Яков Христофорович (1888—1939) — участник социал-демократического движения с 1905 года. С 1919 г. на дипломатической службе. Был членом миссии Красного Креста во Франции, затем работал в странах Балтии, Китае, Туве. В 1925—1927 гг. советник полпредства СССР во Франции, затем временный поверенный в делах. В 1927—1930 гг. полпред в Иране, в 1932—1934 гг. в Греции, в 1934—1937 гг. в Польше. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
 87. Private and confidential — частное, доверительно, только адресату (*англ.*).

У истоков заграничной политической провокации

О. Ю. Абакумов

Деятельность Юлиуса (Александра) Балашевича (Потоцкого) — «едва ли не самого значительного шпиона русской политической полиции за границей»¹ — уже в основном освещена в литературе². Однако, рассматривая его бурную провокационную деятельность, авторы зачастую не обращали внимания на начальный этап его полицейской карьеры³, весьма показательный для понимания процесса становления русского заграничного сыска.

Его послужной список лаконичен. Родился в 1831 году. Происходил из семьи дворян Виленской губернии. Вероисповедания — римско-католического. В службу вступил в 1850 г. унтер-офицером, но уже в 1852 г. был уволен по болезни. В 1854 г. он возвращается в армию тем же чином. Служба ему не давалась и тяготила не только его, но и воинское начальство. Балашевич был аттестован «малоусердным по фронту», и корпусным командиром ему было предложено оставить службу. В 1858 г. он был уволен по «домашним обстоятельствам» в чине подпоручика. Свой досуг посвящал литературным занятиям (опубликовал книжку стихов), интересовался античными древностями и археологией.

В поле зрения тайной полиции Балашевич попал в конце мая 1861 г., совершив эффектный и эффективный, как оказалось, ход. Католик, он обратился к митрополиту московскому Филарету, высказав намерение «открыть... дело, касающееся до безопасности государства», надеясь, что оно будет доведено до сведения императора. Митрополит, видимо, был смущен таким неожиданным визитом и напомнил просителю, что «есть другие должностные лица, к которым правильнее он может обратиться», то есть попытался переадресовать его в III отделение, но тот настоял на своем. Оказалось, что незнакомец, оберегая покой и «любя государя более всего на свете», по своей инициативе «зорко следил за недовольными и старался разрушить их планы». При этом действовал он не презренными полицейскими методами («не доносом, оскорбляющим чувства человеческого

Абакумов Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Саратовского государственного университета.

достоинства»), а как подобало христианину — «силой убеждения», которая часто приносила успех. В 1859 г. в Париже, например, он сумел «разрушить желание польских демагогов... провести восстание в Польше».

На этот раз Балашевич располагал переводом с прокламации Л. Меро-славского, излагавшей план подготовки вооруженного восстания в России, и четырьмя литографированными брошюрами антиправительственного содержания, распространявшимися в студенческой среде. Разъясняя мотивы своих действий, Балашевич в своей записке категорично заявлял: «Охранять и предупреждать зло, глеющее в какой-либо корпорации и клонящееся к низвержению порядка, есть прямой долг гражданина». Видимо, именно для того, чтобы подчеркнуть возвышенность мотивов и чистоту, бескорыстность побуждений, Балашевич и избрал для своего обращения не пресловутое III отделение, а духовного иерарха.

Потрясенный митрополит, основываясь на архиерейской присяге, обязывающей в чрезвычайных ситуациях писать царю, немедленно исполнил свой долг.

Реакция Александра II была спокойной и деловой: «Митроп[олита] благодарить от меня, а Балашевича допросить». Ничего принципиально нового Балашевич не сообщил. «Воззвание, кажется, нам уже известно, а литографированные листки, не те ли, о которых вы (шеф жандармов. — А. О.) говорили», — написал император на записке Филарета, продемонстрировав осведомленность в текущих делах политического сыска ⁴.

Вскоре состоялась встреча отставного подпоручика с шефом жандармов В. А. Долгоруковым. По мнению И. В. Оржеховского, в это время Балашевич и «был завербован в агенты» ⁵. Однако, это не вполне точно. О сути достигнутого соглашения позволяет судить памятная записка Долгорукова. В тот день речь шла главным образом о фактах распространения литографированных заграничных изданий — предмет, который, по мнению шефа жандармов, заслуживал «особого внимания», а Балашевич пообещал лишь представить некоторые «дополнительные сведения» из Москвы, а потом из Парижа. Об организации целенаправленной, систематической агентурной деятельности речи не шло.

Это подтверждает письмо руководителя III отделения его парижскому агенту Я. Н. Толстому. Долгоруков объяснял последнему, что «с Балашевичем я никакого условия не делал, и он сам, вследствие покупки у него её величеством в Москве коллекции древностей, сказал мне, что он поедет в Париж и будет, по возможности, сообщать мне то, что по эмиграции окажется заслуживающим внимания». Любопытно, что шеф жандармов сразу разглядел меркантильные интересы торговца антиквариатом. Сам же Балашевич продолжал развивать идею бескорыстного служения. В присланном из Парижа «Отчете с июня по ноябрь 1861 г.» он так разъяснял мотивы своей деятельности: «Я не считаю себя политическим агентом, мною не руководят награды и расчет, а просто желание по возможности указать пути и средства к ограждению бедной страны от насилия эмиграции, которая в своем составе представляет шайку воров, разбойников» ⁶.

Долгорукову понравился энергичный и благомыслящий отставной подпоручик. 31 мая 1861 г. в Париж было направлено письмо о предстоящем приезде Балашевича и указания об организации передачи в Петербург важных сведений ⁷.

Перед отъездом Балашевич представил шефу жандармов пространную записку с изложением своих взглядов по проблемам общественной жизни,

главным образом о борьбе с вредным влиянием «Колокола» и «Полярной звезды». Среди лиц, занятых их распространением, Балашевич особо выделял купечество, подкрепляя свои рассуждения примером «кровожадности» этого сословия: «В особенности купечество сильно поддерживает эту продажу, знаменуя себя отъявленными врагами дворянства. Я был свидетелем, когда один богатый купец сказал: «Я бы отдал своих детей и все богатство, чтобы уничтожить все дворянство». Это прямое влияние лондонской печати, все купцы, отправляясь за границу, привозят издания Герцена и К°, и если таможенный чиновник, случается, откроет, то за несколько рублей возвратит обратно. Книгопродавцы все, без изъятия, занимаются торговлей запрещенными книгами, выручая за это значительные деньги».

Для борьбы с литературой «революционной партии» он предлагал принять энергичные полицейские меры. В первую очередь — обратить внимание на студенчество; «запретить содержателям трактиров и ресторанов пускать студентов... в ночное время запретить прогулки по городу и бульварам; вменить, что за распространение печатных и письменных изданий виновных разжаловать в солдаты; ограничить срок приема [в университет] 18—22 лет, хозяевам-содержателям студентов вменить в обязанность наблюдать за ними, не допускать сборищ в позднее время, оргий и заставлять своевременно возвращаться домой». На каждом факультете избрать «опытных и образованных агентов» для наблюдения, чтобы они «посещали лекции и жили среди студентов». Университетское начальство также должно проверять посещение занятий и «запретить ношение своеобразных костюмов, усов и бород».

Надлежало ужесточить ответственность таможенных чиновников, усилить досмотр на границе («осматривать и одевание туриста») и повысить денежные штрафы за нелегальную торговлю («денежные пени вернее остановят противозаконную продажу»). Цензуре рекомендовалось обратить внимание на такие неблагонадежные издания, где «иногда являются статьи, хотя замаскированные, но для многих очень понятные». В такие неблагонадежные издания он зачислил «Современник», «Русский вестник», «Искру», «Развлечение», «Наше время».

Для идейного противодействия А. И. Герцену Балашевич предлагал «устроить частный орган (без прямого содействия правительства)» в Берлине или Лейпциге, который бы «занимался рецензией статей лондонских». Таким образом можно было бы «остановить» и «сокрушить» революционные идеи⁸.

Поднятые Балашевичем проблемы были актуальны для политической полиции. Видимо, напористость автора, многоплановость и динамизм изложения, безапелляционность настолько импонировали шефу жандармов, что Долгоруков поручил из представленного текста «сделать извлечения, разделив на пункты».

В III отделении были подготовлены «Соображения», в которых неизвестный чиновник с плохо скрываемым раздражением на новоявленного советчика разбирал и выявлял банальность и неприемлемость этих домогательств. Например, отмечалось, что «против ввоза в Россию запрещенных сочинений, и в особенности изданий Герцена, приняты давно уже надлежащие меры, которые если и не достигают цели вполне, то это по совершенной невозможности, ибо таможи не имеют средств подвергать каждого проезжающего столь строгому досмотру, при котором

не скрылась бы какая-либо книга или листок... Принятие новых мер едва ли принесло бы существенную пользу». Во всяком случае новые меры пользы не принесут.

Намерение создать печатный орган для борьбы с вольной печатью уже возникало и было оставлено в конце 1850-х годов: «Журнал этот во многих случаях действительно был бы полезен, обличая ложь и клевету, но зато статьи, заключающие в себе сведения верные, оставаясь без возражения, получали еще более авторитета»⁹.

Однако первая корреспонденция Балашевича из Парижа вызвала живой интерес в III отделении и 5 июля 1861 г. была доложена Александру II. Новоиспеченный «агент» сообщал о прошедшем в Лондоне митинге, на котором «некоторые члены парламента объявили о готовности поднять вопрос о возвращении Польше прав 1815 г.», об объединении двух польских эмигрантских группировок и подготовке ими манифестов к народу и войску, о существовавшем среди польских изгнанников намерении послать несколько человек в Варшаву и Литву с фальшивыми печатями для подделки паспортов. Хорошо понимая, что на первое донесение обратят особо пристальное внимание в III отделении, Балашевич застраховался от придирок к точности своих сведений, указав, что сообщено все это было «лицами демократического клуба, которые очень часто выдумывают». Попутно он продемонстрировал навыки конспирации: «Я избрал малого формата конверт, чтобы устранить подозрения».

Вскоре внимание III отделения привлек вопрос о методах работы Балашевича. Поводом послужило письмо управляющему III отделением П. А. Шувалову от Толстого 6(18) сентября 1861 г., в котором он с опаской и весьма скептически отзывался о действиях своего подопечного: «Я полагаю, что подобные деликатные поручения надлежит выполнять с величайшей осторожностью, отстраняя от себя всякое политическое значение... Мне казалось полезнее господину Балашевичу сноситься с польскими выходцами под предлогом археологических занятий — предмет ему совершенно знакомый, и под видом ученого археолога осведомляться о всем происходящем в возмутительных комитетах и между главнейшими кововодами эмиграции».

Далее в письме изложено полицейское кредо Толстого, да и не только его — это традиционное осмотрительное отношение к деятельности зарубежных агентов: «Доселе русское правительство не вмешивалось явно в движение польских демагогов... агенты тоже вели себя осторожно, не выставя себя сообщниками их», а в качестве источника достоверных сведений «об интригах, предприятиях, средствах, и словом сказать, о ходе дел их, можно употреблять французских эмиссаров с большим успехом, для исполнения чего потребны только деньги, с этим орудием во Франции можно достигнуть всего». Активность Балашевича в эмигрантской среде Парижа (создание им мифического Общества мира, постоянные контакты с лидерами польской эмиграции, издание статей и воззрений) шокировала Толстого. По его мнению, такая деятельность аморальна: правительственный агент должен быть «выше буйных происков» политических преступников, за которыми он наблюдает, единственно, что для него позволительно это, не марая рук, использовать деньги для подкупа. Поэтому Толстой до получения указаний из III отделения, предписал Балашевичу «несколько умерить решительные его предложения генералу Дембинскому»¹⁰.

В ответ на критические отзывы Толстого в III отделении для шефа жандармов была подготовлена записка, объяснявшая план действий Балашевича: «Для противодействия проискам польской эмиграции в Париже он намерен воспользоваться несогласием между Мерославским и Дембинским и, выдавая себя за правителя дел мнимого Общества мира, войти в близкие отношения с Дембинским, избрать его президентом Общества и таким образом, с одной стороны, направляя действия его в нашу пользу, с другой — узнавая через него о происках других партий, из коих главная — Мерославского, парализовать вредное влияние сих последних»¹¹.

Шефу жандармов предстояло сделать нравственный выбор. Правда, смущало и то обстоятельство, что, по словам Толстого, «для достижения цели, ему [Балашевичу] потребны материальные средства»¹². Решение давалось не просто. Об этом свидетельствуют пометки и резолюции на записке. Долгоруков: «Переговорить», а уже после этого разговора — Шувалова: «Его сиятельство оправдывает действия Балашевича».

К этому времени неожиданно изменил свою точку зрения Толстой. В письме Шувалову из Парижа 20 октября (1 ноября) 1861 г. он сообщал: «Деятельность и усердие Балашевича заслуживают поощрения, а действия его, особенно в настоящее время, могут принести несомненную пользу». Обратился к шефу жандармов и сам Балашевич. «Все смуты и несчастья, постигшие страну, — писал он 31 октября (12 ноября), — имеют главный источник в Париже», а потому для успешного противодействия замыслам польской эмиграции «необходимо материальное пособие правительства». Собственные же «искренние услуги» Балашевича «основаны на сознании чести и долга и лишены каких-либо выгод».

Путь решения этой проблемы Толстой видел в том, чтобы предоставить Балашевичу официальную должность, например, комиссионера императорского Эрмитажа (сам Толстой числился чиновником Министерства народного просвещения). Но Долгоруков это предложение отклонил: «Едва ли тогда он будет полезен, коль скоро узнают, что ему дано поручение от русского правительства»¹³.

Свидетельством того, что деятельность нового добровольного сотрудника в III отделении одобряли, служит записка Долгорукова: «Балашевич прислал довольно много весьма интересных сведений из Парижа, которые взяты мною в Ц[арское] С[ело] для представления е[го] в[еличеству]». Эти материалы шеф жандармов собирался также показать заместителю Царства Польского А. Н. Лидерсу.

Принимая услуги Балашевича, III отделение, однако, не торопилось оплачивать его расходы. В результате он оказался в затруднительном положении. В одной из служебных записок отмечалось, что «расходы, которые он принужден делать, с целью проникнуть [в] тайны польской эмиграции и приобрести ее доверие, поставив себя так, чтобы его не могли подозревать, требуют с его стороны таких жертв, каких не позволяют ему приносить его собственные средства».

Балашевич терпеливо ждал, затем начал теребить Толстого и, наконец, не выдержав, написал ультимативное письмо шефу жандармов: «Вследствие возникших материальных затруднений... я должен оставить пост мой в качестве агента и избрать другой образ жизни». Аргументировать свое решение он начал, естественно, с моральных издержек («Я подвергал жизнь свою и имя если не материальной, то политической смерти»), а закончил

денежными претензиями («В течение полугода, занимаясь поручениями правительства, я содержал себя и нес все расходы — по делам власти — на свои деньги; средства мои небольшие — издержаны, и я поставлен в самое критическое положение»). В следующем письме — та же тема, но без категорических заявлений: «Я трудился полгода, поддерживая интересы собственными средствами... Я издержал все свои деньги... Я прибегал к Якову Николаевичу [Толстому], но кроме надежды ничего не получил»¹⁴.

Балашевич с его «идейной убежденностью», афишируемой любовью к царю, добросовестностью и бескорыстием был столь непохож на привычные для чиновников III отделения кадры агентов, что выглядел в их глазах личностью подозрительной и все более их раздражал. А тут еще поддержка шефа жандармов! Поэтому получение ходатайства о денежном пособии ставило все на свои места.

В письме Толстому от 7 декабря 1861 г. новый управляющий III отделением А. Л. Потапов иронизировал над бескорыстием Балашевича: «Когда г. Балашевич предлагал свои услуги, он решительно отказывался от всякого за них вознаграждения», так как говорил, что «желает действовать на пользу России из одной лишь преданности правительству. С тех пор, в уважение сообщаемых им сведений, у него куплена за 3 тыс. рублей коллекция редкостей... ему выдано 235 рублей и 50 червонцев на покрытие расходов, ныне же... сделано сношение о приобретении у него за 10 тыс. рублей... собрания древностей. Притязания г. Балашевича могут со временем еще увеличиться и дойти до размеров, превышающих власть кн. Василия Андреевича [Долгорукова], а потому е[го] с[иятельству] угодно, чтобы вы условились решительно насчет содержания, какое он желал бы получить»¹⁵.

Недоброжелатели в III отделении пытались воздействовать на отношение шефа жандармов к Балашевичу. Карты путала переменившаяся оценка его агентурной деятельности Толстым. Не имея новых сведений, в III отделении учитывали, что Толстой судил о действиях Балашевича по его же словам, не имея других средств узнать, что происходит между эмигрантами, что Балашевич, быть может, хитрит. Долгоруков вынужден был уступить нажиму. Распорядившись выслать Балашевичу еще 500 руб., он приписал: «На будущее время я вовсе не намерен назначать Балашевичу ни постоянного содержания, ни суммы на его издержки. Вознаграждение его будет зависеть от успеха его действий, доказанного, а не на одних его словах основанного».

Суть этих сомнений излагал Потапов в письме Толстому от 19 декабря 1861 года. Перечисляя известные деяния Балашевича в эмигрантской среде, вспоминая его затраты на публикацию воззваний то в «обвинительном» (против Мерославского), то в «успокоительном духе» (к полякам в Галиции и Царстве Польском), управляющий III отделением рассуждал: «Все здесь изъясненное говорит сам Балашевич... Но тут рождается вопрос — можно ли ему верить, что все им описываемое совершилось и должно совершиться вследствие его влияния на лица и дела? Не совершилось ли бы все это и без его участия? В истории Польши распри между лицами, стоящими во главе нации, всегда играли большую роль и были причиной разных бедствий. Не удивительно после того, если коноводы эмиграции, домогающиеся каждый для себя первенства, поссорились между собой и тем расстроили все планы. Поляки стали подозревать Мерославского в плутовстве еще до прибытия

Балашевича в Париж, и нет ничего особенного в том, что люди, подобные Дембинскому и Рибинскому, игравшие некогда важные роли, не могут равнодушно смотреть на проделки Мерославского и присвоение им себе, в решительное время, разных прав, не совместимых с его личностью, совершенно ничтожною. Быть может, г. Балашевич действует в видах нашего правительства честно, но об этом трудно судить и удостовериться в том почти невозможно, разве только в таком случае, если бы его изобличила сама эмиграция».

Недоверием к Балашевичу была проникнута записка А. К. Гедерштерна, управляющего III экспедицией жандармского ведомства. «По случаю составления мною политического отчета, — писал он, — прочитал я дело отставного поручика Балашевича, которое было мне совершенно не известно... Из разных его донесений видно ясно, что он давно знаком с замыслами польской эмиграции и многими членами оной, что уже в 1859 г. он возвращался из Парижа вместе с Альфредом Потоцким, отправленным от Дембинского для разведывания в Польше... что он следил за замыслами поляков в Познани и на германских минеральных водах, что ему известны были преступные затеи студентские и других лиц в Москве и проч., и проч., и что он противодействовал всему этому втихомолку, собственными средствами и не доводя до сведения правительства, дабы пламенная его любовь к государю и России не помрачилась на счет корыстолюбия и склонности к доносам».

Холодный и циничный ум полицейского чиновника не позволял ему умиляться таким изображением действий Балашевича: «Подобной сказке, конечно, никто поверить не мог, и само обращение Б. к митрополиту московскому указывает, какого полета он птица». Подчеркнув необходимость собрать о нем обстоятельные сведения (оказалось, что даже не знали, какого он вероисповедания), управляющий экспедицией обратил внимание на некоторые смутившие его обстоятельства дела: «Я заметил, что первая записка Б., представленная митрополитом, писана кем-либо, который лучше Б. владеет русским языком, ибо последующие его донесения не отличаются ни слогом, ни твердым знанием грамматики». Касаясь парижской деятельности Балашевича, он замечал: «Я не могу допустить, чтобы старик Дембинский был столь легковерен и прост и попался бы в нелепую ловушку, приняв покровительство над несуществующим Обществом мира и делая из себя платного агента Б[алашевича]. Не могу я допустить, чтобы Б., в ничтожестве своем, успел предупредить составление разных обществ и поссорить между собой главных вождей эмиграции». «Я удивляюсь, — продолжал Гедерштерн, — что о всех таковых подвигах Б... ничего не писал по сие время расторопный агент нашего посольства в Париже, которого донесения в продолжение последних месяцев были очень подробны и касались тех же ссор и раздроблений польской партии». Далее, искушенный сыщик заключал: «Чутье говорит мне, что Б. большой плут и предатель, и едва ли не был он сам в Польше и России в качестве эмиссара революционной пропаганды. Все его донесения доказывают, что он долго жил в этом элементе, и никогда я не поверю, что это было для пользы российского правительства. Я видел Б. один раз в Париже, и наружность его сделала на меня неприятное впечатление... не понимаю я, каким образом Я. Н. Толстой дал себя перехитрить Балашевичу и стал ходатаем по его бесстыдным домогательствам... Это все может быть обман». А последние из прочитанных донесений еще больше убеждали в его «опасном плутовстве».

Чего здесь было больше: служебного рвения или униженного самолюбия (от управляющего экспедицией, ведавшего заграничной агентурой, скрыли факт приобретения и использования такого агента)? На всякий случай оперативно были разсланы запросы на места прежней службы Балашевича. Толстому предписали «усугубить присмотр за ним»¹⁶. Чиновникам III экспедиции поручили сравнить сведения, поступающие из Министерства иностранных дел, с донесениями Балашевича.

Несколько успокоило шефа жандармов письмо Толстого от 4(16) января 1862 г., в котором сообщалось, что посольский агент «сравнивал и удостоверился» в верности сообщаемых сведений, да и он сам «поручал Балашевичу собирать некоторые сведения, достать некоторые документы и тому подобное, и во всех случаях он исполнял данные поручения удовлетворительно». Признавая, что среди лидеров польской эмиграции постоянно возникают конфликты, Толстой подчеркивал, что «эти раздоры разгораются и поддерживаются агентом при помощи денег». «Я не спускаю с него глаз», — заключал он. На этом письме резолюция Долгорукова: «Я готов поддерживать Б. в необходимом размере... не нужно ли выслать для него ещё некоторую сумму»¹⁷. Как видно из следующих листов архивного дела, это был очередной виток колебаний шефа жандармов. У его сомнений была серьезная финансовая подоплёка.

О первых шагах деятельности Балашевича можно судить по представленным в III отделение счетам. Например, в отчете за 1 октября — 15 ноября 1861 г. показаны следующие затраты: 200 руб. — пособие Дембинскому, 150 руб. — жалование трем агентам. Затем перечислены издательские расходы: сотруднику журнала «Demokrata Polski» «за содействие нам с 12 октября» — 100 руб., «автору за стихи» — 25 руб., за 2300 экземпляров брошюры против Мерославского — 100 руб., за напечатание протеста Дембинского (2500 экз.) — 55 руб., письма Рибинского архиепископу Rhodes на польском языке (1000 экз.) — 30 руб.; поездки, покупка брошюр — 30 рублей. Любопытно и примечание Балашевича: «Не включая издержки моей жизни, представляя *это* вниманию правительства». К началу 1862 г. затраты на покрытие расходов энергичного агента приближались к 2000 рублей¹⁸.

Средства тратились, главным образом, на польскую эмиграцию. Но иногда в его поле зрения попадали и русские выходцы. 26 ноября 1861 г. Балашевич донес об отставном офицере Сергее Анненкове, «вывезшем из России много вредных известий». Он же сблизился с Герценом и Мерославским, написал несколько прокламаций и получил за это «2 тыс. франков из кассы Мерославского». В последующем изложении интересна мотивация новых трат: Анненков «у меня был, говорил о своих сношениях с Герценом, показывал его письма. Говорил, что он агент тайных обществ в России и обещался сообщать кое-что. Действительно, его показание одно оправдалось. Я ему дал денег. Но спустя неделю он уехал в Биарриц для свидания с кн. П. Долгоруким, которому он вручил какие-то секретные бумаги»¹⁹.

«Тайные общества», «секретные бумаги», «заговоры», «пропаганда в войсках» — много важных знакомых для тайной полиции слов и — ничего конкретного, осязаемого. Окрыленный очередной денежной инъекцией, Балашевич писал Толстому: «Теперь более всего нам необходимы материальные пособия правительства, дабы воспользоваться нашими успехами и лишить врагов опоры».

Просматривая большое количество присланных из Парижа газетных вырезок, печатных манифестов, прокламаций, брошюр, рукописных обзоров деятельности польской эмиграции, шеф жандармов, видимо, с особым вниманием изучал денежные счета Балашевича. На одной из бумаг он пометил: «Я очень опасаясь, чтобы Балашевич снова не ввел нас в напрасные издержки. Хорошо бы решительно с ним развязаться».

Выполняя это предписание, Потапов довел до сведения Толстого (письмо от 19(30) марта 1862 г.) мнение Долгорукова: «Его сиятельство, не видя, однако ж, чтобы из донесений Б. возможно было извлечь существенную пользу, между тем как содержание его обошлось бы довольно дорого, поручил мне поблагодарить его за прежние труды и готовность продолжать свои сообщения, объявив ему вместе с тем, что кн. Василий Андреевич в его услугах больше не нуждается».

Толстой пытался переубедить начальство, однако решение уже было принято. На его письме от 3(15) апреля 1862 г. Долгоруков начертал: «Все это не дает понятия о тех издержках, которых затребует содержание Балашевича»²⁰.

В мае Балашевич выехал в Петербург. О причинах внезапного его отъезда существуют разные мнения²¹. А. Бутковский, агент III отделения, объяснял удаление Балашевича «необузданным тщеславием», «претензиями на роль дипломатического агента при русском правительстве» и «неспособностью к подобной должности... по совершенному незнанию иностранных языков». Изучавший шпионскую деятельность Балашевича Р. М. Кантор полагал, что отставка была вызвана происками против него «сильной оппозиции» в III отделении, опасавшейся, что он «может в будущем, в известном отношении и смысле, стать диктатором агентурь». Но причина состоявшегося разрыва прозаична. Ведомство Долгорукова не располагало средствами для столь энергичной провокационной деятельности. В «Смете расходов III отделения на 1863 г.» в параграфе «Секретные расходы» указана сумма, составлявшая в 1861 — начале 1862 г. 38 685 руб. 71 коп., включая 1500 червонцев (4400 руб.)²², обычно использовавшихся для обращения в иностранную валюту. Вероятно, это и есть часто упоминаемая в документах «заграничная секретная сумма», предоставленная шефу жандармов для расчетов за пределами страны.

Оппозиция по отношению к Балашевичу в III отделении действительно существовала, однако не по тем причинам которые называл Кантор. Во-первых, Балашевичу не доверяли (смущала подозрительно хорошая осведомленность и декларируемое бескорыстие), во-вторых, критически относились к приемам провокации (то есть агентурной работы в «преступной» среде), такие методы казались и расточительными и недостойными государственной полиции. Так что, это скорее конфликт «новаторов» и «консерваторов», кризис роста, сопровождавший процесс становления профессиональной заграничной шпионской службы, основанной не на пассивном сборе информации, а на активном вмешательстве, подталкивании поднадзорных к действиям в выгодном для власти направлении.

Вернувшись в Россию, Балашевич адресовался к шефу жандармов. В III отделение он послал из Москвы донесение в 24 пункта — о «значительном обществе заговорщиков в Москве», о «вредных настроениях» в Смоленской, Витебской и Тверской губерниях, о неблагонамеренных действиях казанских семинаристов, о распространении герценовских изданий «как в Москве, так

и по деревням); агент называл конкретные «зловредные» личности. Как и год назад, его информация была встречена благожелательно: в записке «много сведений, заслуживающих внимания и соответствующих тем, которые мы уже имеем»²³. Балашевич, таким образом, не попал в опалу.

По рекомендации Долгорукова он перешел в распоряжение наместника Царства Польского²⁴ и только после этого формально стал платным агентом. Видимо, после соответствующего разговора с шефом жандармов Балашевич подготовил «Предложения» о необходимых средствах для будущей работы: «Испрашиваю себе самое незначительное содержание — 200 фр. в месяц, что в Париже очень немного». Далее, «приступая к правильной службе и для лучшего успеха и безопасности», он считал необходимым иметь одного агента из России (200 фр. в месяц), двух — из поляков (400 фр.); на экстраординарные издержки — 100 фр., на печатание — 300 франков. Итого 1200 фр. в месяц.

Свои расчеты Балашевич сопроводил пространным комментарием: «Хотя сказать правду, эта сумма очень мала для раскрытия и уничтожения зловредных происков эмиграции, превосходящей наши силы во стократ численностью и материальными средствами, но, пользуясь обстоятельствами и употребляя их членов для нашей цели, распространяя взаимные междоусобия, а главное, раскрывая их черные стороны, мы можем приискать средство уничтожения, помня, что от малой искры бывают опустошительные пожары, если к этому встретятся удобные обстоятельства». Эти предложения были приняты наместником, и Балашевич, снабженный паспортом на имя Альберта Потоцкого, снова отправился в Париж, в распоряжение советника посольства Убри²⁵.

Отныне свои донесения он слал в два адреса: шефу жандармов и директору дипломатической канцелярии наместника Ю. Л. Тенгоборскому. Именно в это время в полной мере проявились его способности к провокации. Умело используя антирусские настроения, существовавшие в польской эмиграции, Балашевич пытался, и не безуспешно, разжигая национализм, расстраивать польские связи Герцена, сеять взаимное недоверие. Он писал подложные письма, используя бланки и печать Жонда народного. Публиковал статьи, брошюры, интриговал против М. А. Бакунина и Мерославского. Его домыслы, сообщенные Бакунину в анонимном послании, были использованы в одной из публикаций «Колокола». Балашевичу оказывала поддержку французская полиция. Имея доступ к перлюстрированной корреспонденции, он не только снимал копии, но и дописывал письма, искусно подделывая почерк. Его агенты выискивали и сообщали полиции места торговли запрещенным во Франции «Колоколом»²⁶. К декабрю 1863 г. относится поручение Долгорукова секретарю посольства в Лондоне П. А. Сабурову ежемесячно выплачивать 40 ф. ст. «секретному агенту нашему А. Потоцкому»²⁷.

Служебное рвение Балашевича, видимо, угасло. Он начал основательно устраиваться в Лондоне: приобрел антикварный магазин и, к удивлению старшего чиновника III отделения А. Ф. Шульца, нанял на три года вперед квартиру, уже после того, как Герцен и Огарев переехали на континент. О его бездействии свидетельствовал и Сабуров. Получив в сентябре 1865 г. из Петербурга предписание навести справки о некоторых лицах, он признавал, что «располагает исключительно услугами состоящего при посольстве секретного агента, который со времени последнего польского бунта, как

кажется, не имеет с польской эмиграцией сношений, которые могли бы принести некоторую пользу. Посему мы ему исключительно поручаем сношения с журналами, когда в оных оказывается надобность»²⁸.

Последние листы архивного дела Балашевича содержат просьбы о пособиях, сетования на долги и надежды на милость. Казалось бы, его карьера закончилась. Но это было не так. Вся предшествующая деятельность была лишь прелюдией к его полицейско-провокаторской работе конца 1860—1870-х годов. Материальная зависимость от сребреников III отделения крепче идейных уз патриотизма и верноподданнической любви к императору держала Балашевича (Потоцкого) на службе тайной полиции.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке Института «Открытое общество». Фонд Сороса. Россия.

1. ВАХРУШЕВ И. С. Русские революционеры и заграничная агентура царизма в 70—80-е гг. XIX в. В кн.: Освободительное движение в России. Вып. 8. Саратов. 1978, с. 56.
2. КАНТОР Р. М. П. Л. Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий. В кн.: Лавров. Пб. 1922; ГЕРЦЕН А. И. Полн. собр. соч. и писем в 22 тт. Пг. 1915—1922. Т. 15, с. 595; т. 16, с. 372 и др.; БЕЛЯВСКАЯ И. М. Польское национально-освободительное движение и Герцен. В кн.: Литературное наследство. Т. 64. М. 1958; ДЬЯКОВ В. А. Глазами царского агента. В кн.: Прометей. Т. 7. М. 1969; МИЛЛЕР И. С. Пропагандистская деятельность Н. П. Огарева в 1863 г. и Бернская типография. В кн.: Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М. 1980; ОРЖЕХОВСКИЙ И. В. Самодержавие против революционной России. М. 1982; POTOCKI A. Raporty szpiega. T. 1-2. Warszawa. 1973.
3. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде III отделения имеется дело об отставном подпоручике Балашевиче (ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154).
4. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 1—4; КАНТОР Р. М. Ук. соч., с. 478.
5. ОРЖЕХОВСКИЙ И. В. Ук. соч., с. 114. Вахрушев пишет о Балашевиче как «подвизавшемся в осведомителях» с 1859 года (ВАХРУШЕВ И. С. Ук. соч., с. 56).
6. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 7—7об, 123, 185.
7. МОДЗАЛЕВСКИЙ Б. Л. Я. Н. Толстой. СПб. 1899; Родина, 1994, № 7, с. 93—95.
8. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 11—18.
9. Там же, л. 23—24. О планах создания анти-«Колокола» см.: ПОРОХ И. В. Из истории борьбы царизма против Герцена. В кн.: Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов. 1964.
10. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 26—27, 29—31; КАНТОР Р. М. Ук. соч., с. 480.
11. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 57.
12. Там же, л. 31об. В письме от 1(13) октября Толстой, уже получивший разрешение выдать агенту необходимую сумму из своих средств, снова коснулся этой темы: «Для успешного противодействия польской пропаганде необходимы более значительные суммы... в противном случае борьба будет неравносильной, от чего может произойти великий для России вред» (там же, л. 50об.).
13. Там же, л. 55, 62—62об., 96, 99.
14. Там же, л. 104, 110, 138, 119.
15. Там же, л. 121—122.
16. Там же, л. 123—124об., 126, 130—131; 332.
17. Там же. Л. 330—331. Заключение III экспедиции также было позитивным: «Сведения, сообщенные Балашевичем, сходятся с теми, которые получили ныне через князя [А. М.] Горчакова в том, что польская эмиграция раздроблена на партии между собой, более или менее враждебные, что Владислав Чарторийский домогается прав на польский престол, что Мерославский обвиняется в растрате присланных ему из Царства Польского сумм и что он унижен в глазах эмиграции... Но в донесениях Балашевича не упоминается о том, что прав на польский престол домогается также граф Адам Потоцкий» (там же, 1862 г., д. 35, л. 22). Как видим, оба «источника» содержали лишь самые общие слухи.
18. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 257, 366.

19. Там же. Л. 282об.
20. Там же, л. 515, 516.
21. Из материалов дела видно, что он выехал из Парижа по собственной инициативе — объясниться с шефом жандармов, чтобы выяснить причины разрыва отношений, а не был «осторожно отозван» (КАНТОР Р. М. Ук. соч., с. 481; ОРЖЕХОВСКИЙ И. В. Ук. соч., с. 115). Неверно и другое утверждение Кантора — что Долгоруков «щедро отпускал Балашевичу деньги».
22. Былое (Париж), 1908, № 8, с. 152—153; КАНТОР Р. М. Ук. соч., с. 481; ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 3, д. 544, л. 24.
23. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 455—456.
24. Вероятно, наместник располагал значительно большими средствами на агентуру, чем III отделение. К 1867 г. в распоряжении наместника было 25 агентов в Берлине, Дрездене, Париже (ДЪЯКОВ В. А. Ук. соч., с. 328).
25. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 459—461, 442.
26. ГЕРЦЕН А. И. Полн. собр. соч. Т. 15, с. 595—600; БЕЛЯВСКАЯ И. М. Ук. соч., с. 764—768; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864 г. Т. 3. М. 1983, с. 380, 423, 435, 490, 527; МИЛЛЕР И. С. Ук. соч., с. 333—336; Русско-польские революционные связи. Восстание 1863 года. М-лы и док-ты. Т. 2. М. — Wrocław. 1963, s. 9.
27. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 533—535.
28. Там же. СА, оп. 1, д. 392, л. 3об.—4; 1-я эксп., 1861 г., д. 154, л. 565—566.

Каким был подлинный С. М. Киров

Н. А. Ефимов

В советской литературе Киров (настоящая фамилия Костриков) рисовался твердокаменным большевиком-ленинцем. На все лады расписывалась его непримиримая борьба против антипартийных элементов. Утверждалось, что в годы империалистической войны «он раскрывает перед рабочими и горцами истинные замыслы царизма в войне», «сплачивает вокруг себя большевиков Владикавказа, Грозного и Минеральных Вод, дает конкретные указания о работе в армии», что в своих статьях и корреспонденциях он «неизменно проводил ленинскую идею превращения империалистической войны в войну гражданскую»¹. Раздувались «кировские подвиги» в годы гражданской войны, ему приписывалось создание Волжско-Каспийской военной флотилии². В литературе иногда и сейчас утверждается, что С. М. Киров — член большевистской партии с 1904 г., что к концу 1916 г. он возглавлял большевистскую группу во Владикавказе³.

Впервые дооктябрьский большевизм Кирова поставил под сомнение А. И. Козлов. Проанализировав статьи Кирова за период с марта по июль 1917 г., опубликованные во владикавказской либерально-буржуазной газете «Терек», сотрудником которой тот долгое время состоял, Козлов доказал, что Киров в тот период был сторонником Временного правительства и преклонялся перед А. Ф. Керенским. Не случайно статьи того времени не вошли в сборники произведений Кирова, а ссылки на них были строго запрещены⁴.

Оценивая программу Временного правительства и призывая к объединению вокруг него, Киров в марте 1917 г. заявлял: «И каждый из нас должен сделать эту программу своим гражданским евангелием и неустанно идти по пути ее осуществления теми приемами и способами, которые преподаются Временным революционным правительством совместно с Петроградским Советом рабочих депутатов»⁵.

В статьях «По пути к свободе», «В ногу с революцией» и др., не сомневаясь в том, что власть Временного правительства является «нашей», «народной властью», Киров призывал к его поддержке, полагая, что проводимые Временным правительством реформы «написаны на знаменах революции». «Пока правительство твердо идет по этому пути, идет в ногу с революцией, — уверял Киров, — рабочим слоям нет оснований роптать на тех, в чьих руках теперь власть». Создание коалиционного правительства после апрельского кризиса, вхождение в него шести министров-социалистов он расценил как «блестяще прошедший первый акт русской революции», который открывает собою огромное поле для укрепления завоеванных позиций. Гарантию тому он видел в деятельности Керенского⁶.

Возникает вопрос: разве подобные высказывания соответствуют тому, что

говорил о Временном правительстве Ленин, выдвинувший лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству», требовавший его разоблачения, считавший его «соглашением социалистов с капиталистами», «удушением революции»⁷.

Представляет интерес и позиция Кирова в отношении оценки войны. Ленин, как известно, выступал за поражение России, был врагом российского правительства, ратовал за превращение империалистической войны в гражданскую. Выступления Кирова в газете «Терек», противоречили ленинским установкам. Выражая веру в успех России в войне, он писал 9 (22) августа. «Едва ли современники прошлых войн видели то настроение, которое господствует в настоящую минуту. Не слышно ни одного выкрика, нет самоуверенности и кичливости, есть только одно сознание чрезвычайной важности переживаемого момента и отсюда — спокойствие и твердость. И чем больше это станет проявляться, тем полнее будет успех».

Киров писал: «Кампания только еще разворачивается, главные жертвы впереди и впереди же настоящее торжество...» Испытывая «большое моральное удовлетворение относительного состояния души русского народа», Киров заявлял: «Трудно поверить, что кто-нибудь мог себе представить то огромное нравственное могущество, которое проявила Россия с первого момента войны. Точно сказочный луч, озарила Россию война, и вся страна преобразилась. Вместо серенького, постоянно пьяного, иногда невинно мечтающего народа, начинающего привыкать к праздности, ко всякому воздействию, перед нами встал огромный народ с мощным и, как скала, твердым и спокойным духом... Нужны деньги, народ дает их. Теперь он не страшится ни налогов, ни других новых повинностей, он трезв, духовно силен и материальные блага он найдет. Не может не найти!»⁸.

В октябре 1917 г. Владикавказский совет, в котором преобладали меньшевики и эсеры, направил Кирова на II-й Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В анкете, представленной съезду, сообщалось об отсутствии во Владикавказе большевистской и наличии объединенной социал-демократической организации. Отношение Владикавказского совета к вопросу о власти было выражено меньшевистско-эсеровским требованием: «Вся власть демократии!».

После прихода к власти большевиков, Киров начинает политическую переориентацию, делает шаги к большевизму. Выступая 4(17) ноября 1917 г. во Владикавказском совете с докладом о событиях в Петрограде, он дал прямо противоположную, чем прежде, оценку свергнутому Временному правительству и поддержке действия Петроградского военно-революционного комитета. Произнеся немало фраз во славу «третьей Великой русской революции», Киров сделал реверанс в сторону Ленина, который якобы ранее жил не за границей, не в Германии или Швейцарии, о чем, по его словам, лживо сообщала буржуазная пресса, а «в лачугах питерских рабочих»⁹.

Ю. П. Бутягин, член партии с 1902 г., участник трех революций и гражданской войны, хорошо знавший партийных работников Северного Кавказа со времени первой русской революции и работавший с Кировым во Владикавказе и в Астрахани, сообщал в ЦК РКП(б) в июле 1921 г. о прошлом меньшевизме Кирова, о том, что партбилет им был получен в Астрахани лишь в 1919 г., что в 1917 г. его знали на Кавказе как меньшевика¹⁰. Возражая против выдвижения Кирова на пост председателя Комиссии по чистке партии, Бутягин писал о нем: «Прибыв на Кавказ... работал в буржуазных газетах... Авторитет его сейчас в Горреспублике (г. Владикавказ)¹¹ крайне низок: даже [на выборах] в парткомитет, в Горсовнарком и на областной конференции рабочие его забаллотировали, так что назначение его [в] Комиссию по чистке партии на Кавказе усилит только расхлябанность партии»¹².

Для оценки политического лица Кирова представляет интерес также более раннее письмо, очевидно, того же Бутягина, на имя А. Г. Шляпникова, члена Центральной комиссии по проверке и очистке партии: «Товарищ Шляпников! На Ваш личный запрос о кандидатуре тов. С. М. Кирова [в] Председатели комиссии по очистке партии считаю нужным сообщить следующее:

Тов. Киров, как оратор, пользуется в массах известной популярностью, но за ним нет почти никакого стажа практической партийной и советской работы, которую он или не может вести или осторожно уклоняется от нее, ограничиваясь главным образом выступлениями на зав[одах] или широких собраниях. До [19]18 г. он состоял в рядах меньшевиков. В 1918 г. обнаруживал неуверенность в победе советской власти, долго колебался и лавировал. Официально в партию вступил

только в 1919 году. В проявлении и проведении партийной линии был дипломатически осторожен, но не настолько, чтобы не было известно, что до X-го съезда [РКП(б)] он был одним из самых активных троцкистов среди руководителей кавказской группы тт., борющейся с дисциплинированными членами партии, выдержанными сторонниками платформы 10-ти, совершенно недопустимыми мерами и средствами, [что] не помешало ему молчаливо объявиться сторонником платформы 10-ти, когда определилось за ней большинство, без необходимых объяснений прошлого поведения.

Предполагаю, что он по своему бюрократическому уклону и половинчатости может проводить платформу 10-го съезда не хуже и не лучше, чем проводил троцкизм на Кавказе или в Горреспублике»¹³.

Как известно, позднее Киров стал одним из самых яростных борцов против «троцкистов» и других оппонентов Сталина. По его предложению в октябре 1926 г. на объединенном пленуме ЦКК и ЦК ВКП(б) Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев были выведены из состава Политбюро ЦК, а Г. Е. Зиновьев — отстранен от руководства Исполкомом Коминтерна»¹⁴.

Кирову принадлежала активная руководящая роль в проведении «красного террора», в г. Астрахани и в Азербайджане в годы гражданской войны; он призывал под красным знаменем «пролить еще новые потоки крови врагов рабочего класса». Став в конце февраля 1919 г. председателем Временного военно-революционного комитета Астраханского края, он в обращении к рабочим и трудящимся провозгласил: «Мы должны воплотить в жизнь принцип — кто не работает, тот не ест и ввести классовый паек, единственно справедливый». Своим первым приказом в качестве председателя военревкома Киров предписал «провести немедленно в жизнь сокращение хлебного пайка до основной нормы, т. е. первой категории выдавать по одному фунту, второй категории $\frac{1}{2}$ фунта и третьей категории $\frac{1}{4}$ фунта»¹⁵.

Скудность снабжения, прежде всего хлебом, привела к недовольству горожан большевистской властью. Политическая сводка политотдела за 8 марта сообщала: «Рабочие, часть гарнизона требуют свободную торговлю, закупку, провоз хлеба», «население враждебно относится к мобилизации. Солдатки, не получающие с сентября... пособия, возмущаются, говоря: «Советская власть хочет нас уморить с голода. В селах масса дезертиров... Крестьяне окончательно отказали продать для нужд армии скот...»¹⁶.

Не получив удовлетворения своих требований, тысячи рабочих заводов и фабрик Астрахани, включая рабочих военных заводов, забастовали. Их возмущали произвол и издевательства коммунистов, их постоянные угрозы оружием, невыплата заработанных денег в течение нескольких месяцев. Рабочие поддержали красноармейцы некоторых частей. Забастовка фактически превратилась в выступление против советской власти под лозунгом: «Долой коммунистов и комиссаров».

Власти на подавление массового выступления бросили максимальное количество войск, включая матросов Астрахано-Каспийской военной флотилии. Астрахань была объявлена на осадном положении. Приказ об этом подписали председатель Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта К. А. Мехоношин, председатель Временного военревкома С. М. Киров и командующий красной военной флотилией С. Е. Сакс. Вышедшие на улицы рабочие и красноармейцы были объявлены бандитами. Приказ предписывал всех «сопротивляющихся советской власти расстреливать на месте... У всех, отказавшихся работать, немедленно отобрать продовольственные карточки... Желающие есть должны встать немедленно на работу. Особому отделу немедленно произвести самое строгое расследование и всех виновников предать суду военно-полевого революционного трибунала».

Так как рабочие оказывали лишь пассивное сопротивление карателям, больше митинговали, их выступление было быстро подавлено и потоплено в крови. В приказе от 12 марта 1919 г., написанном Кировым и подписанном также Мехоношиным и Саксом, говорилось: «Белогвардейцы и все враги рабоче-крестьянской власти... разбиты...»¹⁷.

К жестокой расправе с астраханскими рабочими, жертвами которой стали до 4 тыс. человек, не раз описанной в литературе, «друг рабочих» Киров имел прямое отношение.

Имеется еще одно свидетельство того, что творилось в Астрахани в 1919—1920 гг., где находились Реввоенсовет и штаб 11-й армии и где одним из главных

администраторов являлся Киров. А. П. Мачевариани, очевидец событий, в письме М. И. Калинину сообщал в июне 1920 г.: «Население в течение 1½ года буквально голодает, комиссары живут по-хански, швыряя Народное достояние по личному усмотрению... Что же касается продовольственных пайков, то они существуют только на бумаге, но по ним буквально ничего не выдают. Разве только иногда выдают гнилую воблю или селедку... Администраторы, окружив себя своими знакомыми дамами и друзьями, творят безобразия, вызывая раздражение трудового Рабоче-крестьянского класса». Автор письма сообщал Калинину, что чекисты-особисты Новиков и Атарбеков «терроризировали население Астрахани» так, что астраханцы избегали даже проходить мимо Особого отдела.« Несознательные гражд[ане], а их очень много в г. Астрахани, — писал Мачевариани, — проклинают советскую власть, обвиняя партию коммунистов в целом»¹⁸.

Признавая, что значительная часть населения астраханской губернии не поддерживает его начинаний, Киров грозил: «Если мы усмотрим, что какая-то волость или поселок помогает белогвардейцам, то мы просто поступим с ними, как с врагами рабочего класса. Мы будем брать из контрреволюционных сел заложников, и они своей головой будут нам отвечать... И если мы узнаем, что в каком-то селе укрыт отряд белогвардейцев, то мы уничтожим такое контрреволюционное гнездо»¹⁹.

Вместе с другими кавказскими большевиками Киров в 1920—1921 гг. был одним из организаторов вступления войск 11-й армии в Азербайджан, Армению и Грузию, свержения там существовавших правительств и замены их правительствами из коммунистов.

Находясь на посту секретаря ЦК КП(б) Азербайджана (1921—1925 гг.), Киров «в борьбе за нефть», по образному выражению писателя-драматурга Р. Габриадзе, «пол-Баку уложил». Габриадзе относил Кирова, как и других коммунистических вождей, к сатанинским личностям, отмечая при этом, что Л. П. Берия — кировский выдвигенец²⁰.

Поставленный в 1926 г. во главе Ленинградской парторганизации, Киров стал верным оруженосцем Сталина. Попытка некоторых старых членов партии в Ленинграде напомнить о небольшевистском прошлом Сергея Мироновича, о его сотрудничестве в буржуазной газете кадетского толка во Владикавказе была немедленно пресечена. В связи с этим М. Н. Рютин писал: «Сталин... решительно защищает своих собственных мерзавцев... Теперь... выдвигаются своей лестью, хитростью, доносами, подхалимством и верностью начальству... подбираются люди самые ручные, самые беспринципные... люди, умеющие хорошо лицемерить и обманывать массы членов партии и рабочих... Эти люди приспособляются к любому режиму, к любой политической ситуации»²¹.

Киров как руководитель был непосредственно причастен к насилию над крестьянством во время коллективизации и «ликвидации кулачества» на Северо-Западе СССР, являясь первым секретарем Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и Ленинградского губкома (затем — обкома) ВКП(б).

Киров делал все для форсированного осуществления сталинской политики принудительной коллективизации сельского хозяйства. 6 августа 1932 г. в «Правде» была напечатана речь Кирова на совещании руководителей районного звена Ленинградской области. Было это накануне принятия в виде постановления ЦИКа и Совнаркома закона от 7 августа 1932 г. «Об охране общественной собственности», который Сталин среди «своих», в партийном аппарате, откровенно назвал «драконовским». По этому закону, прозванному в народе «законом о пяти колосках», голодающие крестьяне приговаривались к смертной казни и лишь при «смягчающих» обстоятельствах — к десяти годам лишения свободы с конфискацией всего имущества. А вот что говорил Киров в своей речи: «Наша карательная политика очень либеральна... Мне кажется, что в этом отношении колхозные и кооперативные организации пора приравнять к государственному, и если человек уличен в воровстве колхозного или кооперативного добра, так его надо судить вплоть до высшей меры наказания. И если уж смягчать наказание, так не менее как на 10 лет лишения свободы»²².

В Казахстан, сильно пострадавший от голода, для проведения хлебозаготовок, осуществлявшихся повсеместно с применением массовых репрессий против «саботажников», Сталиным в конце лета 1934 г. был направлен не кто иной как Киров.

Именно летом, до поездки в Казахстан, в речи на областном совещании инструкторов сельских райкомов ВКП(б) в Ленинграде Киров хвастливо обещал: «В ближайшие два-три года второй пятилетки развернутся в нашей великой стране и особенно в сельском хозяйстве такие гигантские новые производительные силы, которых еще никогда не видел мир»²³.

Выступая 10 октября 1934 г. на пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), он утверждал: «Мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному движению. Но так как мы с вами выросли и воспитались в той партии, которая сейчас является руководящей силой Коммунистического Интернационала, той партии, которой руководит величайший из ленинцев — товарищ Сталин, мы сумеем теорию марксизма-ленинизма использовать для того, чтобы добиться победы коммунизма во всем мире». В другой своей речи, на партконференции в Ленинграде, Киров утверждал: «Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин...»²⁴.

Киров энергично проводил выселение из Ленинграда в северные широты десятков тысяч «классово чуждых элементов» (музыкантов, врачей, адвокатов, инженеров, научных работников и пр.). Попирая гражданские права проживавших под Ленинградом (с XIII в.) российских финнов, гарантированные советским правительством по мирному договору 1920 г. с Финляндией, Бюро Ленинградского обкома ВКП(б), руководимое Кировым, 4 марта 1930 г. постановило выселить местное население под предлогом «обеспечения безопасности границы рядом с Ленинградом»²⁵.

Киров был одним из инициаторов погрома, учиненного в Академии наук, находившейся до 1934 г. в Ленинграде, по сфабрикованному «академическому делу». Совместно с членом президиума ЦКК ВКП(б) Я. И. (Ю. П.) Фигатнером, председателем правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук, Киров в телеграмме Сталину и председателю ЦКК ВКП(б) и наркому РКИ Г. К. Орджоникидзе 20 октября 1929 г. испрашивал их согласия на привлечение ОГПУ к «техническому выполнению операции» против академиков. Такое согласие было получено, и «операция» началась. Ученым приписали вредительство, создание контрреволюционной организации с целью свержения советской власти и установления в стране конституционно-монархического строя²⁶.

Жертвами «академического дела» оказались свыше 500 сотрудников Академии наук, в их числе — крупный ученый-историк С. Ф. Платонов. Сотни сотрудников академии наук лишились работы, многие из них оказались за тюремной решеткой, а немало ученых впоследствии были уничтожены.

Оправдывая расправу над учеными, Киров относил их к «правым», выступавшим против форсированных темпов коллективизации и необоснованных репрессий, утверждая, что «программа правых является родственной по духу, по идеологии, по крови, кругу идей этих Платоновых, Устряловых и иже с ними»²⁷.

В ведении Кирова находился Беломорлаг. На строительстве Беломорско-Балтийского канала трудились сотни тысяч заключенных. Между тем Киров отмечал «героический подвиг» чекистов, которые, по его словам, «буквально чудеса сделали», умалчивая о том, сколько человеческих жизней чекисты загубили на этой «великой социалистической стройке».

Очень сомнительно утверждение о нравственной «кристальной чистоте» Кирова, официально провозглашенного «коммунистическим святым». Теперь уже общеизвестны похождения Кирова в Ленинграде, его увлечения юными балеринами Мариинского театра. В Ленинграде в первой половине 30-х годов широкое распространение получили рассказы об оргиях-кутежах Кирова с женщинами, в частности во дворце, принадлежавшем до Октябрьской революции знаменитой балерине М. Кшесинской. Ряд автор доказывают, что Л. Николаев застрелил Кирова из тривиальной ревности, из-за интимной связи с ним своей жены М. Драуле, официантки в Смольном, ставшей одной из любовниц партийного «хозяина»²⁸.

Примечания

1. Сергей Миронович Киров. 1886—1934. Краткий биографический очерк. М. 1939, с. 27; ДЕЛУНЦ Г. К. Киров на Северном Кавказе. М. 1973, с. 71.

2. Астраханский фронт гражданской войны и С. М. Киров, Сталинград. 1936; РАЗГОН И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе 1917—1920. М. 1941.
3. Политические деятели России, 1917. Биографический словарь. М. 1993, с. 151; Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. М. 1999.
4. КОЗЛОВ А. И. Сталин: борьба за власть. Ростов-на-Дону. 1991, с. 159—162.
5. «Терек», 12.III.1917.
6. «Терек», 16, 24.III; 6,7.1917; КОЗЛОВ А. И. Ук. соч., с. 159—162.
7. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч., Т. 31, с. 106, 114; т. 32, с. 22—25, 62, 67.
8. АРУТЮНЯН А. О. Кавказский фронт. 1914—1917 гг. Ереван. 1971, с. 130, 294; «Терек», 26.VIII.1914.
9. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сб. док. М. 1957, с. 251—252; КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи. М. 1957, с. 6, 7, 10, 11, 13, 14.
10. Государственный архив Астраханской области, ф. 396, оп. 1, д. 453, л. 174; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 4, оп. 3, л. 91, 298.
11. Горская АССР с центром во Владикавказе была образована по декрету ВЦИК от 20 января 1921 г.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ), ф. 17, оп. 84, д. 196, л. 4.
13. Там же, л. 5.
14. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи. М. 1939, с. 274.
15. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи (1912—1934). М. 1957, с. 88; Астраханский фронт и С. М. Киров. Сборник статей и документов. Сталинград. 1937, с. 71—72, 76.
16. РГВА, ф. 108, оп. 2, д. 53, л. 28 об.; д. 42, л. 135, 141.
17. Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.). Документы и материалы. Ч. II. Астрахань. 1960, с. 154—157, 171, 175, 178, 179; Вопросы истории, 2000, № 6, с. 130—134.
18. Письма во власть. 1917—1927. Документы. М. 1998, с. 181—182; Астраханский фронт и С. М. Киров, с. 129.
19. РГВА, ф. 108, оп. 2, д. 41, л. 219, 221; д. 43, л. 70; д. 53 л. 1; РГА СПИ, ф. 17, оп. 66, д. 66, л. 89., 127об.; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 214, 215; Т. 39, с. 152; Т. 50, с. 142—144, 149, 152, 168.
20. «Известия», 1993, 24.VII, № 138, с. 10.
21. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 12, с. 183—184.
22. ВОЛКОГОНОВ Д. А. Ленин. Политический портрет. Кн. 1. М. 1994, с. 428; «Правда», 1932, 6.VIII.
23. БЕЛАДИ Л., КРАУС Т. Сталин. М. 1989, с. 186; КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи. М. 1939, с. 659.
24. Там же, с. 695, 609—610.
25. УПЕНСКИЙ В. Тайный советник вождя. М. 1993, т. 1, с. 191; «Известия», 1992, 25.IX, № 214, с. 3.
26. Вестник Архива Президента Российской Федерации, 1997, № 3, с. 108—122, Вопросы истории, 1989, № 5; «Красная газета», 1929, 6.XI.
27. Источник. Документы русской истории, 1997, № 3, с. 107; КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи. М. 1957, с. 493.
28. XVII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М. 1934, с. 255; БЕЛОВ В. Год великого перелома.— Новый мир, 1989, № 3, с. 9; СУДОПЛАТОВ П. Разведка и Кремль. М. 1996, с. 59—61.

Альбертусталер 1753 года

Л. И. Гольденберг

В 1753 г. герцогством Гольштейн-Готторп, видимо по инициативе его герцога, был отчеканен серебряный Альбертусталер. О причинах выпуска этой монеты автору удалось обнаружить в литературе только одно свидетельство: «В 1753 г. в связи с провозглашением герцога Шлезвиг Гольштейн-Готторпского Карла Петера Ульриха (будущего императора Петра III) наследником престола был выпущен талер с изображением двуглавого орла с гербами России и Шлезвиг-Гольштейна, окруженными цепью ордена Андрея Первозванного»¹. Ничего другого по данному вопросу (о причине его чеканки) не найдено.

По нашему мнению, с вышеназванной мотивацией причин выпуска Гольштейн-Готторпского Альбертусталера («в связи с провозглашением наследником престола») нельзя согласиться и вот почему. В Москве, в придворной церкви Лефортовского дворца Карл Петер Ульрих принял Православие под именем Великого князя Петра Федоровича и там же его тетя — императрица Елизавета Петровна — провозгласила его наследником Российского престола. Оба события — (крещение в Православие и провозглашение наследником) — произошли в один и тот же день: 7(18) ноября 1742 года. На провозглашение Великого князя Петра Федоровича наследником престола была выпущена медаль с датой 18 ноября 1742 года. Автором штемпеля этой медали был крупный нюрнбергский медальер Андреас Вестнер (1707—1754). В русском исполнении эта медаль повторена с подписью ПІ — Тимофей Иванов; в последующие годы (1757—1761) он был резчик штемпелей ряда золотых и серебряных монет.

На лицевой стороне медали дан погрудный портрет императрицы Елизаветы Петровны в короне, под которым стоит подпись «Vestner. F.» (в русском варианте ПІ) Круговая латинская легенда в переводе означает: «Елизавета Божьей Милостью императрица российской». На реверсе медали изображены три пьедестала: центральный с бюстом Петра Федоровича, — более крупный, и по обеим сторонам от него: — один с распятием, а другой — с короной и скипетром. Все надписи выполнены по латыни и в переводе сообщают следующее: «Петр Федорович, урожденный герцог Гольштейнский (центральный пьедестал); «Вера» (правый со стороны медали пьедестал) и «Могущество» (левый пьедестал). Изображение венчает лента с надписью «Твердь империи Российской». Под обрезом изображения надпись «Великим князем России и наследником престола объявлен 1742 г. 18 ноября».

Поскольку дата объявления наследником 18 ноября 1742 г. не вызывает сомнений, возникает вопрос, почему Альбертусталер 1753 г. был выпущен «в связи с провозглашением наследником престола», то есть по прошествии одиннадцати лет

Гольденберг Лев Израилевич — доктор технических наук.

после данного события. Чтобы понять причины выпуска этой монеты в 1753 году, рассмотрим вначале международную обстановку в Европе на втором этапе войны за австрийское наследство и в первое пятилетие после ее окончания (1745—1753). С этой точки зрения остановимся на знаковых для Гольштейнского герцогства и России датах и событиях. 20 января 1745 г. умер германский император Карл VII, Баварский курфюрст Карл-Альбрехт; 22 апреля 1745 г. был заключен Фюссенский мирный договор, по которому преемник курфюрста Карла Альбрехта на Баварском троне — молодой баварский курфюрст — Максимилиан III Йозеф признал Прагматическую санкцию; 1(10) февраля 1745 г. великий князь Петр Федорович достиг в России совершеннолетия: ему исполнилось 17 лет; 7 мая 1745 г. Саксонский курфюрст Фридрих Август II, в то время имперский викарий (лицо, исполняющее обязанности еще неизбранного императора), объявил Карла Петера Ульриха правящим герцогом Гольштейн-Готторп; 13 сентября 1745 г. великий герцог Тосканский, муж королевы Венгрии и Богемии — Марии Терезии Франц Стефан во Франкфурте-на-Майне был избран германским императором. Во время этих выборов курфюрст Пфальца Карл Теодор и король Пруссии Фридрих II — проголосовали против этого решения; 4 октября 1745 г. состоялась коронация германского императора Франца I.

В то время управление герцогством Гольштейн-Готторп осуществлял Тайный правительственный совет во главе со штатгальтером. Связь великого князя Петра Федоровича с этим советом шла через главу Гольштейнского представительства в Петербурге — И. Пехлина, который одновременно был и членом Тайного правительственного совета герцогства. До 1751 г. штатгальтером был один из двоюродных дядей (средний) Гольштейнского герцога — Фридрих Август, но в 1751 г. он был избран Любекским епископом и тайный совет остался без главы. В том же 1751 г. Дания предложила России обменять герцогства Шлезвиг и Гольштейн на удаленные от моря графства Ольденбург и Дельменхорст. Великий князь Петр Федорович был категорически против этого, мотивируя свой отказ соблюдением традиций Петра I во внешней политике — владеть территориями, имеющими выход в море. Для усиления политического давления на Россию в 1752 г. германский император Франц I наделил шведского короля Адольфа Фредерика (старшего двоюродного дядю Гольштейнского герцога) леном (пожизненным владением) на герцогство Гольштейн. Этим, по существу, отменялось провозглашенное в период викиариата указанное выше решение Фридриха Августа Саксонского.

Возмущенный таким демаршем германского императора, великий князь Петр Федорович немедленно захотел подтвердить свое законное право на владение герцогством Гольштейн-Готторп и в 1753 г. от имени герцогства Гольштейн-Готторп выпустил Альбертусталер. На аверсе этого Альбертусталера дан погрудный портрет Петра (вправо) в доспехах и с распущенными волосами. На правой (по отношению к портрету) стороне его груди показан мальтийский крест высшего прусского ордена Черного Орла. Под портретом стоит латинская буква «S». Круговая легенда аверса гласит: «PETRUS D. G. MAGNUS DUX TOTIUS RUSSIAE», — что означает: «Петр Божьей милостью Великий князь наследник России».

На реверсе монеты представлен коронованный имперской короной Российский двуглавый орел с двумя овальными гербовыми щитами — Российской империи (справа, по отношению к монете) и герцогства Шлезвиг-Гольштейн (с другой стороны). Оба гербовых щита покоятся на цепи высшего русского ордена Андрея Первозванного, который (орден) подвешен к ней и помещен на поверхности хвоста орла. Ниже, под орлом стоит латинская буква «P». В лапах орла нет ни скипетра, ни державы. Расположенная на реверсе по кругу монеты латинская легенда сообщает: «HAER.es NORW.egiae DUX SLESV.ici HOLS.atiae ST.ormarie & DITM.arsie COM.ts OLD.enburgi & DELM.enhorsti», что в переводе означает: «Наследник Норвегии, герцог Шлезвиг-Гольштейн, Штормарна (Stormarn), Дитмаршена (Dithmarshen), граф Ольденбурга и Дельменхорста (Delmenhorst)». Как видно из содержания этой надписи, Гольштейнский герцог сообщает о своих правах на наследственные земли.

Данная легенда в своем начале подчеркивает королевское происхождение герцога от некогда владевшего Норвегией Гольштейн-Готторпского герцога. Под ним подразумевается король Дании и Норвегии, герцог Гольштейн-Готторп Фредерик I (1523—1533). Для оценки личных взглядов Петра III стоит напомнить, что его дальний предок, от которого он сам вел свое происхождение, прославился в истории

тем, что основывал свое правление на свободе совести своих подданных, о чем им было заявлено еще в 1527 году. Этот король после коронации (1524) уехал в Гольштейн-Готторп и потом жил в основном там. От одного из его сыновей — Адольфа, герцога Гольштейн-Готторпского и пошла герцогская линия, потомком которой по прямой и был император Петр III.

Области с названием Штормарн (Stormarn) в настоящее время в Германии нет, ее заменили небольшие города на юго-западе Гольштейна. Округ Дитмаршен (Ditmarschen), главным городом которого является г. Хайде (Heide), находится на западе Гольштейна у основания Ютландского полуострова, откуда обеспечивается выход в Северное море. Указанное в монетной легенде реверса графство Ольденбург представляло собой болотистую территорию в устье реки Везер и находилось в 1667 г. под властью датской короны. А г. Дельменхорст (тогда графство) стоит на реке Дельме и находится западнее Бремена в Земле Нижняя Саксония. На ребре (гурте) данной монеты написано по старонемецки: «NACH DEM FUS DER ALBERTUS THALER», что означает: «По стопе Альбертусталера». Завершая описание данного Альбертусталера отметим, что оно дается впервые.

Возвратимся к вопросу о причинах выпуска данной монеты. Из приведенного можно видеть, что главной причиной чеканки Гольштейн-Готторпского Альбертусталера 1753 г., снабженного всеми германскими и российскими титулами и гербами, было желание Великого князя Петра Федоровича напомнить Европе о своих правах на герцогство. К тому же в 1753 г. появился еще один повод для выполнения его желания: 21 февраля 1753 г. герцогу Карлу Петеру Ульриху исполнилось 25 лет.

Но, кроме уже отмеченных причин было в Гольштейн-Готторпском герцогстве и другое серьезное экономическое основание для чеканки этого Альбертусталера. Стоит напомнить, что Альбертусталер получил свое название от имени Альбрехта (Альберта) (1559—1621) — генерального наместника германского императора в Нидерландах (он был одним из младших сыновей императора Максимилиана II). В 1612 г. он выпустил облегченные (по сравнению с имперскими) талеры; его примеру в XVII и XVIII вв. следовали и другие европейские правители.

Дело в том, что Альбертусталер был торговой монетой (Handelmunze), в основном предназначенной для торговли с колониями европейских государств. Содержание серебра в торговых монетах формально соответствовало пробе серебра имперского талера, но на самом деле было ниже, да и общий вес монеты тоже занижался. По этим причинам Альбертусталер не признавался в Западной Европе полноценной ходячей монетой. Такие торговые монеты были выгодным товаром и часто использовались для торговли с колониальными и далекими от Европы территориями (например, известна их продажа голландской торговой компанией на остров Яву и др.). Европа продавала их в эти страны по номинальной цене имперских талеров, а возникавшая при этом плюсовая для государства-продавца финансовая прибыль становилась вкладом в государственную казну. Совершенно очевидно, что пополнение казны герцогства Гольштейн-Готторп было главной частью деятельности его руководства и безусловно стало важной причиной выпуска этих монет.

Толчком к чеканке собственных талеров Гольштейн-Готторпским герцогством, видимо, также послужили пример (или совет) прусского короля Фридриха II, который в 1752 г. выпустил значительную партию прусских торговых талеров.

Распространение таких талеров на заморских территориях, а также в Восточной Европе (которая была тоже рынком торговли этими монетами) всемерно расширяло информационное поле о правителях торгующих ими государств, в данном случае о Гольштейн-Готторпском герцоге, Великом князе России, к чему он, выпуская эти монеты, и стремился для защиты своих монархических прав.

Для изготовления штемпеля Альбертусталера Великий князь Петр Федорович обратился к Пфальцскому курфюрсту Карлу Теодору, прогolosовавшему, как отмечалось ранее, против избрания Франца I императором. В Пфальц-Зульцбахской резиденции курфюрста — г. Маннхайме, на монетном дворе в то время работал известный немецкий гравер Антон Шефер (1722—1799). В 1744—1799 гг. он резал штемпели монет не только для курфюрста Пфальцкого, но и для архиепископов Кельна и Трира, епископа Шпейра, а также герцогства Юлих-Берг и для ряда других влиятельных германских владетелей. Антон Шеффер происходил из семьи потомственных резчиков штемпелей монет и мастеров-монетчиков, работавших на монетном дворе в Маннхайме. Ему и был поручен заказ русского Великого князя, причем

он должен был исполнить штемпель только для аверса этой монеты. Что касается ее реверса, то для его исполнения было принято, видимо, иное решение.

Сегодня известно, что автором аверса штемпеля Гольштейнского Альбертусталера является Антон Шеффер, подписавший портретную сторону монеты буквой «S»². О том, кто является автором реверса, неизвестно и об этом не сохранилось никаких документальных и мемуарных сведений. Скорее всего, это свидетельствует о результативности усилий Екатерины II по полному сокрытию всего того, что относилось к деятельности Петра III. Так как возможности Екатерины II в этом отношении ограничивались в основном пределами Российской империи, то такая посылка приводит к выводу, что автором штемпеля реверса («орловой» стороны) данной монеты был русский гравер. Эта отправная позиция естественна потому, что на реверсе изображен герб России — коронованный двуглавый орел, исполнение которого на представительской монете по причине поддержания государственного престижа логично поручить российскому мастеру; кроме этого, в пользу такого решения говорит и его предшествующий опыт по изготовлению штемпелей русских монет.

При подготовке изображений на той международной монете, видимо, и было решено, что портрет немецкого правителя германского герцогства будет резать немецкий гравер, а коронованного российского двуглавого орла поручили исполнить русскому резчику.

Вполне вероятно, что буква «P» на оборотной стороне рассматриваемого Гольштейнского Альбертусталера означает начальную букву фамилии российского резчика-исполнителя штемпеля реверса, на котором показан государственный герб России, — коронованный двуглавый орел. Этим резчиком мог быть гравер Московского Красного монетного двора русский медальер — Иван Плавильщиков, исполнивший там в 1753—1754 гг. штемпели трех серебряных рублей с портретом императрицы Елизаветы Петровны: рубли 1753 III и 1754 III — старого типа и рубль 1754 III — нового типа. При изготовлении штемпеля реверса Гольштейнского Альбертусталера 1753 г. Иван Плавильщиков подписался одной буквой фамилии — «P».

Отметим, что Антон Шеффер на монетах Пфалца и других немецких княжеств так же, как Иван Плавильщиков в Москве, обычно подписывался начальными буквами своих имени и фамилии — AS (Anton Schäffer), но на реверсе рассматриваемой монеты он подписался только буквой «S». Видимо, выполняя важный правительственный и международный заказ, оба резчика каждой из сторон Гольштейнского Альбертусталера, по договоренности, поступили одинаково: на вверенной одному из них по государственной принадлежности авторской стороне монеты каждый подписался только одной начальной буквой своей фамилии: S-Schäffer — аверс, P — Плавильщиков — реверс.

Таким образом, авторами штемпелей лицевой и оборотной сторон данного Альбертусталера являются — аверса (портретная сторона монеты) — резчик штемпелей монетного двора в Маннхайме (Курфюршество Пфальц) — Антон Шеффер; подпись на аверсе — «S», что ранее уже было известно; реверса («орловая» сторона монеты) — гравер Московского Красного монетного двора Иван Плавильщиков; подпись на реверсе — «P» — Plawilschikow.

Примечания

1. ПОТИН В. М. Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики. СПб. 1993, с. 40.
2. См. УЗДЕННИКОВ В. В. Монеты России 1700—1917. М. 1986, с. 459. В этой же книге на с. 389, примечание 186 и на с. 460 (вверху страницы) указано, что литера «P» на реверсе этого Шлезвиг-Гольштейнского Альбертусталера принадлежит неизвестному резчику монетных штемпелей. То есть, если немецкий автор аверса штемпеля давно известен, то об исполнителе его реверса не сохранилось ничего.

Творческое наследие А. С. Лаппо-Данилевского

С. Н. Погодин

Об А. С. Лаппо-Данилевском (1863—1919) написано немало. Еще в 1916 г., в связи с двадцатипятилетием научной деятельности ученики и коллеги издали сборник статей, посвященный его творчеству¹. Однако особый интерес к его наследию и вкладу в науку проявился в первые годы после его смерти. В 1920 г. ученик Лаппо-Данилевского — А. Е. Пресняков опубликовал монографию о своем учителе, в которой предпринял попытку систематизировать и обобщить творческое наследие ученого. А. И. Андреев, В. И. Веретенников — также ученики Лаппо-Данилевского — приложили к этому большие усилия. Результатом этой работы стало издание книги в серии «Очерки по истории знаний»².

В советской литературе Лаппо-Данилевский оказался обойденным вниманием, как полагал Пресняков, по причинам в основном политико-идеологического характера³. М. Н. Покровский резко выступил против анализа марксизма в книге Лаппо-Данилевского «Методология истории». Покровский назвал его теорию «курьезной», а саму работу «никакого интереса не представляющей», могущей быть использованной лишь в качестве справочного пособия. Против Лаппо-Данилевского выступил и В. И. Невский, осудив его за отрицание значения исторического источника как «продукта классовой борьбы»⁴.

Лаппо-Данилевский в «Методологии истории» открыто выступал как противник революции, утверждал, что материалистические основы социалистического понимания истории подменяются «трансцендентально-идеалистическими», демонстрировал свою «приверженность «неокантианской социальной философии», ставил вопрос о «переработке исторического материализма в духе эмпириокритицизма»⁵. На имя и труды Лаппо-Данилевского было наложено табу.

Когда в середине 20-х годов была поставлена задача издания историко-революционных документов и трудов В. И. Ленина, разработка соответствующих методов и приемов была поручена ученику Лаппо-Данилевского — С. Н. Валку⁶. В написанных им проектах и правилах имя Лаппо-Данилевского не упоминалось, но методика и технология сбора, обработки, систематизации исторических документов основывались на трудах учителя.

В предвоенные годы, когда происходила смена концептуальных ориентиров, в основу которых была положена пропаганда идей патриотизма, обществу были возвращены имена ряда «отвергнутых историков дореволюционной школы». Н. Л. Рубинштейн отошел от подчеркнуто политических оценок их творчества. Оценивая труды Лаппо-Данилевского, он отмечал «видное место», занятое последним «в развитии русского источниковедения», «создании дипломатики частных актов». В конкретно-исторических исследованиях Лаппо-Данилевского Рубинштейн видел отражение «общего роста научного интереса к вопросам экономической и социальной истории», трактуемых, впрочем, с точки зрения «государственного направления». Отмечал Рубинштейн и обращение Лаппо-Данилевского «к философско-историческим и методологическим вопросам» в курсе «Методология истории»⁷.

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного технического университета.

В 40-е годы Валк связывал развитие советской исторической науки с наследием Лаппо-Данилевского. Он высоко оценивал археографические приемы своего учителя, считая их «образцом для советских изданий документов»⁸. Другой ученик Лаппо-Данилевского — Б. А. Романов, не упоминая имени учителя, широко использовал его методы психологической и типизирующей интерпретации источников. Он пришел к мысли об необходимости введения в историческое изложение «культурно-исторического типа» «в качестве живого действующего лица и как своего рода реактива при пользовании иными историческими памятниками с их стандартными формулировками»⁹.

Л. В. Черепнин посвятил Лаппо-Данилевскому специальную статью, в которой сокрушался, что «в советской историографии до сих пор отсутствует марксистская критика теоретических взглядов Лаппо-Данилевского», а также подвергал отрицательной оценке понимание последним источника как продукта человеческой психики, как и предлагаемой им классификации источников, хотя и признавал, что «Лаппо-Данилевский был ученым с большой эрудицией», который «ввел в научный оборот ряд новых источников». (Свою позицию Черепнин пересмотрел в 1973 г., заявив, что его «заставили» написать статью в обличительном духе, а на приемы критики «наложили отпечаток» направленность и формы проводимых тогда научных дискуссий¹⁰.)

С конца 50-х — начала 60-х годов был поставлен вопрос об отношении к дореволюционному наследию российских историков, в том числе и в области теории и методики исторических исследований. Однако творчество Лаппо-Данилевского рассматривалось в общем контексте методологии. В 70-х годы подчеркивался его неокантианский подход, что де и ограничивало выводы исследователя. В отдельных работах отрицательно оценивалась методология работы Лаппо-Данилевского с источниками¹¹. Если в работах методологического и источниковедческого характера Лаппо-Данилевский подвергался критике, то в общих исторических исследованиях признавались его определенные достижения¹². С середины 70-х годов появились работы, пересматривающие отрицательную оценку Лаппо-Данилевского, особенно в связи с подходом к методам конкретного источниковедения, получившим распространение в шестидесятые годы. Так, по словам Я. С. Лурье, Лаппо-Данилевский — «выдающийся источниковед, стремившийся сделать критику источника строго научной теоретической дисциплиной». Н. Е. Носов критиковал широко распространенную в советской историографии 40—50-х годов однозначную оценку его (А. С. Лаппо-Данилевского. — П. С.) научного наследия лишь как проявления кризиса буржуазного источниковедения. «Лаппо-Данилевский не был марксистом, но многие его начинания в области отечественного источниковедения заслуживают и самого пристального изучения»¹³. А. Н. Цамутали, оценивая общую ситуацию в отечественной историографии на рубеже веков, отмечал что: «несомненных достижений в изучении конкретных вопросов и особенно в совершенствовании методов изучения исторических источников» достигли русские историки, и констатировал: «именно это сторона их деятельности имела наибольшее значение для поступательного движения исторической науки»¹⁴.

Подробному анализу методологические труды Лаппо-Данилевского подверглись в работах Г. М. Иванова и Л. Н. Хмылева, С. Г. Рамазанова, А. П. Пронштейна, О. В. Сеницына¹⁵.

К 80-м годам возобладали объективная оценка трудов А. С. Лаппо-Данилевского¹⁶, что побудило обратиться к архивным фондам, в которых находится большое количество неопубликованных работ ученого, в частности «Размышления об истории науки, ее задачах, методах построения, и педагогическом значении», неопубликованные лекционные курсы¹⁶.

В 1990 г. вышла в свет первая часть исследования Лаппо-Данилевского «История политических идей в России XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» под заголовком «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII в.». В этом же издании была опубликована статья А. И. Клибанова «А. С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель»¹⁷.

Из последних работ, посвященных Лаппо-Данилевскому, следует отметить серию статей, опубликованных в «Археографическом ежегоднике» в связи с 75-летием со дня кончины ученого, работы А. Н. Нечухрина, С. П. Рамазанова, В. В. Беруса, С. А. Ростовцева, статью М. Ф. Румянцевой, а также изданный Российским государственным гуманитарным университетом компендиум «Источниковедение»¹⁸.

Изучение творческой лаборатории Лаппо-Данилевского стало возможным только с вовлечением в научный оборот всей совокупности его творческого наследия.

Александр Сергеевич родился 15 января 1863 г. в имении Удачное, села Мало-Софиевка Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, в богатой дворянской семье. Детство и отрочество прошли в имении отца. Любовь к природе

Лаппо-Данилевский пронес через всю свою жизнь. «Да, я вырос в деревне, с тех пор люблю природу»²⁰.

Отец его — Сергей Александрович — гвардии штаб-ротмистр был в течение нескольких лет предводителем дворянства Верхнеднепровского уезда, а затем вице-губернатором Таврической губернии. Его мать — Наталья Федоровна (урожденная Чуйкевич) отличалась тонким умом и мягким характером. Она сумела привить сыну любовь к чтению, иностранным языкам. Благодаря ей будущий ученый получил хорошее домашнее образование, что в сочетании с усадебной культурой, наложили «на весь его облик отпечаток своеобразного аристократизма»²⁰.

Около двух лет семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии, а в 1873 г. переехала в Симферополь. В том же году Александр Сергеевич поступил в первый класс Симферопольской гимназии, где был лучшим учеником, имя его не сходило с классной и гимназической золотых досок. Уже тогда обнаружились его научные интересы и стремления, которые проявились на занятиях и так называемых литературных беседах. Его письменные работы отличались серьезной постановкой вопроса и прекрасным изложением.

В юношеские годы у него проявились способности как к гуманитарным наукам и музыке, так и к математике. От матери, прекрасной пианистки, он унаследовал музыкальные способности, хорошо играл на фортепьяно, а позже достиг в этом искусстве большого совершенства, был знатоком и серьезным ценителем музыки. Одно время он даже сочинял музыку. «Художественная литература, поэзия, думается, в те времена влияла на него меньше», полагал И. М. Гревс²¹.

В гимназические годы Лаппо-Данилевский начал заниматься философией. В своей автобиографической заметке он писал, что по популярному труду Льюиса «История философии» познакомился с системами О. Конта и Д. Милля, а под влиянием Э. Тэйлора, Г. Спенсера и Дж. Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром²².

Отрочество и юность прошли в напряженной духовной работе. Аристократическая среда не оставила в нем никаких барских черт — ни чванства, ни презрительного отношения к народу, ни праздного любопытства, культура развлечений, распущенности, легкомыслия. От дворянского воспитания остались, пожалуй, некоторая внешняя чопорность, педантическая чистоплотность, корректность и, конечно, хорошее знание иностранных языков, а также знакомство с Европой, огромная тяга к культуре, стремление к образованию.

В 1882 г. Лаппо-Данилевский, закончив курс гимназии с золотой медалью, поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет, где проявил себя как очень добросовестный студент. Успеху в исследованиях по истории способствовал широкий общенаучный кругозор. Лаппо-Данилевский изучал не только исторические, юридические и экономические науки, но также физику, химию, астрономию. Самостоятельно проштудировал полный курс математического факультета — в его архиве сохранились рукописи по теории вероятности, дифференциальному исчислению²³. Лаппо-Данилевский поражал своими знаниями не только однокурсников, но и профессоров.

Пользуясь заслуженным уважением, он вместе с тем вызывал и некоторую отчужденность у своих товарищей. Гревс вспоминал: «В его наружном виде было что-то, действующее неприятно, по внешности холодное, замкнуто-недоступное, можно было думать, высокомерное, горделиво индивидуалистическое. Происходило это от совершавшейся внутри его и незаконченной еще работы, связанной с борьбой духа. Высокая требовательность к себе вызывала строгое отношение к жизни, обостряла юношеское самолюбие, которое иногда развивалось с болезненной силой. Ощущение собственных недостатков вызывало осторожное отношение к другим, иногда недоверие, боязнь потерять достоинство. Кроме того, он был застенчив, нелюдим и неуклюж, шероховат. Это приводило часто к неловкой манере при обращении с другими (но именно манера, внешность), к отчужденности, это придавало его фигуре «накрахмаленный» вид»²⁴. Пресняков дал такую характеристику Лаппо-Данилевскому: «Его внешний облик, культурно выработанный, сдержанный и замкнутый, таил эту натуру, глубоко искреннюю, впечатлительную, алчущую и жаждущую свободы духа от всякой двойственности, от психологических противоречий, свободы мысли от противоречий логических»²⁵.

В студенческие годы отчетливо проявилась и его политическая индифферентность. Увлечению революционными идеями, свойственному молодежи 80-х годов XIX в., Лаппо-Данилевский предпочел участие в студенческом научном литературном обществе, которое противопоставило научную работу «как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству»²⁶.

Научная карьера А. С. Лаппо-Данилевского была на редкость блестящей и стремительной. По окончании университета в 1886 г. он был оставлен для подготовки к профессорскому

званию и приступил к написанию магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований». Научным руководителем его был Е. Е. Замысловский, любимым историческим периодом которого был XVII век. Диссертация была успешно защищена 9 мая 1890 года. Оппонентами выступили Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов. Первый высоко оценил эту работу. Оценку Кареева поддержал и Платонов. После успешной защиты молодой преподаватель начал чтение лекций по русской истории в звании приват-доцента в Петербургском университете, а также в Историко-филологическом институте, где он в 1891 г. был избран экстраординарным профессором. В октябре 1918 г. Лаппо-Данилевский был избран сверхштатным профессором Петроградского университета. Одновременно он преподавал специальный курс по истории первобытной культуры человека в частной гимназии Л. С. Таганцевой²⁷.

С середины 90-х годов XIX в. Лаппо-Данилевский начал читать в университете курсы по теории социальных и исторических наук: «Основные принципы обществоведения», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Введение в историю». На семинарских занятиях по этим курсам молодой преподаватель разбирал важнейшие социологические и исторические проблемы, причинно-следственные связи, случайности, ценности и эволюцию.

Однако, не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки заняли ведущее место в его преподавании. С 1894 г. он вел практически занятия по проблемам: «Методы изучения источников и явлений русской истории», «Систематика социальных явлений разных порядков», весьма далеким от обычной учебной работы. Они требовали повышенной подготовки студентов. Поэтому Лаппо-Данилевский не решился сразу объявить в университете о чтении этих курсов.

Чтения Лаппо-Данилевского в 1894—1895 гг. представляли, как писал Гревс, беседы «по основным принципам обществоведения в небольшом кружке сверстников и младших товарищей по факультету». Сложность восприятия этих курсов состояла еще и в том, что в этот период Лаппо-Данилевский увлекался символизацией философских, исторических идей и графическим изображением всевозможных процессов. Студенческая аудитория была не готова к восприятию подобных курсов, поэтому часто лекции читались для одного-двух студентов. Первые методологические курсы строились на основе позитивистской методологии, труды О. Конта и Д. С. Милля рекомендовались аудитории в качестве основных пособий. Пресняков вспоминал, что Лаппо-Данилевский «давал по каждому вопросу обстоятельное введение в виде историко-философского или «систематического» очерка»²⁸.

Лаппо-Данилевский признавал, что свои методологические семинарии он «вел в духе критической философии»²⁹. «Не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки (на русском материале) заняли господствующее положение в преподавании А. С. Лаппо-Данилевского», считал Пресняков. К начинаниям Александра Сергеевича, некоторые историки, как, например, Гревс, относились с пониманием: «Постепенно, можно сказать, философ в А. С. Л-Д-ском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца, и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, и как это понимание развивалось, вырастая в концепцию широкой полноты и стройности»³⁰.

С осени 1903 г. Лаппо-Данилевский начал вести практические занятия по дипломатике, к которой он применил некоторые категории общего источниковедения, тем самым создав русскую школу дипломатики частых актов. Вокруг Лаппо-Данилевского объединилась группа студентов. Образовался кружок, ставивший своей целью составление каталога напечатанных актов от допетровской Руси до начала XVIII века³¹. Занятия кружка проходили на квартире Лаппо-Данилевского один раз в неделю.

С 1906 г. по поручению историко-филологического факультета он стал читать трехгодичный лекционный обязательный курс «Методология истории», сопровождавшийся семинарскими занятиями³². Он был посвящен систематическому изложению теории исторического знания в двух направлениях — номотетическом и идиографическом, а также учению об объекте исторического значения. В нем также рассматривались методы исторического изучения, в той их части, которая касается методологии источниковедения, учения об источниках, их интерпретации и критике³³. Лаппо-Данилевский считал необходимым подчеркивать обществоведческий, теоретический характер курса. Курс методологии истории был сложен для восприятия в студенческой аудитории. Романов писал в своих воспоминаниях: «Многие теперь м. б., признаются, что, когда дело дошло до «номотетического построения», мы перестали понимать, в таком плачевном состоянии прошло все первое полугодие, и, надо сказать, что непонимание как-то углублялось, чем дальше, тем больше»³⁴. Курс Лаппо-

Данилевского, как и вся его преподавательская деятельность в целом, поднимали университетское преподавание теоретических проблем исторической науки на новый уровень, значительно расширяя знания выпускников историко-филологического факультета.

Лаппо-Данилевский был многолетним руководителем студенческого научного кружка, официально именовавшегося «Беседами по предметам факультетского преподавания», а с 1909 г. руководил «Историческим кружком» и «секцией русской истории» в Университетском историческом обществе.

В 1903 г. студенческий кружок, руководимый Лаппо-Данилевским, начал работу над составлением каталога частных актов. Поиски этих актов первоначально имели цель — собрать информацию об уже напечатанных актах, которые предполагалось переиздать. Составление каталога потребовало внимательного анализа каждой разновидности актов. В результате было дано научное определение всех важнейших их видов, что явилось заметным шагом в развитии отечественной дипломатики. В 1905 г. Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости распределить акты по их разновидностям. Работа над каталогом продолжалась и после смерти Лаппо-Данилевского. Валк с сожалением сообщал, что каталог «неосмотрительно» остался на частной квартире одного из участников работы над ним. Во время блокады Ленинграда «вся многолетняя невоснагражденная работа погибла». Отрывок каталога, правда в очень скромном варианте, был напечатан в 1936 году³⁸.

22 февраля 1917 г. Лаппо-Данилевский предложил к печати терминологический словарь, составленный под его руководством участниками студенческого кружка. Словарь вышел только в 1922 г. без упоминания имени Лаппо-Данилевского и участников семинара, но с пометкой «Под редакцией и с предисловием А. И. Андреева»³⁶.

Научный кружок и семинары способствовали сближению смежных наук, совместной разработке новых проблем, переходу к созданию исследовательских коллективов, объединенных вокруг научного руководителя и выполняющих совместные исследования³⁷.

Как отмечал один из учеников Лаппо-Данилевского В. И. Веретенников: «Ученики Александра Сергеевича никогда не были рабами его ученой мысли, а всегда были свободными питомцами ее!»³⁸. Лаппо-Данилевский не был блестящим лектором, не собирал больших аудиторий. Восприятие его лекций было не легким делом, но они всегда были в высшей степени содержательными, отличались обилием идей. Перед аудиторией разворачивалась целостная картина научного поиска. Лектор не давал своим слушателям готовых, точных и красиво построенных мыслей-построений, а заставлял студентов совместно с ним их моделировать.

Преподавательский дар Лаппо-Данилевского особенно ярко раскрывался на его семинарских занятиях, на которых студенты учились научно мыслить и правильно излагать свои мысли. «Он говорил, как пишет, заботясь о внутренней стройности, строгости и четкости мысли и всего меньше — об ее внешней красоте»³⁹. Требования к студентам были у него очень высокие.

Б. Д. Греков описывал знаменитые «пятничные беседы»: «Это был день, когда Александр Сергеевич сидел после своего обеда дома, и когда всякий желающий мог к нему прийти просто ли повидать его или же по какому-либо делу. Тут вы могли встретить и студента, и приехавшего из-за границы иностранного ученого, и начинающего приват-доцента, и просто любителя-ученого; историки, и словесники, и философы все находили в беседе с Александром Сергеевичем решение своих сомнений, отводили здесь душу, потому что все они знали, что почти нет вопроса, над которым бы Александр Сергеевич уже не думал, и где не было бы у него своего мнения»⁴⁰.

«В университет вошла крупная научно-исследовательская сила» — так Пресняков характеризовал деятельность Лаппо-Данилевского. Но Александр Сергеевич никогда не искал живого общения и личного сближения. Он был склонен к упорному самостоятельному кабинетному труду. Увлечение теоретическими проблемами общественнознания и истории ставило его в обособленное положение. «Он, можно сказать, не вошел в историческую школу петроградского университета, а поставил рядом с нею свою, особую, казавшуюся многим не исторической, а теоретической, выпадавшей из строя факультетского преподавания русской истории»⁴¹. Несмотря на весь свой авторитет, он так и не стал полноправным и влиятельным членом историко-филологического факультета университета.

В 1890 г. академик В. Г. Васильевский, добродушно улыбнувшись, сказал академику М. А. Дьяконову о Лаппо-Данилевском: «Он прирожденный академик и, конечно, им будет». Эти слова стали пророческими. При баллотировке на заседании отделения словесности Академии наук 4 декабря 1899 г. Лаппо-Данилевский получил 25 — за, 4 — против, а на

заседании историко-филологического отделения за него проголосовали все 11 членов. В возрасте 36 лет он был избран в действительные члены Академии наук в звании адъюнкта. С 6 апреля 1902 г. он становится экстраординарным, а с 5 февраля 1905 г. — ординарным академиком⁴². Между университетом и Академией наук прошла вся жизнь ученого. Но все же главным центром его деятельности была Академия. После избрания в ее состав Лаппо-Данилевский так определил свое участие в ее работе — «Я думаю, что меня выбрали в академию для того чтобы я посвятил ей все свои силы, отдал ей всю свою работу»⁴³.

По инициативе Академии было решено издавать исторические памятники, однако дело затягивалось. Первая инициатива Лаппо-Данилевского в Академии наук была посвящена изданию документов XVI—XVIII веков. Он предложил разработать план этого издания. И на этот счет было принято соответствующее решение⁴⁴. Этим делом и занимался Лаппо-Данилевский вплоть до своей кончины.

Лаппо-Данилевский разработал план и составил «Свод правил, касающихся издания грамот Коллегии Экономии». По мере подготовки издания правила совершенствовались. Использовался и западный опыт. Ко времени печатания «Сборника грамот Коллегии Экономии» в 1909 г. основной текст правил был закончен, хотя в дальнейшем они переделывались. К великому сожалению автор не дожил до выхода в свет этого издания. Только в 1922 г. его ученик — Андреев издал «Свод правил касающихся, издания грамот Коллегии Экономии», хотя и под другим названием⁴⁵.

Результатом восемнадцатилетнего упорного труда стало издание первого тома «Сборника грамот Коллегии Экономии». Лаппо-Данилевский написал предисловие к сборнику, вышедшему в двух (из запланированных 20) томах⁴⁶. Валк считал «основным археографическим трудом» Лаппо-Данилевского именно «Сборник грамот Коллегии Экономии»⁴⁷. «Выход «Сборника» и «Правил его издания», писал Валк, знаменует переход от кустарного донатурного периода к научной археографии»⁴⁸.

К первым годам деятельности Лаппо-Данилевского в Петербургской Академии наук относится и его серия работ об академике А. А. Кунике (1814—1899), известном своими трудами по истории русско-скандинавских и русско-византийских отношений. Лаппо-Данилевского и Куника объединяла высокая требовательность к себе. К первому вполне применимы слова Куника, что он «давно взял себе за правило особенно подозрительно относиться к самому себе в отношении к цитатам», а также упоминание Куника, что стремление возможно лучше оформить печатный труд, «иногда вредно отражалось на ходе руководимого им издания»⁴⁹. Неуверенность в том, что работа завершена, постоянно сопутствовала и творчеству Александра Сергеевича, который «часто брал назад уже подписанные к печати листы, потому что ему казалось что он еще что-то может исправить и дополнить», вспоминал С. Ф. Ольденбург⁵⁰. Благодаря усилиям Лаппо-Данилевского были изданы посмертные труды Куника⁵¹.

В 1903 г. Лаппо-Данилевский обратил внимание на губернские научные архивные комиссии. В своей «Записке» он поставил вопрос о «невьясненности» их задач и их несогласованности: «губернские архивные комиссии, — отмечал он, — лишены общей инструкции, которой они могли бы руководствоваться в своей научной деятельности, а между тем некоторые из них вполне сознают необходимость объединить деятельность комиссий»⁵². «Записка» способствовала усилению внимания к научной деятельности этих провинциальных учреждений.

По поручению Академии наук Лаппо-Данилевский принял самое активное участие в издании сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси» (СПб. 1907), к которому он предпослал вступительную записку и свое исследование «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников», а также заметку о том, как был составлен сборник и дополнения к нему.

Лаппо-Данилевский содействовал опубликованию работы А.-И. Гиппинга, сделав весьма ценные замечания к ней⁵³.

Лаппо-Данилевский проследил за изданием «Писем и бумаг Петра Великого». Археографические приемы этого издания были разработаны еще в 1873 году. С 1944 г. всю работу по подготовке издания взял на себя ученик Лаппо-Данилевского — Андреев. Под его редакцией вышел второй выпуск седьмого тома. В предисловии к нему отмечалось: «При подготовке второго выпуска седьмого тома «Писем и бумаг Императора Петра Великого» были сохранены в основном те археографические приемы, которые соблюдались при издании всех предшествующих томов»⁵⁴, то есть выработанные Лаппо-Данилевским.

Лаппо-Данилевский организовал комиссию по изданию сочинений, бумаг и писем М. М. Сперанского; ученый стремился составить полный список архивов, в которых пред-

полагалось вести поиск рукописей графа. Впрочем это собрание сочинений не увидело свет. Продолжатель его дела Валк только в 1961 г. опубликовал важнейшие проекты и записки Сперанского⁶⁵.

В 1908 г. Лаппо-Данилевский внес на рассмотрение Академии наук «Записку об усилении личного состава историко-филологического отделения», в которой предлагал увеличить состав этого отделения по разряду исторических и политических наук. Инициатива получила поддержку. Особое внимание историк уделял социологическим дисциплинам. Во второй половине 1918 г. Лаппо-Данилевский создал и возглавил комиссию об учреждении Института социальных наук, подробный план которого был им же самим разработан⁶⁶. Институт должен был объединить деятельность обществ, занимающихся изучением социальных наук. Однако этот план не был реализован.

По инициативе и при самом активном участии Лаппо-Данилевского был разработан проект издания «Памятников старины русского законодательства XVII—XVIII вв.», которое наряду со «Сборником грамот Коллегии Экономии», занимало важное место в деятельности ученого. Первыми на его предложение откликнулись — М. А. Дьяконов, взявший на себя «Уложения», Н. Д. Чечулин — «Наказы Екатерины», В. Н. Бенемевич — «Кормовую книгу» и О. И. Остроградский — «Новоторговый Устав». Впоследствии к ним присоединились М. М. Богословский — «Воеводские инструкции Петра Великого», П. В. Верховский — «Духовный регламент», А. А. Кизеветтер — «Городовое положение Императрицы Екатерины II», А. А. Жижиленко и А. В. Бородин — «Артикул воинский». Лаппо-Данилевский взял на себя подготовку «Учреждения о губерниях 1775 г.»⁶⁷.

Работа над «памятниками» показала, что необходимо издать параллельную им серию: «Материалы для истории русского законодательства», которые, как отмечал ученый, «могли бы выходить отдельными выпусками в приложении к изданию соответствующих памятников, например, под заглавием: «Материалы для истории Новоторгового Устава», «Материалы для истории учреждения о губерниях» и т. д.»⁶⁸. Лаппо-Данилевский участвовал в подготовке к изданию «Артикула Воинского» и других памятников, второго тома «Записок Станислава Августа Понятовского» и третьего тома «Трудов В. Г. Васильевского».

Лаппо-Данилевскому приходилось давать оценку научным работникам и их трудам. Можно выделить четыре главных типа его оценок. Первый — научная характеристика ученого, которого Академия намеревалась привлечь к сотрудничеству. Отзывы о научной деятельности и трудах лиц, представленных Академии наук, отличались глубокой продуманностью и были проработаны в мелочах. Второй тип — некрологи и характеристики итогов творчества почивших ученых. В этих исторических портретах обнаруживается глубокое понимание духовного мира ученого, его научных заслуг. Третий тип — разбор научных трудов претендентов на соискание премий Академии наук. Здесь он не только критиковал представленные на конкурс сочинения, но стремился прежде всего выявить самостоятельность исследования. Четвертый тип — оценка работ, подготавливаемых к печати.

Лаппо-Данилевский энергично работал в различных комиссиях Академии наук. При создании в 1902 г. «Постоянной исторической комиссии» он в 1903 г. составил «Проект положения об обязанностях и службе ученого корреспондента историко-филологического отделения Императорской Академии наук в Риме» и «Предварительную инструкцию ученому корреспонденту»⁶⁹. Мечтал он и об открытии исторического института в Риме. Однако отсутствие финансирования со стороны правительства делало этот замысел мало реальным. Понимая это, он сосредоточил свое внимание на деятельности ученого корреспондента Академии наук — Е. Ф. Шмурло. Благодаря его деятельности, поддержанной Лаппо-Данилевским, были изданы две серии — «Россия и Италия» и «Памятники дипломатических и культурных сношений России и Италии»⁶⁹.

Лаппо-Данилевский состоял членом Международной ассоциации академий, был председателем и выступал с докладами на международных исторических съездах в Берлине (1908 г.) и Лондоне (1913 г.). На последнем Лаппо-Данилевский поставил вопрос о проведении следующего конгресса в Петербурге. Это предложение было принято, и он возглавил организационный комитет по проведению в 1918 г. в Петербурге исторического конгресса. С большим увлечением историк принялся за подготовку к конгрессу. Первая мировая война помешала осуществлению этого мероприятия.

В мае 1894 г. его избрали членом Археографической комиссии. С его приходом деятельность комиссии во многом изменилась. Это сказалось уже при издании нижегородской писцовой книги. Став редактором, он предложил дополнить его переписной книгой Нижнего Новгорода 1678 г. и рядом других нижегородских документов. Лаппо-Данилевский подошел во многом по-новому к этим изданиям. Вместо традиционных кратких

предисловий к документальным текстам, он составлял обширные предисловия, по существу обстоятельные исследования публикуемых памятников. К деятельности Археографической комиссии он «относился с неизменным интересом и принимал живое участие во всех ее занятиях... и в разработке научных вопросов, в них рассматривавшихся»⁶¹.

Активно участвовал он и в деятельности Археологической комиссии Министерства народного просвещения, состоял одно время секретарем, а затем и председателем секции русской истории Исторического общества, созданного по инициативе Н. Т. Кареева при Санкт-Петербургском университете, секретарем Отделения русских и славянских древностей Археологического общества.

Наиболее плодотворная деятельность Лаппо-Данилевского связана с Особой комиссией при Русском историческом обществе, членом которой он являлся с марта 1914 года. Эта комиссия стремилась привести в надлежащее состояние местные правительственные архивы и содержащиеся в них исторические материалы, а также разработать меры по сохранению исторических документов. В мае 1914 г. состоялся съезд представителей архивных комиссий. В его решениях говорилось о необходимости увеличить число архивных комиссий, уточнить их полномочия, предоставить им право изучать в своем районе архивы всех ведомств и учреждений, продолжить обследование местных архивов. Особое внимание комиссий обращалось на рукописные фонды⁶².

В условиях войны Особой комиссии пришлось отказаться от исполнения многих постановлений съезда. Тем не менее комиссия продолжала, по мере возможности, содействовать архивной работе своих местных сотрудников. В январе 1915 г. Лаппо-Данилевского избрали секретарем Особой комиссии и он многое сделал для сознательного и бережного отношения к письменным памятникам старины и к охране их в местных архивах.

Лаппо-Данилевский читал лекции за границей. В 1916 г. в Англии — о русской науке и русских ученых. Лекция имела успех и была опубликована отдельным изданием. Э. А. Радлов писал Лаппо-Данилевскому: «Я с величайшим удовольствием прочел Ваш превосходный очерк истории умственной, по преимуществу, научной жизни России. Думаю, что никто, кроме Вас, не в состоянии написать такого очерка, охватывающего всю научную Россию»⁶³. Тогда же Лаппо-Данилевский был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета.

В профессиональном общении Лаппо-Данилевского британские историки занимали значительное место. Андреев упоминал, что Лаппо-Данилевский вместе с проф. Ф. А. Гольдером организовал в 1918 г. работу по «составлению» на английском языке истории России⁶⁴. Предполагалось привлечь к подготовке многогомяка наиболее авторитетных русских историков. Лаппо-Данилевского просили подобрать и возглавить авторский коллектив, а также стать главным редактором и содиректором этого издания.

Практическая работа над этим трудом началась в апреле 1916 года. Сложность ее обуславливалась рядом причин. Затягивались первоначально установленные контрольные сроки. Возникли и научные трения. Впоследствии главными и непреодолимыми оказались не научные и организационные препятствия, а политические препоны. После 1918 г. этот проект вообще отпал.

Лаппо-Данилевский был членом Международного социологического института. После создания в 1916 г. Российского социологического общества М. М. Ковалевского он стал его первым председателем. В том же году его избрали в члены Русского исторического общества, а также секретарем состоявшей при обществе Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов. В 1917 г. он был избран председателем Подкомиссии по предложенному им же изданию сборника «Русская наука».

Лаппо-Данилевский был далек от непосредственного участия в общественно-политической жизни. Однако 1905 г. стал переломным в этом отношении. Гревс писал, что не терпевший политики Александр Сергеевич тем не менее «считал долгом отдавать дань служению родине и народу... Скрепя сердце, он принял избрание в Государственный совет во время Первой Думы» (1906 г.) в качестве представителя от Академии наук и университетов. Но уже в мае того же года в письме к А. А. Шахматову проскальзывает его пессимизм в отношении своей деятельности в Государственном совете. В июне 1906 г. он писал С. Ф. Ольденбургу: «Первая половина (заседаний) прошла плохо, чему немало содействовало заседание в Гос. Совете»⁶⁵. По его мнению в Государственном совете все время уходит на разного рода пустые дебаты. Незадолго до закрытия первой сессии Государственного совета он вышел из его состава.

Совместно с Шахматовым, Лаппо-Данилевский по поручению Академии наук составил записку «О свободе печати», принятую общим собранием Академии 12 марта 1905 года.

В ней, в частности, отмечалось: «Общество, признающее печать всегда и везде выразительницей своего мнения, требует от государства одного, — и это даже в сложном деле борьбы с социальными недугами, которыми более всякая страна — оно требует свободы для своего мнения, для своего слова... судьба нашей печати и вместе с тем судьба общества находится во власти правительства. Неужели оно пренебрежет печатью именно теперь, когда так важно оградить общество от разложения и осуществить великие реформы? Освобождение печати неотложно, его ждет вся Россия!»⁶⁶.

Лаппо-Данилевский был членом кадетской партии. После Февральской революции 1917 г. он входил в комиссию Ф. Ф. Кокوشкина по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. По свидетельству Гревса, Александру Сергеевичу «хотелось поддержать благородный опыт Временного правительства, спасти родину и ее честь, сохранить культуру, организовав свободу»⁶⁷. Однако по складу своего характера ученому была чужда политическая деятельность.

Война и революция повергли Лаппо-Данилевского в уныние. «Можно с уверенностью сказать, что душевное настроение, созданное октябрьским переворотом, подорвав творческую энергию Александра Сергеевича, заставило его прежде всего задуматься о реализации своего накопленного исследовательского достояния», писал Валк⁶⁸.

Последние годы жизни Лаппо-Данилевского были полностью посвящены научной деятельности; политикой в эти годы он вообще не интересовался. Упразднение множества прежних правительственных учреждений после октября 1917 г., создание новых, их последовательная спешная реорганизация — все это очень осложняло работу архивов. В архивное дело во многом вмешивались политические настроения. Гибли многие ценнейшие архивные фонды. Лаппо-Данилевский становится организатором «Союза архивных деятелей» (март 1917 г.)⁶⁹. В союз вошли представители более 30 столичных и провинциальных учреждений. В июне 1917 г. Временное правительство утвердило устав союза, который наметил ряд мер по разработке принципов и методов архивоведения, программы издания соответственных трудов справочного и научного характера, а также устройству курсов и лекций по теории и практической подготовке архивных работников.

Союз намечал созыв всероссийского съезда архивных деятелей, разработку положения о местных архивных организациях и создание центральной архивной комиссии — полномочного органа по управлению всем архивным делом. Была разработана программа съезда, который намечался на декабрь 1917 года.

После октябрьского переворота 1917 г. начинания «Союза архивных деятелей» не получили дальнейшего развития. Он превратился в частный кружок без каких-либо прав и полномочий.

Декретом Совета народных комиссаров от 1 июня 1918 г. было создано — Главное управление архивным делом. Все архивы правительственных учреждений были объявлены ликвидированными, а хранящиеся в них дела и документы передавались в состав единого государственного архивного фонда. Лаппо-Данилевский вошел, как представитель Академии наук, в состав первого совета по делам управления государственным архивным фондом и принял деятельное участие в выработке основ намечаемой реформы архивного дела⁷⁰. Однако, дальнейшая централизация работы и сосредоточение ее в руках правительства парализовало значение этого совета и Лаппо-Данилевский отошел от этого дела.

В 1918 г. Лаппо-Данилевский принял активное участие в работе комиссии по Институту социальных наук, который впрочем, так и не был создан⁷¹.

В начале 1919 г. Лаппо-Данилевский заболел. Его поместили на лечение в Военно-медицинскую академию. Но и на больничной койке он продолжал следить за работой руководимых им комиссий и научных предприятий, просматривал корректуру и отчеты, готовил к печати свой труд «Методология истории». После операции, оказалось началось выздоровление, но нарывы стремительно охватывали все его тело, что привело к смерти, последовавшей 7 февраля 1919 года.

Примечания

1. Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг. 1916.
2. См.: Русский исторический журнал (РИЖ), 1920, н. 6; ПРЕСНЯКОВ А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг. 1922; Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Пг. 1929.
3. ПРЕСНЯКОВ А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель — РИЖ, 1920, кн. 6, с. 96.
4. ПОКРОВСКИЙ М. Н. О книге академика А. С. Лаппо-Данилевского — Под знаменем марксизма, 1923,

- № 4—5, с. 96; НЕВСКИЙ В. И. Рецензия на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». — Печать и революция, 1923, № 7, с. 181—183.
5. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. Методология истории. Вып. I. Пг. 1923, с. 260—269. (Подробнее см. РУМЯНЦЕВА М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного знания. Вопросы истории, 1999, № 8).
 6. ВАЛК С. Н. О приемах издания историко-революционных документов. — Архивное дело, 1925, № 4; его же. Проект издания трудов В. И. Ленина. Л.-М. 1926.
 7. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Русская историография. М.-Л. 1941, с. 502—503.
 8. ВАЛК С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — Труды Юбилейной сессии Ленинградского государственного университета. Секция исторических наук. Л. 1948, с. 52—54; его же. Советская археография. М.-Л. 1948, с. 45.
 9. РОМАНОВ Б. А. Люди и нравы древней Руси. Л. 1947, с. 9—10.
 10. ЧЕРЕПНИН Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — Вопросы истории, 1949, № 8, с. 31, 50—51; его же. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М. 1973, с. 51.
 11. См.: ПАШУТО В. Т. Некоторые вопросы летописного источниковедения. — Источниковедение отечественной истории. М. 1973, с. 72—73; ИВАНОВ Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск. 1973, с. 37; ХМЫЛЕВ Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск. 1978, с. 111—112; НИКОЛАЕВА А. Т. Вопросы историографии русского источниковедения. М. 1970, с. 49—51; СТРЕЛЬСКИЙ В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев. 1968, с. 103; ЗИМИН А. А. Трудные вопросы методики источниковедения. — Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы.
 12. См.: ШАПИРО А. Л. Русская историография в период империализма. Л. 1962, с. 33—37; Очерки исторической науки в СССР. Т. 3. М. 1963, с. 620; ФАРСОБИН В. В. К определению предмета источниковедения. — Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М. 1969, с. 428; ШМИДТ С. О. Современные проблемы источниковедения. — Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М. 1969, с. 12; ЛИТВАК Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников. — Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М. 1969, с. 104—105.
 13. ЛУРЬЕ Я. С. Сигизмунд Натанович Валк. — Труды Отдела древней русской литературы. Т. 30. Л. 1976, с. 367; НОСОВ Н. К. Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» (ВИД). — ВИД. Вып. 12. Л. 1981, с. 8—9; ЦАМУТАЛИ А. Н. Борьба течений в русской историографии в период империализма. Л. 1986, с. 318.
 14. ИВАНОВ Г. М. Ук. соч.; ХМЫЛЕВ Л. Г. Ук. соч.; его же. А. С. Лаппо-Данилевский и проблемы теоретического источниковедения. — Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. XI. Томск. 1976, его же. Проблемы методологии истории в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л. 1986; РАМАЗАНОВ С. П. Методологические воззрения А. С. Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей в историческом познании. — Методологические и исторические вопросы исторической науки. Вып. 14. Томск. 1980; ПРОНШТЕЙН А. П. Теория и методика исторического исследования в труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». — Источниковедение отечественной истории. М. 1989; см. также: СИНИЦЫН О. В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века: Неокантианское течение. Казань. 1990.
 15. См.: БЕЛЕНЬКИЙ И. Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960—1984). М. 1985, с. 19—22; КИРЕЕВА Р. А. Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии. — История и историки, 1978. М. 1981, с. 214—233; ее же: Изучение отечественной историографии в революционной России с середины XIX века до 1917 года. М. 1985; ЦАМУТАЛИ А. Н. Ук. соч., с. 140—154.
 16. См.: ГРЕХОВА Г. И. Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского. — ВИД. Т. VIII. Л. 1976, с. 262—273; КОРЗУН В. П. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А. С. Лаппо-Данилевского. — Историки об истории. Омск. 1989; ее же: А. С. Лаппо-Данилевский — историк исторической науки (к 130-летию со дня рождения). — Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск. 1993; СИДЕЛЬНИКОВ Р. А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А. С. Лаппо-Данилевского. — Российские университеты конца XIX — начала XX в. Воронеж. 1993, с. 140—149.
 17. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII в. М. 1990.
 18. Археографический ежегодник. 1994. М. 1996; НЕЧУХРИН А. Н., РАМАЗАНОВ С. П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. — Историки России. XVIII — начало XX века. М. 1996; РОСТОВЦЕВ Е. Л. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. СПб. 1999; его же. Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук. Источник. Историк. История. СПб. 2001. Вып. I, с. 135—248.

19. БЕРУС В. В. Проблемы истории в русском неокантианстве. А. С. Лаппо-Данилевский. СПб. 1998; РУМЯНЦЕВА М. Ф. Ук. соч.; Источниковедение. М. 1998, гл. 11, 12 и др.
20. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 9.
21. ГРЕВС И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души).—РИЖ, 1920, кн. 6, с. 49.
22. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. Автобиографический очерк.— Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Часть 1. Петр. 1915, с. 406.
23. КИРЕЕВА Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 г., с. 67.
24. ГРЕВС И. М. Ук. соч., с. 54.
25. ПРЕСНЯКОВ А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель, с. 85.
26. ГРЕВС И. М. Ук. соч., с. 59.
27. Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение, ф. 113, оп. 1, д. 24.
27. Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л. 1928, с. 8; СТАСОВА Е. Д. Воспоминания. М. 1969, с. 21—22.
28. ГРЕВС И. М. В годы юности.— Былое, 1919, № 12, с. 80—81; См.: РАЙНОВ Т. И. О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского.— Журнал Министерства Народного Просвещения, 1915, № 3, с. 13; ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 54—56.
29. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. Автобиографический очерк, с. 408.
30. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 24; ГРЕВС И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души), с. 60—61.
31. См.: АНДРЕЕВ А. И. Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частноправовых актов допетровской Руси.— Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг. 1916, с. 1—7.
32. См.: ШИЛОВ А. А., АНДРЕЕВ А. И. Лекции и практические занятия А. С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете.— РИЖ, 1920. Кн. 6, с. 42—43.
33. См.: ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. Методология истории. Ч. 1. Теория исторического знания. СПб. 1910; его же: Методология истории. Выпуск II. СПб., 1913. Подробнее см. РУМЯНЦЕВА М. Ф. Ук. соч.; Источниковедение.
34. РОМАНОВ Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в университете.— РИЖ, 1920, кн. 6, с. 183.
35. Цит. по: КОПАНЕВ А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка.— ВИД. Т. IX. Л. 1978, с. 89; Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.-Л. 1936, с. 333—379.
36. См.: Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг. 1922.
37. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М. 1981, с. 94.
38. ВЕРЕТЕННИКОВ В. И. Памяти дорогого учителя.— РИЖ, 1920. Кн. 6, с. 202.
39. РАЙНОВ Т. И. Ук. соч., с. 56.
40. ГРЕКОВ Б. Д. Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского.— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1919, № 56, с. 155.
41. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 16, 24, 25.
42. Цит. по: Известия Российской Академии наук. 1919, № 8—11, с. 360, 361; Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. М. 1974.
43. РИЖ, 1920. Кн. 6, с. 164.
44. Протоколы отделения исторических наук и филологии. 1900.V.24, параграф 147.
45. См.: Правила издания сборника грамот коллегии экономики. Пг. 1922.
46. См.: Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда. Пг. 1922; Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кевроло-Меденского и Ванского уездов. Л. 1929.
47. См.: КОПАНЕВ А. И. Ук. соч., с. 82.
48. ВАЛК С. Н. Сборник грамот Коллегии экономии: Историографические заметки.— ВАЛК С. Н. Избранные труды по археографии. СПб. 1991, с. 34.
49. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов.— Известия Императорской Академии наук. VI серия, Т. VIII. 1914. № 18.
50. РИЖ, 1920. Кн. 6, с. 169.
51. См.: Записки о трудах А. А. Куника и состоявших под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в Академической типографии.— Протоколы заседания Историко-Филологического отделения Императорской Академии наук 1900, приложение к протоколу заседания от 16 февраля 1900 г.; Статья А. А. Куника «Открытое письмо к сухопутным морякам» в книге: Известия Ал.-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 2. СПб. 1903, с. IX—XII; см. также: Карты и планы Невы и Низншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб. 1913; Сборник документов, касающихся истории Невы и Низншанца. Пг. 1916.
52. См.: Записка академика А. С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий.— Известия Императорской Академии наук. V серия. Т. XXII. № 1. 1905.

53. См.: Нева и Низшанц. Составил А. И. Гиппинг. Вступительная статья Л.-Данилевского — Андрей-Иоген Гиппинг и судьба его исторического труда о Неве и Низшанце. Ч. I. СПб. 1909.
54. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 7. Выпуск II. М. 1946, с. V.
55. См.: АЛЕКСАНДРОВ А. А. Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского.— Археографический ежегодник 1993. М. 1995, с. 172—188; Интеллигенция и революция, XX век. М. 1985, с. 165; См.: СПЕРАНСКИЙ М. М. Проекты и записки. М.-Л. 1961.
56. См.: Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии наук.— Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук. 1918. приложение к протоколу заседания от 18(5) июня 1918 г.
57. См.: РИЖ, 1917. Кн. 1—2, с. 142.
58. Протоколы заседаний историко-филологического отделения Императорской Академии наук. 1909. 14 января, параграф 20.
59. См.: Отчеты Академии наук за 1903 г. СПб. 1903, с. 15.
60. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 1, вып. 1. 1907; вып. 2. 1911; Т. 2, вып. 1908; Т. 2, вып. 2, 1913; Т. 3, вып. 1, 1911; Т. 3, вып. 2, 1915; Т. 4, 1915.
61. Летопись занятий Археографической комиссии за 1888—1894 гг. СПб. 1903. Вып. 11, с. 180, 181; Летопись занятий Археографической комиссии за 1895—1899 гг. СПб. 1901. Вып. 12, с. 26, 27; см.: КОПАНЕВ А. И. Ук. соч., с. 84; Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1922 гг. Л. 1925. Вып. 25, с. 11, 24.
62. См.: Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6—8 мая 1914 г. СПб. 1914.
63. The Development of Science and Learning in Russia. Russian Realities and Problems. Cambridge. 1917, p. 153—229; Архив РАН. Санкт-Петербург отделение, ф. 113, оп. 2, д. 240, л. 2.
64. Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского, с. 8.
65. РИЖ, 1920, кн. 6, с. 185; Архив РАН. Санкт-Петербург отделение, ф. 134, оп. 3, д. 821, л. 26; ф. 2, оп. 1, 1906 г., д. 1, л. 156.
66. Цит. по: РИЖ, 1920, кн. 6, с. 171—172.
67. Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. Пг. 1917, с. 25, 78—79.
68. РИЖ, 1922, кн. 8, с. 244.
69. См.: ПРЕСНЯКОВ А. Е. Реформа архивного дела.— РИЖ, 1918, кн. 5, с. 205—222.
70. См.: Исторический архив, 1919, кн. 1.
71. См.: Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии Наук.— Протоколы заседания общего заседания Российской Академии Наук. 1918. приложение к протоколу заседания 18(5) июня 1918.

История внешней политики России. Конец XV—XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны. М. «Международные отношения». 1999. 448 с. (I); XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона. М. 2000. 304 с. (II); Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М. 1999. 498 с. (III); Вторая половина XIX века. М. 1999. 348 с. (IV); Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997. 672 с. (V).

Пяти томный коллективный труд авторитетных российских историков посвящен вполне назревшей задаче — изучению и обобщению внешней политики дореволюционной России, политики сложной, противоречивой, а временами и непоследовательной. Авторы и редакционная коллегия подчеркивают, что «первостепенную роль в ней играли отстаивание жизненных интересов страны, связанных с ее геополитическим положением, борьба за достойное место России среди других государств, стремление к сотрудниче-

ству с ними на обеспечивающей эти цели договорной и правовой основе» (с. 5), хотя нередко России приходилось вести и войны ради обеспечения своих национальных интересов.

Каждый из пяти томов соответствует определенному периоду в развитии внешней политики страны.

В первом томе рассматриваются истоки русской внешней политики и ее основные этапы — с древнейших времен и до конца XV века. Авторы прослеживают, как складыва-

лась в связи со становлением многонационального государства и начали осуществляться на практике геополитические задачи, составившие основу международных усилий России на протяжении всей ее истории. «Россия была тем местом, где сходились и переплетались судьбы разных цивилизаций и миров — оседлого европейского и кочевого восточного», подчеркивают авторы (I, с. 407).

Принципиальное значение имеет первая часть этого тома, разбирающая основные этапы внешней политики Руси. Сформировавшееся в IX веке Древнерусское государство восприняло, развило и через систему полусамостоятельных и самостоятельных княжеств передало потомкам целый комплекс внешнеполитических задач. Их, как эстафету, восприняло Московское великое княжество. К началу XV века «сквозь контуры обозначившегося объединения русских земель вокруг Москвы стал проглядывать возврат к прежним геополитическим восточнославянским ценностям, носителем которых все более определенно становилась Москва» (I, с. 105). Уже в то время Московское княжество развивало активные связи с соседними и другими европейскими государствами: Польшей и Литвой, странами Балтийского региона, папским двором, Священной Римской империей германской нации. Обозначилось и восточное направление политики Москвы — Казанское, Астраханское и Крымское ханства и Турция. В дальнейшем, по мере создания и развития централизованного многонационального Русского государства расширялись и укреплялись международные позиции страны. Все более определенно вставали проблемы: обеспечение безопасности восточных рубежей, защита южных границ, воссоединение западных земель, выход в Балтийское море (I, с. 409).

Второй том охватывает XVIII век, явившийся для России временем исторического прорыва. В результате войн со Швецией и Турцией и длительных дипломатических усилий Россия вернулась к Балтийскому морю и вышла широким фронтом к Черному морю. Она получила право проводить свои торговые суда через Босфор и Дарданеллы и покровительствовать поработанному Турцией славянским народам. Страна превратилась в великую европейскую державу, стала играть важную роль в политике баланса сил в Европе и нередко выступать организатором коллективных акций или играть роль арбитра. Так, Россия выступила инициатором «Северного аккорда» — союза государств Северной Европы. Хотя Великая французская революция была враждебно

встречена царским правительством, оно не спешило примкнуть к антифранцузской коалиции. Перспективные направления русской политики наметились не только в Европе, но и в Америке и Азии. Россия поддержала становление Соединенных Штатов Америки и закрепилась в Аляске. Продолжалось продвижение на восток, расширялись отношения с Китаем. В Закавказье Петербург взял под свое покровительство некоторые грузинские княжества. Все это заложило предпосылки превращения России в державу мирового класса.

Авторы ставят вопрос, насколько правомерно говорить о внешней политике России XVIII века как об имперской по существу. По их мнению, внешняя политика в этот период носила «как бы переходной характер. Решались большие национальные задачи, но параллельно уже в ходе петровских войн и позднее захватывались земли и страны, никогда не принадлежавшие России (Литва, побережье Каспия, часть Кавказа, Крым). Но это не являлось спецификой только русской внешней политики» (II, с. 270).

Третий том посвящен международному положению и внешней политике России в первой половине XIX века. Рассмотрены новые внешнеполитические концепции правящих кругов, ведущая роль России в борьбе против наполеоновской агрессии, в освобождении Европы и в мирном урегулировании 1815 года. Раскрывается ее важная роль в «Венской системе». В основу решений Венского конгресса, подчеркивается в книге «был положен принцип легитимизма». Однако, как отмечают авторы, при перекартаивании карты Европы, «конгресс игнорировал права национальностей» (III, с. 138).

В рамках трактовки легитимизма авторы в какой-то степени оправдывают активную роль царского самодержавия в подавлении революций в Европе, ссылаясь на то, что в данном случае оно преследовало охранительные задачи. Между тем, именно то обстоятельство, что Россия в тот период выступала на стороне отживших свой век монархических режимов, предопределило недолговечность ее внешнеполитических успехов и привело к поражению России в Крымской войне и крушению всей политической системы Николая I.

Как особо важный в тот период для России выделен Восточный вопрос, одна из причин неудачной Крымской войны. В томе в целом справедливо охарактеризованы причины поражения в этой войне — социально-экономическая отсталость России, а также грубые дипломатические просчеты Николая I, приведшие к внешнеполитичес-

кой изоляции державы. В результате было подорвано влияние России на Ближнем Востоке и Балканах, понизился ее международный авторитет, нарушилось «европейское равновесие».

В следующем томе (вторая половина XIX века) рассматриваются сложные коллизии между потребностью страны в мире в связи осуществлением назревших внутренних преобразований и стремлением правительства к активной политике, хотя бы в Азии. Авторы постарались проанализировать политику России с современных позиций и представлений, «объективно исследовать ее как систему взаимосвязанных действий и процессов на различных направлениях — в Европе, Азии, на Дальнем Востоке, в Америке» (IV, с. 6). Особое внимание обращено на «влияние экономики и внутренней политики на международную деятельность царского правительства» (там же), на создание условий для укрепления самодержавия на базе реформ и экономической модернизации. Должное внимание уделено усилиям канцлера А. М. Горчакова, благодаря которым Россия сумела найти выход из дипломатической изоляции. Дальнейшая перегруппировка сил в Европе побудила Петербург противопоставить блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии союз с Францией, который впоследствии лег в основу Антанты.

Читателя заинтересует глава, посвященная проблемам внешней политики в общественной мысли страны, в которой получили отражение внешнеполитические концепции российского консерватизма, либерализма и либерального народничества, а также революционной демократии (IV, с. 302—343). Идеальный фактор сыграл заметную роль в балканской политике.

В заключительном томе, посвященном концу XIX — началу XX веков, исследуются изменения внешнеполитического курса страны на заре новой политической эпохи. Авторы постарались комплексно рассмотреть внешнеполитическую историю России — как в рамках двух социально-экономических и политических систем: «внутригосударственной, где внешняя политика в основном формируется, и межгосударственной, где она реализуется». Такой подход предполагает учет идеологических, политических, социально-экономических основ государственной политики, общественно-политического строя, географического и демографического положения, промышленного и военного потенциала, культурного уровня и национального самосознания, политического менталитета правящих кадров и населения, исторических особенностей и традиций во взаи-

моотношениях с окружающим миром (V, с. 5).

Россия проводила сдержанную политику в Европе, да и ее действия в Азии не отличались по своим характеру и масштабам от экспансии других великих держав в этой части света. Поражение в войне с Японией заставило Россию проводить политику соглашений, балансирования и лавирования. В мировую войну она вынуждена была вступить на стороне Англии и Франции, не завершив ни модернизации страны, ни военных приготовлений. Авторы считают, что тем не менее Россия внесла весомый вклад в победу Антанты над Центральными державами, однако державы Антанты не дали возможности новому революционному правительству России воспользоваться плодами поражения центральных держав. Более того, они подвергли революционную Россию экономической и политической блокаде, развязали против нее гражданскую войну и интервенцию.

Характеристика внешней политики Временного правительства представляется нам весьма противоречивой. С одной стороны, утверждается, что в советской исторической литературе ее трактовка страдала предвзятым подходом, и преувеличивалось значение контрреволюционных мотивов в политике, как самого правительства, так и союзных держав. С другой стороны, говорится, что политика Временного правительства была в основном буржуазной и ее генеральной линией была война до победного конца, что отвечало стремлениям имущих классов.

В рецензируемом труде впервые в историографии в столь широком масштабе прослежены многовековая политика России, процесс формирования многонационального государства. Авторы правильно отмечают, что во внешней политике России сочетались общенациональные и классовые задачи. Расширение границ способствовало удовлетворению претензий господствующего дворянско-помещичьего класса. Вместе с тем умножались ресурсы страны, что способствовало развитию экономики и формированию всероссийского рынка. А это отвечало интересам не только помещиков, но и других слоев населения, в том числе нарождавшейся буржуазии. Материал, содержащийся в пятитомнике, подводит к выводу, что предел пространственному расширению империи наступил после того, как к середине XIX в. обозначилось отставание России от западноевропейских стран в социально-экономическом развитии.

Охарактеризованы все театры международной активности России. Это позволило

шире выявить влияние России на судьбы других государств и международных отношений в целом, лучше понять логику ее усилий на мировой арене. Важной проблемой, рассмотренной в труде, представляется соотношение внимания России к европейскому и азиатскому театрам, а также тем или иным направлениям внутри них.

В труде рассматривается вопрос о великодержавии России. Когда в конце XV века Русское государство сбросило вековое ордынское иго, страна сразу выступила как одна из ведущих сил региона. Этому способствовало и то обстоятельство, что она приняла на себя величие и бремя мирового центра православия. Но понадобились века, чтобы закрепиться на этой позиции и подготовиться к новому рывку. И движение шло не просто по восходящей линии. Опричнина Ивана Грозного и «смутное время» ослабили Русское государство. Предпосылки к превращению его в великую державу общеевропейского ранга стали складываться лишь во второй половине XVII века, а решительное выдвижение на новые позиции происходит только в XVIII веке. В следующем столетии Россия превращается в великую державу мирового класса, хотя и в это время имели место неудачи и отступления.

По-новому освещается вопрос о сочетании во внешней политике России борьбы

за общенациональные и имперские интересы. Опровергается версия о безудержном экспансионизме Русского государства, его несдержанности и неконтактности, об особом коварстве и лицемерии русской дипломатии. В работе объективно показана роль России в международных отношениях на различных этапах их развития, в том числе ее весомый вклад в совершенствование «права народов».

Большое место в работе уделено также личностному фактору, роли государственных деятелей, дипломатов и полководцев, серьезному анализу механизма принятия и осуществления внешнеполитических решений. Положительной стороной рецензируемого труда является внимание, которое уделено эволюции государственных органов внешних сношений на всем протяжении истории внешней политики России.

Рецензируемое исследование истории внешней политики России представляет не только академический интерес. Оно может оказаться полезным для ученых — историков или студентов исторических факультетов. Его можно рекомендовать в качестве настольной книги для российских дипломатов и других работников, занятых в сфере международной политики.

В. С. САФРОНЧУК, Л. Ф. ФИЛАТОВ

Россия в XVIII — XX веках. Страницы истории. Издательство «Книжный дом Университета». М. 2000. 256 с.

К 50-летию научной и педагогической деятельности доктора исторических наук, профессора Н. С. Киняпиной издан сборник научных статей ее учеников. Широта и многообразие ее научных интересов отразились в этих статьях.

М. А. Чепелкину удалось емко обрисовать круг научных интересов Н. С. Киняпиной, менявшихся со времен, но всегда оказывавшихся актуальными. Это — узловые вопросы европейской и балканско-ближневосточной политики России, промышленная политика правительства в царствование Николая I, проблемы, связанные с местом и ролью Кавказа и Средней Азии во внешней политике империи. Чепелкин подчеркивает, что такой подход позволяет Киняпиной «видеть изучаемую проблему в общем контексте международных отношений, внутренней и внешней политики российского правительства» (с. 5)

В. А. Георгиев подчеркивает роль профессоров Московского университета, учителей Нины Степановны — К. В. Базилевича, Ю. В. Готье, Н. М. Дружинина, В. С. Сергеева, С. Д. Сказкина. По мнению Георгиева, Киняпиной удалось создать свою научную школу.

С. Л. Чернов представил свои интересные размышления в статье «К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России». По мнению автора, Петр I заложил первый камень в фундамент достаточно длительного процесса генезиса абсолютизма в России, сформулировав «принципиально новое понимание государства и государя, совершив тем самым решительный идейный разрыв с мировоззрением предшествующего периода» (с. 47). Преемники императора завершили строительство структуры абсолютной монархии в начале XIX в., ставшего временем ее апофеоза.

О. Р. Айрапетов, продолжая изучение военных аспектов внешней политики России, выступил со статьей «К вопросу о падении крепости Новогеоргиевск (из истории первой мировой войны)», богатой фактическим материалом.

Л. Б. Хорошилова в статье «Россия, Европа, мир: международные отношения глазами университетских людей (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.)» освещает два основных направления «интеллектуального поиска просветителей: идея вечного мира и рационального миропорядка... и идея международных конгрессов или рациональной сорборности» (с. 51—52).

Чепелкин отметил одним из аспектов научных поисков Киняпиной — внимание к биографическому жанру. Она опубликовала статьи, посвященные таким выдающимся деятелям в области внешней политики России как военный министр Д. А. Милютин, министр иностранных дел А. М. Горчаков, император Николай I. Она сумела привить своим ученикам интерес к изучению личности творцов внутренней и внешней политики империи. Г. И. Герасимова в статье «Горчаков — лицеист» весьма удачно обобщила материалы, освещающие обучение, воспитание, становление «будущего виртуоза дипломатии», собранные из его писем и конспектов лекций, воспоминаний, переписки современников и трудов по истории лицея (с. 80).

В. М. Безотосный детально рассмотрел «Индийские проекты Наполеона и его стратегический план в кампании 1812 года», сумев вписать их не только в контекст международных реалий того времени, но и показав влияние субъективного фактора на крушение замыслов полководца.

Д. В. Нечипоренко попытался найти свой ракурс в обширной историографии Священного союза. В статье «Идеология Священного союза. Александр I и Меттерних» он обозначил истоки формирования этой системы сквозь призму личных взглядов и идей двух крупнейших политических и государственных деятелей той эпохи.

Навыки историографической работы, требующей от рецензента хорошего знания материала, уважения к чужим суждениям и независимости в их оценке, Киняпина старается привить и своим ученикам. Н. П. Страхова в обзоре «Россия в системе международных отношений после Венского конгресса (1815—1822)» попыталась проанализировать дореволюционную историографию данной проблемы. Вполне справедливо констатировав факт введения дореволюционными историками в научный оборот значительного круга источников

и точную постановку ими ряда важных проблем, она, к сожалению, недостаточно четко разграничила «оригинальные догадки и идеи» (с. 103) и научные, то есть обоснованные и аргументированные выводы.

О. В. Маринина в статье «Венские конференции. Из истории дипломатической борьбы России на завершающем этапе Крымской войны (1855—1856)» детально проанализировала ход переговоров между великими европейскими державами и Турцией, завершившихся подписанием Парижского мирного договора. Статью отличает основательное знание автором историографии проблемы и источниковой базы. Маринина раскрыла как стремление западных стран установить коллективный протекторат над Турцией, лишить Россию самостоятельности в восточном вопросе, вытеснив ее с Балкан, так и причины уступчивости со стороны последней, что в совокупности привело к созданию новой политической системы в Европе, получившей название Крымской.

Характеристике другой — Венской — системы международных отношений посвящена статья В. В. Дегоева «Венская система: испытание революцией 1830—1831 гг.». Автор предложил свои ответы на остро дискутируемые вопросы — «о сущности, предназначении, объективных результатах» этой системы (с. 127). «При невероятном количестве литературы о венском урегулировании», автор, к сожалению, не утруждает себя сколько-нибудь основательным ее анализом, ограничиваясь упреками по адресу некоторых исследователей в «предвзятом восприятии» и «идеологизировании». Собственные же оценки Дегоева подчас звучат излишне публицистично.

Проблему «Внешнеполитические факторы российского имперского строительства» взялся осветить Е. В. Дик, ныне профессор университета в Мехико, предприняв попытку разобратсья в интересном и значимом вопросе, «что такое империя и в чем ее отличия от понятия «великая держава»? (с. 248). Успешное решение этих проблем требует, думается, большего объема текста, более глубокого освоения историографии, более продуманной аргументации.

В сборнике нашли отражение и сравнительно новые для отечественной историографии сюжеты, связанные с историей русского зарубежья и судеб белоэмигрантов. Н. Е. Аблова в статье «Образование российской эмигрантской колонии в Манчжурии. Численность, национальный и социальный состав (1920—1940)» на основе анализа литературы и новых архивных данных устанавливает численный состав русских эмигрантов

в Китае на протяжении трех периодов: начала и середины 1920-х гг., 1928—1935 гг., 1936—1945 гг., связывая изменения численности с переменами в международной ситуации вокруг КВЖД и переломными моментами в советско-китайских и советско-японских отношениях (с. 205).

Е. М. Миронова предложила вниманию читателей обзор истории возникновения и деятельности «Российской миссии в Белграде (1919—1940)». На основе частично сохранившихся фондов миссии (позже — Делегации) она освещает основные задачи и функции последней, существенно менявшиеся за время существования (с. 220): попытки сохранить костяк армии генерала П. Н. Врангеля для возобновления в будущем борьбы, обустройство и материальную

поддержку беженцев, обеспечение гарантий их прав, создание системы русских учебных заведений для детей эмигрантов.

Авторы статьи «Внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке в оценке либеральной прессы (1906—1914)» А. В. Морозов, Р. Р. Мингалеев, Д. Е. Новиков, используя литературу и материалы некоторых русских периодических изданий, попытались выявить сходство и различия в оценке кадетами, прогрессистами и октябристами действий российской дипломатии по отношению к Японии, Китаю, США и Монголии с целью обеспечить мир в регионе.

В сборнике помещена библиография научных трудов Н. С. Киняпиной.

И. С. РЫБАЧЕНОК

Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М. «Международные отношения». 2000. Т. 1, 742 с.; т. 2, 662 с.

К 2000-летию юбилею христианства вышел в свет большой и интересный труд, впервые в отечественной историографии всесторонне осветивший историю российского политического, духовного и гуманитарного присутствия в Палестине со времен Древней Руси до наших дней. Документы в подавляющем большинстве случаев публикуются впервые. В книгу вошли документальные обзоры, несколько аналитических статей, и обширные комментарии, а также некоторые ранее не публиковавшиеся материалы и ценные приложения. Издание богато иллюстрировано.

Составление двухтомника, подготовка текста, вступительная статья, приложения и комментарии, общая редакция принадлежат старшему научному сотруднику Института российской истории РАН кандидату филологических наук Н. Н. Лисовой, известному своими работами по истории Святой Земли и русско-палестинских связей¹. Инициативу и доброе заинтересованное отношение проявил Историко-дипломатический департамент МИДа, директор которого П. В. Стегний предпослал сборнику содержательное историко-дипломатическое введение — о российском консульском представительстве на Ближнем Востоке.

Как отмечает Лисовой, история русского присутствия в Палестине до сих пор исследована недостаточно. Богатые архивные материалы наших хранилищ за последние десятилетия почти не использовались. Для свет-

ских историков тема выглядела, очевидно, слишком церковно, для церковных, напротив, чересчур светской. К тому же ни те, ни другие не были свободны от определенных догм и клише. Составитель не претендует на исчерпывающий характер издания и подчеркивает, что это только начало большой работы. Тем не менее двухтомник позволяет составить достаточно объемную общую картину усилий, направленных на укрепление русского влияния в этом районе и на достигнутые результаты.

Лисовой прослеживает основные исторические этапы отношений России со странами Ближнего Востока, начиная с эпохи «калик перехожих» и первых древнерусских «хождений». Подробнее анализируются различные аспекты российского проникновения в пределы Иерусалимского и Антиохийского патриархатов в конце XVIII — начале XX вв. (когда Палестина, как и Ливан и Сирия входили в состав Османской империи).

В целях более наглядной периодизации русского присутствия автор вводит проблемно-хронологические, именные обозначения того или иного «проекта», определявшего характер и главное содержание соответствующего периода. Это вполне оправдано. Так, «проект Нессельроде» 1840-х гг., разумеется, отличается качественно не только в собственно внешнеполитическом (до и после Крымской войны), но и в социально-экономическом плане от пришедшего ему на смену из недр «партии Мраморного

дворца» «проекта Мансурова» 1850—1860-х гг., для которого характерна откровенно декларированная и отвечающая эпохе реформ ориентация «не на политические, но на спекулятивно-коммерческие» методы проникновения. Это изменило не только дипломатическую концепцию, но и весь «колот» русского дела на Востоке.

Подобная «проектная» периодизация чревата порой и определенными сложностями, когда, например, вполне справедливо выделяемый автором «проект Антонина», один из ключевых в истории Русской Палестины, накладывается хронологически на еще не завершившийся «проект Мансурова» и на начавшийся — с созданием Православного палестинского общества в 1882 г. — «проект Хитрово». Кстати, Лисовой в последнем случае недостаточно, на наш взгляд, обосновал, почему всю многогранную деятельность Императорского православного палестинского общества (ИППО) можно обозначить как проект именно В. Н. Хитрово.

Документальный корпус первого тома составлен в порядке возникновения соответствующих учреждений и структур: материалы русского консульства (с 1891 г. генконсульства), созданного в Иерусалиме в 1858 г., Палестинского комитета (с 1859 г.) и Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД (1864—1889 гг.), наконец, ИППО (с 1889 г.) (1882—1917 гг.). В том же хронологическом порядке даны документы по истории основных архитектурно-строительных мероприятий Общества на Святой Земле.

Второй том полностью посвящен истории Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме (1847—1917 гг.). Он подразделяется на две части. В первой представлены документы, вторую составили две крупные, впервые вводимые в научный оборот монографические работы историков-палестиноведов Хитрово и А. А. Дмитриевского, а также большие фрагменты неопубликованного дневника самого знаменитого из начальников РДМ архимандрита Антонина (Капустина). Автор умело ориентируется в обильном архивном материале и использует его весьма экономно. В документы, отнесенные к каждому из тематических разделов, включены наиболее ранние по времени, что позволяет проследить историю возникновения учреждения или объекта и итоги их деятельности.

Внутри разделов отражены — по возможности — разнообразные аспекты жизни русской колонии: имущественно-правовой статус российских владений (кушаны, купчие и т. п.), археологические и архитектурные дискуссии, социальные характеристики.

Известную стереоскопичность придает материалам книги еще один используемый автором прием — личностная определенность тех или иных подборок документов. Рассказ о церкви Марии Магдалины строится преимущественно на переписке Антонина с помощником председателя ИППО М. П. Степановым, история Сергиевского подворья — на переписке Д. Д. Смышляева и В. Н. Хитрово. Перед читателем предстает своеобразный эпистолярный портрет исторических деятелей Русской Палестины.

Русское присутствие в Палестине и Сирии являлось результатом не всегда единого взаимодействия государства, церкви и «народной дипломатии» (паломничества). Ведущую роль играло государство, что объяснялось его преобладанием в жизни страны, особым характером взаимоотношений с церковью, малоразвитостью гражданских прав населения. Посольство князя Владимира в Иерусалиме (1001 г.) предшествовало появлению там «первопаломников» — игуменов Варлаама (1062 г.) и Даниила (1106—1107 гг.). Учреждение русских консульств на Ближнем Востоке (с конца XVIII в.) предвзяло основание РДМ (1847 г.), а сама эта миссия находилась в двойном подчинении — Святейшего Синода и Министерства иностранных дел. Палестинский комитет (1859—1864 гг.) носил в известном смысле надправительственный характер, ибо возглавлялся братом царя, генерал-адмиралом (то есть главой военно-морского ведомства) великим князем Константином Николаевичем, а сменившая его Палестинская комиссия (1864—1889 гг.) состояла при Азиатском департаменте МИД. ИППО, основанное в 1882 г., на протяжении всей своей истории пользовалось поддержкой, в т. ч. непосредственно финансовой, императорской фамилии и правящих сфер. Достаточно сказать, что возглавляли Общество в дореволюционный период сначала брат Александр III, великий князь Сергей Александрович, а после смерти последнего его вдова великая княгиня Елизавета Федоровна. В числе почетных членов Общества мы видим в различные годы практически всех председателей Совета министров России (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, В. Н. Коковцев, И. Л. Горемыкин, Б. В. Штурмер), обер-прокуроров Св. Синода (К. П. Победоносцев, П. П. Извольский, В. К. Саблер), представителей МИД, сенаторов, членов Государственного совета. Определенную роль в истории русского проникновения на Ближний Восток играли, конечно, и предпринимательские интересы. Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), созданное в 1856 г., не

только осуществляло рейсы для паломников из Одессы в Яффу, но и, по утверждению уже упоминавшегося Мансурова, «интересы нашего правительства на Востоке совпадали в видах РОПИТ, и сие последнее может служить лучшим и вернейшим оружием для исполнения того, что требуют достоинство и польза Русской Церкви» (т. 1, с. 24).

Документы и материалы сборника свидетельствуют, что ни у правительства императорской России, ни у руководства СССР на протяжении всего рассматриваемого периода не было каких-либо колониалистских планов в отношении Сирии и Палестины. Аннексионистские притязания царизма даже в годы первой мировой войны не простирались далее Черноморских проливов, а советское правительство после второй мировой войны не имело более далеких замыслов, нежели попытка создания под эгидой Москвы системы «общеправославного единства» с приданием Московской патриархии титула «Вселенской» (там же, с. 33).

Из сказанного не следует, что мотивы российского правительства на Ближнем Востоке были только гуманными, духовными. Оно, как и другие великие державы, руководствовалось соображениями престижа, расширения своего влияния в регионе, сохранения геостратегических паритетов.

Правительство России и МИД, в частности, вели в Палестине весьма осторожную политику. Это объяснялось чрезвычайной сложностью, порой деликатностью ситуации. Приходилось иметь дело с соперничеством других христианских держав, поликонфессиональностью самого региона, непростыми отношениями с греческой Константинопольской и Армяно-григорианской церквями, с восточными патриархами. Проведение общей линии порой осложняли расхождения между государственными и церковными структурами самой России. Раскол Русской православной церкви до сих пор сказывается самым печальным образом на судьбе российского наследия в Палестине.

Влияние России в Палестине серьезно зависело от состояния русско-турецких отношений и от отношений Османской империи с другими великими державами. И все же в начале XX в. Россия обрела здесь достаточно прочные позиции. Собственностью только ИППО оценивалась в 2 млн руб., а его смета составляла 400 тыс. руб. в год. России принадлежало на Ближнем Востоке более 70 земельных участков, 6 храмов, 2 монастыря, 11 подворий, способных вместить до 10 тыс. паломников, больница, 6 лечебниц, 113 школ, училищ и учительских семинарий с 11 тыс. учащихся. Только за первые 25 лет су-

ществования ИППО было выпущено 347 различного рода изданий по палестиноведению. «Православный Палестинский сборник», главный научный орган Общества, пользовался и ныне пользуется заслуженным авторитетом в мировой ориенталистике (до революции вышло 63 выпуска, в настоящее время готовится к печати юбилейный 100-й сборник).

Число русских паломников в Святую Землю неуклонно возрастало. Если в конце XVIII — начале XIX вв. оно составляло до 200 чел., а в середине XIX в. — 500—800 чел. в год, то к 1914 г. — до 10 тыс. ежегодно. Подворья Палестинского общества в Иерусалиме могли при этом вместить одновременно (к празднику Пасхи) около 6 тыс. человек.

Укрепление и развитие русского влияния в Палестине требовало не только организованной энергии, но и финансовых затрат. Значительную часть брало на себя государство. Со времен «великих Иванов» восточные патриархи слали в Русское государство посольства, а то и приезжали сами «за милостыней», что позволяло в той или иной мере использовать их в интересах Москвы. С 1725 г. в смете Святейшего Синода появляются отдельной строкой «палестинские штаты». Ассигновались государственные средства на поддержание как РДМ, так и Палестинского общества. В 1912 г. Думой был принят закон о государственном финансировании школьных учреждений ИППО в Сирии, аналогичный законопроект готовился и в отношении школ в Палестине (там же, с. 381). И все же большая часть средств поступала от частных пожертвований — прежде всего, так называемых «палестинских сборов», проводившихся в Вербное воскресенье по всем храмам и монастырям России. По подсчетам секретаря ИППО Хитрово, в каждом рубле доходов Общества в начале XX в. 70 коп. составляли добровольные пожертвования (с. 30).

Таким образом, анализируя главные факторы создания и укрепления Русской Палестины, вообще русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, следует выделить прежде всего ведущую роль государственных структур, но учитывая при этом опору на народные религиозные чувства. Этот феномен безусловно заслуживает дальнейшего изучения.

К числу недостатков издания следует, пожалуй, отнести преимущественное внимание составителей к сюжетам имущественно-правовым и историко-хозяйственным. Вполне ясна «сверхзадача» — обеспечить в первую очередь документально-источниковую базу для продолжения дипломатических и юридических усилий по возвращению России и Русской церкви

конкретных объектов русского наследия в Святой Земле. В этом плане трудно переоценить значение публикуемых документов и составленного Лисовым «Сводного каталога российских недвижимостей» (приложение к т. 1). Хочу все же отметить, что и другие сферы русского культурного и гуманитарного присутствия (медицинское, школьное дело) могли бы быть представлены более выпукло.

А. В. ИГНАТЬЕВ

Примечания

1. ЛИСОВОЙ Н. Н. Ключи к Вифлеему.— Православный Палестинский Сборник. Вып. 31(94), 1992; его же. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и наследие.— Богословские труды. Сб.35. 1998; его же. Храмы Русской Палестины.— Россия и Святая Земля. Страницы истории. М. 1999; его же. Приди и виждь: свидетельство Бога на земле. М. 2000.

С. Г. СИДОРОВ. *Труд военнопленных в СССР 1939—1956 гг.* Волгоград. Издательство ВолГУ. 2001. 508 с.

С. Г. Сидоров исследовал использование труда военнопленных в СССР за более чем семнадцатилетний период их нахождения в плену. Потребовались десятилетия, чтобы ученых наконец-то допустили до секретных архивных документов, а тема о военнопленных перестала быть запретной.

В книге Сидорова впервые представлен обширный материал о судьбе польских, немецких, венгерских, итальянских, румынских, австрийских и японских военнопленных. Показан многострадальный их путь по советским трудовым лагерям. Монография существенно расширяет и дополняет наши знания по истории Великой Отечественной войны и истории СССР в послевоенный период. Автор по-новому подошел к освещению некоторых спорных вопросов исследуемой темы. Так, его подсчеты опровергают утверждения немецких историков, что в советском плену погибло более миллиона военнопленных. Сидоров обосновывает, что всего за 1941—1956 гг. в СССР погибло 580 тыс. военнопленных, что составляет 15% от общей численности. Изучая судьбу иностранных пленных, исследователь неизбежно соприкасается с проблемами сталинизма и его лагерной системы.

Хронологические рамки работы оправданы и обоснованы. Логична и структура этого труда, воссоздающего целостную картину использования военнопленных в качестве рабочей силы в народном хозяйстве Советского Союза. Привлечен и изучен большой архивный материал, проработаны многочисленные документы правительства, НКВД-МВД, других министерств, докладные записки, сводки, справки, материалы отчетно-информационного характера, дела секретариата управления НКВД-МВД по делам военнопленных интернированных, материалы учетно-регистрационного отдела и отдела

трудового использования и многие другие, в том числе Учреждения по делам военнопленных и интернированных Волгоградской области. Свое место обрели опубликованные документы, а также воспоминания бывших солдат германской и японской армий, внимательно просмотрена периодическая печать за указанный период. В научный оборот впервые введены многие ранее неизвестные источники. В качестве приложения приводятся любопытные статистические данные, отраженные в многочисленных таблицах и графиках. Книга содержит обширный справочный материал.

Автор справедливо критикует изданные в 70—80-е годы работы немецких и советских историков за их субъективизм, излишнюю идеологизированность, односторонний и поверхностный подход, а порой и прямое искажение фактов. В этих работах замалчивались негативные стороны содержания пленных в лагерях, данные о смертности и местах захоронений. Отсутствие доступа к архивным материалам приводило к подобным выводам. В то же время автор не отрицает, что в своей работе он опирается на определенные результаты, достигнутые в исследовании истории военнопленных в СССР, особенно в 90-е годы.

Сидоров знаком с зарубежной историографией, но хотелось бы сделать одно замечание. Проблема немецких военнопленных занимает большое место в трудах историков ФРГ. Много книг появилось в последние годы. Упомянем работы П. Штейнбаха, А. Лемана, Р. Оверманс, А. Хильгера. Автору следовало бы проанализировать их исследования и дать им свою оценку. То же самое можно сказать и о многочисленных воспоминаниях бывших немецких военнопленных.

В книге удачно изложен — по периодам и этапам — материал о применении труда

военнопленных в СССР. Показано, что практика использования военнопленных в народном хозяйстве претерпела определенную эволюцию — от использования их труда на отдельных объектах до массового его применения практически во всех отраслях народного хозяйства. Организации труда и сама система быта пленных были направлены на скорейшее восстановление народного хозяйства СССР, преодоление материальных и духовных последствий войны.

Первый период — сентябрь 1939 — июнь 1941 гг. — использование труда бывших солдат польской армии. В руках НКВД СССР в качестве военнопленных оказалось 130242 чел. (с. 33). По постановлению ЦК ВКП(б) в марте—мае 1940 г. было расстреляно 21857 чел. Многие пленные были распущены по домам, часть других передана немецкой стороне. Трудились они на строительстве дорог, на предприятиях черной металлургии, шахтах. Автор отмечает, что труд их был малоэффективен и плохо организован. НКВД не был готов к приему польских военнопленных. Возникли серьезные проблемы с их размещением, питанием, обеспечением работой, не редкими были побеги, низкая трудовая дисциплина и заработная плата. Общее число работающих составляло примерно 20% всех пленных — 25—30 тыс. человек (с. 51). Производительность труда была очень низкой. Заключение военнослужащих польской армии в лагерях НКВД было явно противозаконным.

Во втором периоде — июнь 1941 г. — май 1945 г. — автор выделяет три этапа. С июня 1941 г. по март 1943 г. происходит становление системы труда военнопленных. Их начали использовать в народном хозяйстве СССР с января 1942 г. и продолжали до весны следующего года. Итоги производственной деятельности лагерей на этом этапе оказались самыми низкими за все военные и послевоенные годы их существования. По мнению автора, причинами этого были высокая смертность среди военнопленных, плохое обеспечение, низкий уровень медицинского обслуживания, недостатки в организации труда. На этом же этапе произошло массовое пленение вражеских солдат в результате обороны и контрнаступления Красной армии в районе Сталинграда. В плен попало 151246 человек, из которых в самом городе было сосредоточено свыше 90 тысяч. НКВД оказался не готовым к приему столь большого числа военнопленных, из которых многие были истощены, обморожены и морально подавлены. Пленные умирали десятками тысяч (с. 84).

Весной 1943 г. началось планомерное использование труда немецких военноплен-

ных, а к концу 1944 г. оно становится массовым. Производственные лагеря появились во всех экономических районах Европейской части СССР и Западной Сибири (с. 130). Впрочем и на этом этапе, по оценке автора, итоги производственной деятельности лагерей в 1943—1944 гг. оказались не высокими. На третьем этапе — в январе—мае 1945 г. — произошло коренное изменение в организации лагерной жизни и труда военнопленных. Улучшились организация лечебного дела и питание, заболеваемость и смертность снижаются, а эффективность производственной деятельности лагерей поднялась. Численность военнопленных в производственных лагерях выросла до 555,3 тыс. чел. (с. 156).

Третий период использования труда военнопленных — июнь 1945—1956 год — оказался самым длительным. В канун нового 1957 г. завершилось пребывание пленных в Советском Союзе. Последними его покинули японские военнопленные. В этот период применение труда пленных приобрело наибольший размах, обозначился переход к массовой организации производственных лагерей. Труд военнопленных использовался во всех отраслях народного хозяйства и экономических районах СССР. Солдаты вермахта стали восстанавливать народное хозяйство. Огромный дефицит рабочих кадров во многом покрывался за счет бывших военнослужащих армий. По утверждению Сидорова, на 1 февраля 1946 г. за стройками и предприятиями 50 союзных наркоматов было закреплено около 2 млн. пленных (с. 207). Всего же за время Великой Отечественной войны в систему Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) поступило 3120944 человек из западных армий (с. 163).

Погодичное рассмотрение автором положения и труда пленных после войны вполне оправдано, поскольку позволяет показать особенности каждого года. Например, 1946 г. стал первым годом, когда большинство лагерей ГУПВИ стало рентабельным, а контингент лагерей, занятый на объектах народного хозяйства, был самым большим за все военные и послевоенные годы. Голод 1946 г. тяжело отразился на производственной деятельности, продовольственным обеспечении военнопленных и их физическом состоянии. В 1947—1948 гг. сыграла свою роль развернувшаяся антифашистская пропаганда. В том же 1948 г., в условиях массовой репатриации, некоторые хозяйственные организации не смогли выполнить годовую производственную программу. В 1949 г. — последнем году массового использования

пленных в народном хозяйстве СССР — завершилась массовая репатриация. В этот год впервые была достигнута годовая рентабельность производственных лагерей. Доходы превысили расходы на их содержание. Выросла средняя производительность труда (с. 363). Одну из причин достижения высоких показателей автор видит в массовом трудовом подъеме в условиях репатриации (с. 364). В 1950—1956 гг. труд осужденных военнопленных использовался особенно эффективно. Впрочем выполненная ими работа уже не оказывала существенного влияния на развитие экономики СССР.

Сидоров справедливо заостряет внимание на вопросе о реальном вкладе военнопленных в развитие и восстановление народного хозяйства СССР. Автор считает, что он был весьма существенным, особенно в строительную индустрию, затем в топливно-энергетическую отрасль, оборонную, металлур-

гическую, лесную промышленности. Интересно наблюдение автора. Наибольший объем работ в абсолютных показателях приходится на РСФСР, а самый значительный вклад пленными был внесен в возрождение и развитие экономики Южного, Центрального и Западного районов (труд японских военнопленных — в развитие Дальнего Востока). Нельзя не учитывать и вклада многих инженеров и научных работников из числа военнопленных. Руководство страны, и особенно медперсонал, делали все возможное в тех условиях, чтобы сохранить жизнь военнопленных. Многие из них в своих воспоминаниях благодарят русских врачей и медсестер за внимательное и заботливое отношение, а также обращают внимание на то, что СССР не стремился мстить или физически уничтожать пленных.

М. Е. ЕРИН

«Gerichtstag halten über uns selbst...» Geschichte und Wirkung des ersten Frankfurter Auschwitz-Prozesses. Campus Verlag. Frankfurt. a.M. 2001. 356 S.

«Вершить суд над самими собой...» История и значение Франкфуртского процесса над палачами Освенцима

Рецензируемый коллективный труд, ставший заметным явлением в научной жизни ФРГ, выпущен Институтом им. Фрица Бауэра (Франкфурт-на-М.) — крупнейшим в Германии центром по изучению холокоста и его последствий. Книга, в которую вошли статьи 14 немецких и зарубежных авторов, принадлежащих к новому поколению исследователей, опубликована под редакцией зам. директора института И. Вояк.

Сменявшие друг друга оберпалачи Освенцима — коменданты лагеря Хесс, Либенхеншель, Крамер, Шварц были схвачены союзниками и казнены по приговорам судов в 1947—1948 годов. Однако изуверы среднего и низшего ранга, используя явную пассивность юстиции или же прямое покровительство преступникам, в условиях послевоенной ФРГ могли благоденствовать в течение двух десятков лет. (Отмечу факт, оказавшийся вне поля зрения немецких ученых: еще в июне 1945 г., через пять месяцев после освобождения лагеря войсками Красной Армии, имена трех непосредственных виновников злодеяний, оказавшихся в 1963 г. на скамье подсудимых, — Богера, Хоффмана и Кадука — были названы в опубликованном массовым тиражом акте советской Чрезвычайной государствен-

ной комиссии по расследованию фашистских злодеяний¹).

Франкфуртский процесс против убийц Освенцима — самый крупный и самый известный в истории ФРГ суд над нацистскими преступниками — проходил в течение 20 месяцев: с декабря 1963 по август 1965 года. Предварительное следствие продолжалось около пяти лет. На скамье подсудимых находилось 22 человека. Все они, за исключением одного, были офицерами или унтер-офицерами СС. Было проведено 182 судебных заседания, допрошено 359 свидетелей — граждан 19 государств².

Процесс над палачами Освенцима, как показывают авторы книги, неразрывно связан с именем Ф. Бауэра (1903—1968) — убежденного борца против гитлеризма, выдающегося юриста, в 1933—1936 гг., политического эмигранта, а с 1956 г. — генерального прокурора земли Гессен. Социал-демократ, антифашист, еврей, узник нацистских концлагерей, политический эмигрант — был белой вороной в среде западногерманских юристов, большей частью начинавших свою карьеру в «третьем рейхе» и неразрывно связанных с нацистской идеологией и практикой, Бауэр добился решения верховного суда ФРГ о начале расследования преступ-

лений находившихся на свободе палачей Освенцима, что открыло дорогу Франкфуртскому процессу. М. фон Мигель приводит слова Бауэра: «Убийцы среди нас, и их число наверняка значительно больше, чем представляют себе добпорядочные граждане» (с. 97).

Нацистские судьи и прокуроры, как следует из многих материалов, приведенных в книге, беспрепятственно продолжали свою деятельность в органах западногерманской юстиции. К тому же рассмотрение юстицией ФРГ нацистских преступлений на практике базировалось на открытом непризнании универсальности принципов международного права. Решительно отвергался обоснованный Нюрнбергским военным трибуналом тезис о преступности гитлеровского государства и нацистской правовой системы. Действовавший в ФРГ уголовный кодекс от 15 мая 1871 г. (к тому же с поправками, принятыми в период «третьего рейха») не содержал понятия «преступления против человечности». Совершенные нацистами злодеяния далеко выходили за пределы тех составов преступлений, которые предусматривали уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия. Возможность фактической реабилитации гитлеровцев вытекала, как показала И. Вояк, из преимущественного применения в уголовном процессе категории так называемого «простого» («непредумышленного») убийства (Totschlag) в соответствии с «необходимостью выполнять приказ». Редким исключением являлись доказательства наличия «квалифицированного» («умышленного», «из низменных побуждений») убийства (Mord). При этом дела каждого подсудимого рассматривались изолированно от других, словно эти люди не были членами одного преступного сообщества. На скамье подсудимых находились исполнители, а главные «убийцы за письменным столом» — оказались вне поля действия юстиции ФРГ.

В современной Германии стало признаком хорошего тона отвергать все, что происходило в Германской Демократической Республике. Под прикрытием сомнительной формулы о «второй немецкой диктатуре» отрицаются очевидные факты, в том числе усиления ГДР в деле преследования и наказания нацистских преступников. Авторы придерживаются иной точки зрения. Они считают немаловажным фактором, ускорившим начало процесса, то, что органы юстиции и общественные организации в начале 60-х гг. систематически публиковали и направляли в ФРГ материалы, разоблачающие ушедших от правосудия военных преступников. М. фон Мигель констатирует, что эти документы

давали убедительную картину проникновения нацистов в различные звенья западногерманского государственного аппарата. Это был шаг на пути к «критическому извлечению уроков из прошлого». Пресса либеральной ориентации «постоянно обращалась теперь к тематике нацистских преступлений» (с. 112).

Значительный отпечаток на ход процесса, как показано в книге, приобрело участие в нем в качестве сообвинителя Ф. К. Кауля — участника Сопrotивления, известного в ГДР и за ее пределами адвоката, защищавшего во Франкфурте интересы проживавших в Восточной Германии бывших узников лагеря смерти. Кауль не только добился вызова на суд свидетелей из ГДР, он, по оценке А. Росскопф, «наносил удары по самым чувствительным местам юстиции и обществе ФРГ в связи с их подходом к нацистскому прошлому» (с. 156).

Ф. Бауэр справедливо опасался, что рассмотрение преступлений против человечности, совершенных подсудимыми, «распадется на эпизоды», предстанет в качестве «суммы отдельных событий», вырванных из системы и структуры нацистского общества и государства. По предложению Бауэра были заслушаны многочисленные эксперты, в том числе крупные ученые, представлявшие Институт современной истории (Мюнхен): Х.-А. Якобсен, Г. Карусник, М. Брошат, Х. Бухгайм. Суду были представлены основанные на архивных материалах экспертные заключения о системе нацистских концлагерей, о геноциде по отношению к еврейскому населению Германии и оккупированных стран Европы, об организационной структуре и преступных действиях СС, о плановом уничтожении миллионов советских военнопленных и роли вермахта в этих злодеяниях. Суд над палачами Освенцима послужил стимулом к расширению источниковой базы исследований по истории гитлеровского режима. Материалы экспертизы были сведены в двухтомное издание «Анатомия государства СС», ставшее классикой историографии ФРГ³.

Но если материалы экспертизы Института современной истории получили, хотя и не сразу, самое широкое распространение, то документация, представленная суду выдающимся историком и экономистом ГДР академиком Ю. Кучинским, оказалась забытой. Однако, подчеркивает Ф. Шмальц, именно экспертиза Кучинского, явившаяся образцом «органического сопряжения сфер науки, политики и юрисдикции» (с. 117), стала попыткой вывести процесс за рамки рассмотрения изолированных криминальных деяний. На основании документов их архи-

вов ГДР ученый неопровержимо доказал преступный характер деяний собственников химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Хотя планы превращения процесса в «трибунал против концерна» не оправдались, и материалы Кучинского не повлияли на характер и содержание судебного приговора, уйти от обсуждения в общественном мнении и в научной литературе вопроса о преступном сговоре нацистской верхушки с «ИГ Фарбениндустри» оказалось уже невозможным (с. 122—137)⁴. Шмальц отмечает, что одним из следствий разоблачений Кучинского, был политический скандал, разразившийся в Бонне и получивший достаточно громкую огласку. В марте 1964 г. федеральный президент Любке торжественно вручил Большой федеральный крест за заслуги (высшую государственную награду ФРГ) Бютефишу — бывшему члену правления «ИГ Фарбен», директору предприятий в Освенциме, оберштурмбанфюреру СС, приговоренному американским трибуналом к шести годам заключения. Указ о награждении был в пожарном порядке аннулирован, Бютефиш вынужден был вернуть орден (с. 128—130, 139).

Показания выступивших в качестве свидетелей бывших узников Освенцима, в том числе граждан Советского Союза и Польши, поездка членов суда на место преступления — на территорию бывшего концлагеря воссоздавали картину индустриально оснащенного земного ада. В доме благополучных бундесбюргеров, на экраны их телевизоров ворвались отблески пламени крематориев. Западных немцев потрясли не только ужасы лагеря смерти, но и, говоря словами Х. Арендт, «тривиальность зла», творимого заурядными «людьми, как ты и я» (таким было название серии репортажей о подсудимых, опубликованных в популярном еженедельнике «Stetn»).

«Обвинение, — утверждает М. фон Мигель, — было выдвинуто против «самых обычных людей» своего времени», против «типичных представителей германского общества нацистских времен» (с. 106). В книге приведены слова Бауэра, считавшего опасной иллюзией удобное кое для кого суждение, что за злодеяния тоталитарного режима несет ответственность только кучка коричневых бонз: «В Германии были не только нацист Гитлер и нацист Гиммлер. Были сотни тысяч, миллионы людей, которые совершали преступные деяния не только потому, что им приказали, но и потому, что это уже стало их собственным мировоззрением» (с. 37).

Общество через двадцать лет после капитуляции Германии вернулось к мучительной проблеме национальной вины и наци-

ональной ответственности, поставленной в 1945 г. перед немцами Карлом Ясперсом. В репортажах из зала суда вольно или невольно воссоздавался механизм воздействия диктатуры на «простых немцев», которые либо участвовали в злодеяниях, либо молча потакали палачам. Не стремление ли уйти от саднящего душу ощущения вины и ответственности рядовых немцев объясняет парадоксальные, на первый взгляд, результаты опросов общественного мнения 1964—1965 годов? При повсеместном осуждении нацистских преступлений значительная часть респондентов — от 52 до 69% — высказывалась за прекращение судебного преследования фашистских преступников (с. 103). Противоречие между осознанием национальной вины и стремлением отвести ее от себя, по оценке фон Мигеля, «касается основной субстанции общественного сознания ФРГ» (с. 111) и выходит далеко за пределы 60-х годов. Об этом красноречиво свидетельствуют дискуссии 1995—1999 гг. о книге американского ученого Д. Голдхагена «Добровольные подручные Гитлера» и о выставке «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941—1944 гг».

Память о Франкфуртском процессе, об Освенциме сохраняется в немецкой художественной литературе и публицистике. Об этом говорится в статье Ш. Брезе.

После процесса слово «Освенцим» стало, по словам выдающегося историка Х. Моммзена, «шифром нацистской политики, взятой в целом». Крупнейший немецкий философ и социолог Т. Адорно следующим образом сформулировал современный «категорический императив»: «предотвратить возвращение Освенцима», создать «духовный, культурный и общественный климат, способный не допустить повторения, то есть климат, в котором мотивы, приведшие к ужасу Освенцима, хотя бы в какой-то степени будут осознаны»⁵. Этой благородной цели прямо служит рассматриваемый труд, который входит в состав корпуса публикаций современных историков ФРГ, посвященных истории выхода германского общества, германского общественного сознания из тоталитарного тупика.

А. И. БОРОЗНЯК

Примечания

1. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их помощников. О чудовищных преступлениях гер-

- манского правительства в Освенциме. М. 1945, с. 30—31.
2. См.: РОЗЕН В. Нацисты и боннская фемида. М. 1966; ЛЕДЯХ И. Я. Нацистские преступники и судебная практика ФРГ. М. 1973; АЛЕКСЕЕВ Н. С. Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. М. 1986.
 3. Anatomie des SS-Staates. Bd. 1—2. Frankfurt a.M. 1965.
 4. См. публикации последних лет: WAGNER B. IG Auschwitz. Zwangsarbeit und Vernichtung von Häftlingen des Lager Monowitz 1941—1945. München. 2000; ejusd. Gerüchte, Wissen, Verdrängung. Die IG Auschwitz und das Vernichtungslager Birkenau. München. 2000.
 5. АДОРНО Т. Воспитание после Освенцима. — Новое время, 1993, № 5, с. 56—58.

D. SCHIMMELPENNINCK VAN DER OYE. *Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. Northern Illinois University Press. De Kalb. 2001. 330 p.

Д. СХИММЕЛПЕННИК ВАН ДЕР ОЙЕ. Навстречу Восходящему Солнцу. Русская имперская идеология на пути к войне с Японией

Книга проф. университета Брок (Св. Катарина, Онтарио, Канада) Д. Схиммелпенника — завершение многолетнего исследования этого автора, выбравшего достаточно известную и исследованную тему, но сумевшего подать ее в непривычном для отечественного и зарубежного историка ракурсе. Политическая история движения России на Дальний Восток и ее столкновения с Японией имеет богатую историографию, однако именно идеология этого движения оставалась вне пристального внимания историков.

Причина этого заключалась прежде всего в сложности объекта изучения. Классические работы Б. А. Романова по дипломатической истории русско-японской войны, казалось бы, надолго исчерпали вопрос. Автором использована обильная литература по этой теме на английском, немецком и французском языках. Документы 39 архивных фондов из 11 архивов России и США составили солидную базу исследования.

Сложность задачи, поставленной Схиммелпенником, очевидна. Пожалуй наиболее яркое тому доказательство — личность последнего русского императора. В его дневнике и переписке крайне редки свидетельства личного отношения к государственным проблемам, что осложняет анализ и реконструкцию взглядов Николая II. Между тем Схиммелпенник выбирает именно этот последний путь и приходит к весьма интересным выводам. Ему удалось показать, что отношение императора к дальневосточным проблемам сформировалось еще до знаменитого кругосветного путешествия, предпринятого под сильнейшим влиянием идей Н. М. Пржевальского. Наибольшие симпатии у Николая II вызывала именно Япония и ее жители, в то время как к Китаю и его куль-

туре он относился с пренебрежением, которое граничило с раздражением. Даже известнейший «инцидент в Оцу» — история покушения на жизнь цесаревича, как убедительно доказывает автор (с. 20—21), не изменил положительного отношения будущего императора Николая II к японцам.

Имперская идеология и менталитет вообще часто используются некоторыми исследователями в качестве своеобразного ultima ratio regis, апелляция к которому освобождает от необходимости поиска доказательств собственной правоты и бессодержательности критики. Ведь и менталитет вообще, и имперская идеология в частности, без сомнения, существовали и существуют в некоем неопишемом и сложном состоянии. Схиммелпенник, в отличие от традиционной истории дипломатии решил представить читателю широкую картину истории внешней политики Российской империи и объяснить ее идеологические предпосылки.

Начинает автор с анализа идей «азиатизма», получивших широкое распространение в России накануне активизации ее дальневосточной политики. Признание некоего единства или даже первенства азиатской сущности русской цивилизации, как отметил автор, возникает в момент кризисных отношений с Западом, и, конечно, в той или иной степени «азиатизм» был присущ государственной идеологии нашей страны весь XX век (с. 60). Уже этого достаточно, чтобы оправдать обращение к его истокам, к 80-м годам XIX века. Нельзя не обратить внимание на атмосферу, в которой появляются эти идеи — это и своеобразная усталость от модернизационных попыток правительства, и внешнеполитическая, иногда вынужденная, изоляция, и попытка преодолеть ее,

опираясь на ресурсы «родственных» цивилизаций, и открытие российскими интеллектуалами для себя Азии с ее многоцветием культур, широтой географических просторов. Правда, если в отечественном «европеизме» любовь часто сочеталась с недоверием, то русский «азиатизм» сопровождался чувствами превосходства и страха. Глубокое исследование образа «желтой опасности» в русском политическом сознании убедительно демонстрирует это.

В этом отношении абсолютно оправданно обращение к личностям, взглядам и позициям, открывавших это многоцветие и эти просторы, прививавшим интерес к ним, готовившимся их эксплуатировать и покорять. Схиммелпенником выбраны наиболее показательные личности, которые внесли наибольший вклад в эти направления — Н. М. Пржевальский, Э. Э. Ухтомский, С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткин. Сторонник жесткой политической линии в Азии, особенно по отношению к Китаю, путешественник с душой конкистадора; идеалист, увидевший на Тибете и за Хинганом мистические истоки власти «Белого Царя» и сделавший все, для того, чтобы Россия мирно пришла к этим истокам; финансист, строивший политику на гешефте и балансе, призывавший «недоедать, но вывозить», проникать мирно, но в столь крупных масштабах, что это выглядело вызовом далеко не всегда ярко восходящему солнцу империи микадо; генерал, сделавший свою карьеру в восточных по преимуществу войнах, протестовавший против политики, которая могла ослабить Россию на ее западных границах, правда, делая это скорее суетливо, чем решительно, как бы предвосхищая свой полководческий стиль а сопках Манчжурии. Практически все противоречия между теми, кто внес свой вклад в идеологию движения на Дальний Восток отразились на противоречиях русской политики в Китае, что и сумел показать автор.

Обращение к этим персонажам российской истории интересно само по себе, но его явно недостаточно для того, чтобы ответить на вопрос — почему, почти сразу же после восшествия Николая II на престол произошел резкий поворот русской имперской политики. Все это требует сведения в единую широкую картину и концепций этих авторов и событий мировой политики великих держав того времени. Здесь, собственно, и начинается самая сложная часть работы исследователя — определение степени влияния этих идей на императора. Николай II, чрезвычайно увлеченный идеями маринизма, был просто фанатическим сторонником

создания мощного флота в России, что было просто немыслимо без порта, дающего открытый выход в Мировой океан. Парадоксально, но факт — именно с этим императором связывал свои надежды на достойное место в русской истории. Среди планируемых названий этого порта, были, как известно, «Святоニコльск» и «СлавноНикольск». На самом же деле Порт-Артуру суждено было сыграть совсем другую роль. Географическое положение империи исключало возможность результативного поиска такой гавани где-либо, за исключением Дальнего Востока, в районе Манчжурии и Кореи, где экономически безраздельно господствовала Япония. Приход сюда России был вызван чем угодно, но только не экономическими предпосылками и задачами. Противопоставить что-либо серьезное японо-корейским торговым связям было невозможно. Россия попросту не могла быть потребителем корейского риса или найти достаточное количество покупателей ситца в стране с традиционным спросом на шелк.

В таком случае нельзя не задать еще раз вопрос, насколько же обоснованной была политика мирного проникновения в Китай, за которой, как оказывается, не стояло ничего, кроме добрых намерений министра финансов удержаться на грани весьма опасного баланса. Каким бы не был российский империализм, а советские авторы, конечно, были уверены в том, что он был «военно-феодальным», у него не было выбора для защиты своих интересов, пусть даже и эвентуальных, кроме вооруженной силы. Кстати, рассуждения о стратегических интересах и эвентуальной угрозе с Востока оказались в XX в. не столь уж бессмысленными. Ведь именно японский солдат был последним интервентом, покинувшим русскую землю после гражданской войны. Как известно, это было только в 1925 году, а выход японцев к границе по Амуру создавал далеко не мнимую угрозу русскому Дальнему Востоку и Восточной Сибири вплоть до 1945 года. Может быть, именно поэтому поражение в русско-японской войне стало тем самым «черным пятном позора», смыть которое мечтали 40 лет люди поколения И. В. Сталина? Нельзя забывать о сложной природе реванша, а в его основе, на мой взгляд, лежит не столько желание отомстить за поражение, сколько боязнь, что следующая проигранная война станет для страны последней. Во всяком случае, именно такой реванш поднял всю Японию на войну с Россией после ревизии Симоносекского мирного договора.

Конечно же, автор прав, уделяя внимание тому, как идеи Пржевальского, Ухтом-

ского, Витте и даже Куропаткина не исчезли и в советский период, иногда неузнаваемо трансформируясь в поделках советской послевоенной пропаганды вроде фильма «Пржевальский». Нельзя не согласиться с основным выводом Схиммелпенника — внешняя политика вообще постоянно испытывает идеологическое влияние, и безусловно, внешняя политика России на Дальнем Востоке в изучаемый период постоянно находилась под сильнейшим влиянием идей «азиатизма». От себя добавлю, это влияние оказалось более сильным, чем экономика. Правда, некоторые носители имперской идеи постоянно апеллировали к будущим

торгово-экономическим интересам. Может быть, именно поэтому так сложно было определить точные границы этого явления. Вложенные в Манчжурию миллионы обернулись потерями, и это при том, что значительная часть собственной территории России до сих пор живет без прочной и надежной железной дороги. Но это уже другая история. Работа же Схиммелпенника обладает несколькими преимуществами — новыми фактами, взглядами, предложениями решения сложнейшей проблемы, что не может не подтолкнуть читателя к дальнейшим вопросам.

О. Р. АЙРАПЕТОВ